

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Башкатов Максим Леонидович

**ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ ДЕНЕГ
В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ**

Специальность 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Е.А. Суханов

Москва, 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИИ ДЕНЕГ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ	16
§ 1. Развитие юридических теорий денег и денежных обязательств	16
§ 2. Юридические свойства денег	40
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РЕЖИМА КРИПТОВАЛЮТЫ В СРАВНЕНИИ С РЕЖИМОМ ДЕНЕГ	78
§ 1. Понятие криптовалюты в действующем законодательстве	78
§ 2. Криптовалюта с точки зрения теорий денег	91
§ 3. Криптовалюта и иные объекты гражданских прав	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	152

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время катализировался процесс осмысления содержания правового регулирования денег и денежных правоотношений. Во многом это связано с бурным развитием технологий и повышением экономической роли криптовалют. Последние подчас называют новой формой денег, а традиционную догматику денежных обязательств критикуют за отсутствие гибкости в вопросах, касающихся ее оборота. Несмотря на то, что тема денег и денежных обязательств была предметом многих отечественных и зарубежных исследований (в частности, в работах Белова В.А., Витрянского В.В., Ефимовой Л.Г., Иванова А.А., Лаврова Д.Г., Литовченко М.В., Лунца Л.А., Новоселовой Л.А., Санниковой Л.В., Сеницына С.А., Харитоновой Ю.С., Цитовича П.П., Шерстобитова А.Е. и др.; Блэка В., Вандезанде Н., Вольфа Э., Гербера Г., Гольдшмидта Л., Гуда Р.М., Зимитиса Ш., Кифнера Г., Кнаппа Г.Ф., Манна Ф.А., Миллера Р.Л., Нуссбаума А., Проктора Ч., Ротбарда М., Савиньи Ф.К. фон., Фокса Д., Хартмана Г., Хайека Ф.А. фон., Хеермана П.В., Шмидта К. и др.), за последние десятилетия в отечественной литературе практически отсутствуют специальные работы, посвященные анализу правовой, в том числе гражданско-правовой природы денег, особенно в сравнительно-правовом контексте.

При этом появилось значительное количество научных статей и монографий, посвященных криптовалютам, которые, однако, рассматриваются вне догматики денег как объекта прав¹ и без подробного сравнительно-правового анализа, хотя только такое исследование может стать базой для осознания места новых финансовых инструментов в системе цивилистической науки. Финансовые кризисы недавнего времени поставили

¹ О проблемах, связанных с объектами гражданского права в условиях цифровой экономики см.: *Сеницын С.А.* Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 77 – 91.

под вопрос стабильность ряда устоявшихся институтов и категорий – в частности, юридического принципа номинализма. Генезис, предназначение и сравнительно-правовой аспект функционирования этого краеугольного принципа, определяющего гражданско-правовой режим денег как отдельного объекта прав, также ранее не исследовались в отечественной цивилистической литературе. Таким образом, актуальность его научно-правового анализа назрела.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² указывает на возможность принятия цифровой валюты в качестве средства платежа, что требует научного изучения их юридической природы как объектов гражданских прав. Аналогичные вопросы возникают и в зарубежном праве. Например, во французском праве в связи с принятием закона от 22 мая 2019 года о регулировании цифровых активов (*actifs numériques*)³, который также допускает их использование в качестве средства обмена (*moyen d'échange*). 14 июля 2021 года Европейский Центральный банк анонсировал пилотный проект цифрового евро, предлагающий решение ряда вопросов, связанных с созданием и распространением цифровой валюты, которая становится дополнением к наличным деньгам⁴. 30 декабря 2024 года вступает в силу Европейское законодательство о цифровых финансовых активах (Markets in Crypto-Assets (MiCa))⁵. Данный документ, содержащий довольно подробное регулирование правил эмиссии классических криптовалют, криптовалют, «привязанных» к национальным валютам (стейблкоинов), а также регламентацию деятельности посредников на данном рынке, оставляет, тем не менее, за своими рамками вопросы частного права.

² СЗ РФ, 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5018

³ Loi n° 2019-486 du 22 mai 2019 relative à la croissance et la transformation des entreprises // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038496102/>.

⁴ Официальный сайт Европейского центрального банка // URL: https://www.ecb.europa.eu/paym/digital_euro/html/index.en.html.

⁵ URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)739221](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)739221).

В октябре 2020 года Банк России начал обсуждать возможность введения цифрового рубля⁶, который планировалось сделать законным платежным средством Банка России в цифровой форме, выпускаемым дополнительно к существующим денежным формам. В настоящий момент соответствующий закон принят⁷. Разработкой национальной цифровой валюты занимается и Китай⁸.

Таким образом, ведущие правовые порядки мира (и Россия не является исключением) находятся в стадии поиска оптимальных решений в области регулирования новых финансовых технологий и адаптации к ним действующих механизмов регулирования денежных отношений. В этой связи научное изучение этих механизмов приобретает очевидную актуальность.

Степень научной разработанности темы. Теории денег в систематическом виде впервые были сформулированы в германской пандектистике XIX века в трудах Ф.К. фон Савиньи (1840 г.) и Г. Хартманна (1868). Они положили начало двум основным подходам в теории гражданского права применительно к денежным отношениям – так называемой общественной (Ф.К. фон Савиньи) и государственной (Г. Хартманн) теориям денег. Дальнейшее развитие этих подходов произошло в трудах А. Нуссбаума (1939 г., 1950 г.) и Ф.А. Манна (1938 г., 1960 г.), которые, по сути, адаптировали подходы Ф.К. фон Савиньи и Г. Хартманна к новым правовым реалиям.

С тех пор в цивилистике регулирование денежных отношений представляло собой результат постоянной борьбы двух названных

⁶ Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e4014c9a7947816217cac1> (дата обращения: 22.12.2021); Цифровой рубль. Доклад для общественный консультаций. М., 2020 // URL: http://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf.

⁷ См. Федеральный закон от 24.07.2023 N 339-ФЗ "О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", а также Федеральный закон от 24.07.2023 N 340-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", вступающие в силу 1 августа 2023 года // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/ (дата обращения: 26.07.2023).

⁸ См. отчет Банка Китая о «Прогрессе исследований и разработок e-CNY в Китае»: Progress of Research & Development of E-CNY in China. // URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf>.

направлений: первое предполагало, что нормы права не способны создать самостоятельный объект прав «деньги», так как гражданский оборот фактически может отказать такому объекту в оборотоспособности; второе исходило и исходит из того, что деньги как объект суть только создание конкретного правопорядка.

Отечественная цивилистика в значительной степени стала отражением данной «борьбы теорий» при преобладании государственной теории денег. Так, работы П.П. Цитовича (1873 г.) и М. Литовченко (1887 г.) представляют собой схематическое приближение к тем же исходным посылкам, что и работы Ф.К. фон Савиньи и Г. Хартманна. В советской литературе глубокое исследование денежные теории получили в классических трудах Л.А. Лунца, который занял промежуточную позицию в споре между этими теориями: признавая роль нормативного регулирования в создании денег как отдельного объекта гражданских прав, он декларировал и противоположный по сути тезис о том, что номинировать конкретный объект в качестве денег может только гражданский оборот. В дальнейшем Л.А. Новоселова и Л.Г. Ефимова развили аргументацию Л.А. Лунца. Так, относительно правовой природы безналичных денег первый из названных авторов выстраивает свою аргументацию в духе государственной теории денег, не считая их деньгами в юридическом смысле⁹, тогда как второй – в духе общественной теории, признавая их таковыми.

Столкновения двух указанных теорий имеет место и в зарубежных исследованиях. Так, принцип номинализма денежных обязательств обосновывается сторонниками государственной теории денег, тогда как современная трансформация данного принципа была проведена с позиции общественной теории денег (В. Блэк). Данные подходы столкнулись и в вопросе определения правовой природы криптовалюты. Сторонники государственной теории денег отказывают криптовалюте в применении к ней положений о деньгах в юридическом смысле (большинство современных

⁹ Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003 // СПС «Консультант Плюс»; Она же. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М., 1996.

немецких и английских авторов), тогда как их оппоненты склонны пересмотреть правовое регулирование, базируясь на общественной теории (например, Ч. Проктор).

В современной российской цивилистике лишь статьи отдельных авторов описывают природу криптовалют (см., например, Л.Ю. Василевская, Л.А. Новоселова, А.В. Саженов, А.И. Савельев, Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова, А.Е. Шерстобитов, Р.М. Янковский и др.), иногда критикуя российское правовое регулирование как не допускающее оборот этих единиц в легальном поле в качестве денег или квази-денег (А.И. Савельев, Р.М. Янковский). В настоящем исследовании впервые анализируется взаимосвязь существующих теорий юридической природы денег с формой нормативного закрепления денег как объекта гражданских прав, с базовыми элементами их правового режима, а также с теми механизмами, которые используются для регулирования правового режима криптовалюты в современном гражданском праве. На этой основе сформулированы выносимые на защиту новые научные положения.

Цель и задача исследования. Цель исследования состоит в формировании научно обоснованной, непротиворечивой теории денег в отечественном гражданском праве, которая объясняет место криптовалют среди объектов гражданских прав и решает вопрос о возможности их отнесения к разновидностям денег в юридическом смысле. Эта общая цель предопределила задачи, решаемые в рамках настоящего исследования:

- определение методологических подходов, наиболее пригодных для описания природы денег в гражданском праве, с учетом того, что деньги являются не только правовой категорией, но и категорией смежных социальных наук;

- выяснение теоретических элементов, которые включают в себя базовые воззрения на природу денег в цивилистике. Это позволит вычленить основные теоретические подходы к регулированию денежных отношений;

- анализ действующего нормативного регулирования и определение основы, которой придерживается российский законодатель, а также определение основных юридических функций денег как объекта гражданских прав;

- рассмотрение принципа номинализма как основного элемента догматической модели денежных обязательств и определение основных теорий денег, которые влияют на его восприятие в цивилистической доктрине;

- рассмотрение правовой природы криптовалюты, которая в экономике считается новой формой денег, что позволяет определить целесообразность деконструирования устоявшейся теоретической модели денежных отношений или способности цивилистической догматики адаптировать криптовалюту в иной, чем деньги, форме.

Структура работы задана поставленными задачами. Работа состоит из двух глав, распадающихся на пять параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы. В первой главе на основе существующих в цивилистическом дискурсе юридических концепций денег, а также анализа процесса их формирования, доказывається необоснованность смешения юридических и экономических функций денег, а также то, что так называемые юридические функции денег и общий механизм гражданско-правового регулирования денежных отношений непосредственно связаны. Кроме того, первая глава диссертационного исследования призвана определить принципиальные черты гражданско-правового режима денег. В этих целях определяются особенности денег как объекта гражданских прав. Вторая глава посвящена особенностям режима криптовалюты в сравнении с режимом денег. Для выявления названных особенностей проводится исследование нормативного понятия криптовалюты и анализ норм, которые применяются к криптовалютам, в первую очередь о денежных обязательствах. В той же главе криптовалюты рассматриваются с позиций различных юридических денежных теорий, а также их соотношение с иными объектами гражданских прав.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с оборотом денег. **Предметом** исследования являются теоретические концепции денег, выдвинутые в юридической науке, действующие нормативные правовые акты, положения проектов наднационального регулирования, решения национальных судов, связанные с деньгами и денежными обязательствами.

Методология исследования. Исследование опирается на историко- и сравнительно-правовую методологию с использованием классических приемов юридического исследования, в частности лингвистического, систематического и логического методов толкования.

Научная новизна исследования. Настоящее исследование представляет собой научное исследование развития догматической категории «деньги» и установлением ее отличий от так называемых криптовалют, которые считаются наиболее современной формой расчетов. Это первое исследование соотношения правовых конструкций денег и криптовалюты в отечественном и зарубежных правовых порядках, проведенное на основе критического анализа различных цивилистических теорий правового режима денег как объекта имущественного (гражданско-правового) оборота. Это позволило автору обосновать следующие основные **новые научные положения, которые выносятся на защиту:**

1. Установлено, что современные научные теории денег являются продолжением и развитием двух основных глобальных направлений научной мысли: общественной теории денег Ф. К. фон Савиньи, допускающей поливариативность понятия «деньги» на том основании, что критерии денег как объекта прав определяются оборотом, а не государством, и государственной теории денег Г. Хартманна, сторонники которой полагают, что создание системы правового регулирования денег осуществляется нормативным закреплением их критериев. Впервые выявлено, что именно названные теории определяют подходы различных правовых порядков к

нормативному понятию денег. Доказано, что принцип номинализма денежных обязательств в своем современном виде имеет корни в борьбе этих двух подходов.

2. Доказано, что основной юридической характеристикой денег как объекта гражданских прав является режим законного платежного средства, который определяет все структурные особенности денежных правоотношений, в частности, делимость требования и долга в денежном обязательстве с точки зрения права. Деньгами в гражданском праве следует считать лишь объект, наделенный свойством законного средства платежа, который в силу этого может выступать в качестве объекта особого типа обязательств (денежных обязательств), чье стоимостное содержание иррелевантно рыночным колебаниям и, как правило, игнорируется правопорядком. Именно законная платежная сила как юридическое свойство вещи позволяет правопорядку установить такой ее режим, который будет исключать возможность ее оборота по иной, кроме предписанной ценности, а значит и сам принцип номинализма денежных обязательств.

3. Установлено, что понятие денежного суррогата в своем буквальном толковании охватывает эмитированные частным образом государственные деньги; поэтому сделки, направленные на выпуск денежного суррогата или на его оборот, должны считаться ничтожными. Между тем, понятие денежного суррогата по российскому праву должно толковаться расширительно, охватывая не только эмитированные не-государством государственные денежные знаки, но и любые объекты, претендующие на статус обладания юридическим свойством денег, каковым стоит считать оборот по предписанной, а не договорной стоимости.

4. Установлено, что номинализм как принцип игнорирования изменения покупательной силы денег аналогичен нормативному правилу о неизменности количества оговоренного предоставления применительно к деньгам как особым объектам обязательств. Предоставление суду возможности выбрать дату конвертации иностранной валюты по принципу

справедливой компенсации игнорирует правило о количестве предоставления (номинализм), и дает возможность присуждения справедливого объема покупательной силы, о котором, по мнению суда, стороны договорились. Этот же принцип лежит в основе мотивов законодателя при закреплении правила о дате пересчета. Доказано, что принцип номинализма действует только для обязательств, выраженных в единицах законного средства платежа (при отсутствии вопроса о конвертации) или в иностранной валюте (когда по правилам, действующим в стране суда, возможно вынесение решения о предоставлении в иностранной валюте). При этом стороны вправе отойти от этого принципа, используя различные механизмы, направленные на сохранение той платежной силы предоставления, которую они имели в виду при заключении договора.

5. Установлено, что принцип номинализма сводится к классическому общему принципу *pacta sunt servanda*, применимому с учетом выработанных правом механизмов корректировки договоренностей сторон, которые продиктованы как политико-правовыми (привлекательность юрисдикции для разрешения спора; поддержание экономики страны суда; благоприятствование повышению уровня международных связей и проч.), так и частноправовыми соображениями: следованием принципу справедливой компенсации и, в более общем виде, принципу добросовестности при осуществлении и защите субъективных прав. Таким образом, речь идет о попытке догматического решения новой проблемы с помощью проверенного механизма договорного права.

6. Доказано, что криптовалюты представляют собой особый объект гражданских прав, не являющийся деньгами в юридическом смысле. Криптовалюты не могут быть квалифицированы и в качестве денежного суррогата, так как не выполняют в полной мере юридические и экономические функции денег. Признание за криптовалютами правового режима, не сводимого к известным объектам прав, ведет к применению к обязательствам по их передаче некоторых общих положений о денежных обязательствах по

аналогии закона (например, о делимости требований, о валюте долга и валюте платежа). Однако иные элементы режима денежных долгов (например, проценты годовые) не приспособлены для отношений по предоставлению криптовалюты, поскольку предметом большинства норм о денежных обязательствах является оборот объектов, обладающих законной платежной силой.

7. Установлено, что трактовка цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств приводит к необходимости распространения на их обращение положений гражданского законодательства о банковских счетах, что нельзя признать догматически оправданным из-за разной природы обязанностей кредитной организации перед владельцем банковского счета и оператора платформы цифрового рубля перед пользователем цифрового рубля соответственно. В основе обязательства оператора отсутствует денежное требование пользователя, а потому основания и пределы ответственности оператора в таком относительном правоотношении носят принципиально иной характер, нежели в расчетных обязательствах с участием банков.

Рекомендации по использованию научных выводов. Полученные в результате настоящего исследования выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, при формировании гражданского законодательства, а также в ходе разрешения судебных споров. Сделанные выводы и содержащийся в работе фактический материал могут быть использованы в преподавательской деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности исследования подтверждается произведенным анализом зарубежных и отечественных нормативных актов, судебной практики и доктринальных источников, постановкой целей и задач исследования и избранной методологической основой исследования.

Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Результаты проведенного исследования использованы в учебном процессе при чтении

специальных курсов «Финансовые сделки» и «Ценные бумаги и подобные механизмы финансирования»¹⁰ для студентов магистратуры и проведении семинарских занятий по гражданскому праву на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в процессе законопроектной работы при разработке режима криптовалют, а именно, при внесении изменений и дополнений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также при разработке законопроекта о майнинге.

Основная часть сформулированных в ходе настоящего исследования выводов и их аргументация нашли отражение в ряде докладов автора: «Итоги применения 259-ФЗ в части регулирования криптовалют» на XI Петербургском Международном Юридическом Форуме (10.05.2023), «Первые регуляторные результаты в сфере оборота ЦФА» на I Балтийском юридическом форуме мастеров (21.04.2023), «Цифровой рубль с точки зрения классической догматики» на X Московском международном юридическом форуме (7.04.2023), «Гражданско-правовое регулирование сделок с криптовалютами» на конференции «Цифровые рынки и экосистемы: правовые вопросы. Конференция Право.ру» (25.11.2022), «Криптовалюты как объект прав» на Сибирской юридической неделе 2022 (5.10.2022), «Криптовалюты и их место в экономике будущего» на X Петербургском Международном Юридическом Форуме (29.06.2022), «Законодательство о майнинге» на Красноярском экономическом форуме-2022 (2-4.03.2022), «Цифра и право: что нового?» на Форуме инновационных финансовых технологий Finopolis 2021 (07.12.2021), «Оборот и защита цифровых финансовых активов, их учет и легализация» на Сибирской юридической неделе 2021 (07.10.2021), «Цифровые технологии на финансовом рынке: с точки зрения права» на Петербургском Международном Юридическом Форуме 9 ³/₄ (19.05.2021),

¹⁰ Сборник учебно-методических материалов по гражданскому праву / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2023. - 714 с. С. 495-503, 635-647.

«Цифровые финансовые активы: сравнительно-правовой анализ новелл российского законодательства» на X Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года» (01.03.2021), а также в научных публикациях автора: Башкатов М.Л. Криптовалюта с точки зрения юридической теории денег: попытка анализа // Законодательство. 2023. №3 С.6-17; Башкатов М.Л. Глава 3. Монетарная система, понятие и правовая природа криптовалюты. В книге: Право и экономика блокчейна / М.Л. Башкатов, Ю.В. Брисов, С.Л. Будылин [и др.]; ответственный редактор Ю.В. Брисов. — СПб.: Legal Academy, 2022. С. 38-56; Башкатов М.Л. Принцип номинализма в денежных обязательствах (по английскому праву) // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова. Статут, г. Москва, 2020. С. 373-404; Обязательства из договора условного депонирования (эскроу) (§ 2 гл. 41); Обязательства из договора займа (§ 1 гл. 45); Обязательства из кредитного договора (§ 2 гл. 45); Обязательства из договора финансирования под уступку денежного требования (§ 4 гл. 45) В книге: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. Т. IV: Отдельные виды обязательств. — Москва: Статут, 2023. — 606 с. С. 125-133, 305-315, 316-323, 331-337; Башкатов М.Л. Современная теория денег с точки зрения классической германской догматики: генезис и современные вызовы // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. Сборник статей к юбилею Е.А. Суханова. Статут, г. Москва, 2018. С. 42–81; Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / А.Ю. Иванов (рук. авт. кол.), М.Л. Башкатов, Е.В. Галкова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т права и развития ВШЭ – Сколково. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 237 с.; Башкатов М.Л. Адаптация оригинальных теорий денег в цивилистике XX века / М.Л. Башкатов // Законодательство. 2017. № 1. С. 31 – 41; Башкатов М.Л. Генезис юридических теорий денег и денежных обязательств в классической германской догматике / М.Л. Башкатов // Законодательство. 2016. № 6. С. 59 – 68; Башкатов М.Л.

«Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с. С. 82 – 106; Башкатов М.Л. Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 2. С. 42–64 и др.

Структура диссертации. Структура изложения обусловлена содержанием исследуемых автором проблем. Диссертация состоит из введения, двух глав (включающих в себя пять параграфов), заключения, списка использованных нормативно-правовых актов, списка использованных актов судебной практики, а также списка использованной литературы.

Глава 1. Концепции денег в цивилистической доктрине

§ 1. Развитие юридических теорий денег и денежных обязательств

В современной литературе принято считать, что в теории гражданского права самостоятельная концепция денег была впервые оформлена в работах Ф.К. фон Савиньи¹¹.

Отправной точкой в юридическом анализе денег для Ф.К. фон Савиньи послужило использование результатов политической экономии, результаты которой, по его мнению, незаслуженно игнорировались предшественниками¹². Так, автор прежде всего исходит из функций денег: функции денег как абсолютного мерила стоимости всех предметов и функцию (он считает ее высшей) самостоятельного представления стоимости (*Wertrepräsentanz*). В последнем смысле они представляют стоимость всех иных имущественных единиц и предстают «как абстрактное средство превращения всех предметов имущества в чистые квантитеты»¹³ (в оригинале – *Quantitäten*). Иные функции денег, такие как всеобщее средство обмена и обращения, Ф.К. фон Савиньи вообще не упоминает. Возможно, он считал их содержащимися в функции абсолютного представления стоимости.

Такую способность приводить все стоимости к одному знаменателю деньги приобретают не в результате государственной денежной монополии, а оттого, что всеобщее мнение придает им данное качество: каждый принимает деньги в уплату долгов именно потому, что другие участники оборота готовы принимать их в уплату по такой же стоимости. Государство же выступает в роли посредника, который пытается создать эффективные деньги, чтобы породить эту всеобщую веру. Те денежные знаки, что создаются государством,

¹¹ *Kiefner H. Geld und Geldschuld in der Privatrechtsdogmatik des 19. Jahrhunderts // Wissenschaft und Kodifikation des Privatrechts im 19. Jahrhundert. / hrsg. von Helmut Coing u. Walter Wilhelm. Band 5: Geld und Banken. – Frankfurt am Main: Klostermann, 1980. S. 27.*

¹² Вероятно, именно новаторство такой методологии привело к тому, что Ф.К. фон Савиньи практически не ссылается в вопросе исследования денежных обязательств на предшественников (См. об этом: *Kiefner H. Op. cit. S. 28-29*).

¹³ *Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право. М.: Типография А.В. Кудрявцевой, 1876. С. 279.*

становятся деньгами лишь «*когда и насколько* они признаются таковыми общественным мнением» (выделено мной – М.Б.); оно решает вопрос «не только о том, *что* именно составляет деньги, но и о том, в какой *степени* тот или иной предмет имеет свойство стать деньгами»¹⁴ (выделено мной – М.Б.).

Сама же ценность денег бывает, согласно Ф.К. фон Савиньи, трех видов: он выделял номинальную (Nennwert), металлическую (Metallwert) и курсовую (Courswert) стоимость (ценность) денег. Причем он указывал, что для монет (металлических денег) необходимо «согласие» всех трех типов цен, а для денег бумажных, не имеющих металлического «содержания», – согласованность номинальной и курсовой цены¹⁵.

Следует подчеркнуть, что новаторство Ф.К. фон Савиньи заключалось в том, что он перенес вопрос о деньгах из области экзегезы исключительно законодательных предписаний в область абстрактного догматического анализа. Коль скоро само явление денег мало отличалось для него от любых других объектов прав, он попытался найти в их конструкции что-то отличное от иных предметов правовых притязаний. Это закономерно привело его к поликритериальности понятий «ценности», которые он сделал единственным и необходимым «денежным» атрибутом. Отсюда происходит важная методологическая установка классической пандектистики: деньги мыслятся исключительно как предметы с особой «ценностью».

Другая же стержневая идея Ф.К. фон Савиньи в том, что деньги являются продуктом общественного мнения, а не государственного изъявления. Как отмечается в современной германской литературе, в этом

¹⁴ Там же. С. 280.

Государство может пустить в оборот наряду с т.н. «ходячими деньгами» (Courantgeld), которые общество признает коль скоро правопорядок адекватно отражает ценность благородного металла (из которого они сделаны) в расчетных единицах, также «чистые денежные знаки» (Zeihengeld). Последние могут стать для участников оборота деньгами только на основе «доверия к власти», а именно при наличии целого ряда оговорок: ограничения выпуска бумажных денег, их прием в общественных кассах, обмен в любое время на ходячие деньги. Лишь насколько и до тех пор, пока это доверие не подорвано, бумажные деньги пригодны в качестве подлинных денег (См.: Там же. С. 280-290).

¹⁵ Там же. С. 291-299.

вопросе Ф.К. фон Савиньи явно опирался на господствующие в экономической науке на тот момент воззрения¹⁶.

Дальнейшее развитие подхода Ф.К. фон Савиньи следует усмотреть в конструкции денежного обязательства (*Geldschuld*). Денежное обязательство (это его отправной пункт) не является родовым (в русском переводе – генерическим обязательством (*Gattungschuld*, обязательством по предоставлению родовых вещей), поскольку зависит от предоставления определенной стоимости¹⁷. Вопрос заключается в том, какая из «стоимостей» денег его определяет. Для Ф.К. фон Савиньи ответ следует из «правил толкования юридических сделок» (*Regeln über die Auslegung von Rechtsgeschäften*)¹⁸. Это, наряду с положением о том, что не государство создает деньги, является второй решающей предпосылкой Ф.К. фон Савиньи: стоимость, от которой зависит содержание денежного обязательства, определяется волей сторон¹⁹.

По умолчанию именно курсовая стоимость денег определяет содержание денежного обязательства, если иное прямо не согласовано его сторонами, ведь только курсовая стоимость соответствует всеобщей природе денег: не только то, является ли конкретный предмет деньгами, но и прежде всего также то, в какой степени нечто является деньгами определяет общественное мнение. Деньги и курсовую стоимость даже нельзя отделить друг от друга. Основывающаяся на общественном мнении курсовая стоимость является непосредственным последствием, имеющим для Ф.К. фон Савиньи прямо-таки принудительный характер, которое вытекает из основывающейся на общем общественном мнении природы денег вообще. Как правило стороны при заключении договора об этом не задумываются, но, как указывает автор, если бы они осознали обсуждаемый вопрос, то почти всегда приняли бы

¹⁶ *Kiefner H.* *Op. cit.* S. 32-35.

¹⁷ *Савиньи Ф.К. фон.* Указ. соч. С. 302-303.

¹⁸ Там же. С. 303-304, 315-316.

¹⁹ Там же. С. 315-317.

решение в пользу курсовой стоимости, а не пользу металлической и уж тем более не в пользу цены номинальной.

Так, металлическая стоимость непригодна для определения содержания денежного обязательства именно потому, что исключает бумажные деньги, но, по-видимому, как и курсовая цена дает ответ на вопрос о стоимостном масштабе обязательства²⁰. Номинальная же стоимость отклоняется Ф.К. фон Савиньи по следующим причинам²¹: так как государство в качестве главы монетного двора имеет лишь опосредствующую, но не создающую деньги функцию, установленная им номинальная стоимость закономерно не может иметь обязывающую силу для сторон и судьи, причем имеется в виду ситуация, когда номинальная стоимость не выражена законом. Показательно, что в этом Ф.К. фон Савиньи опирается, среди прочего, на действующее в тот момент прусское законодательство, которое недвусмысленно отказывала номинальной стоимости денег в принудительном курсе²².

Впрочем, Ф.К. фон Савиньи не оспаривает, что законодатель может изменить свое отношение к номинальной стоимости, однако автор считал подобные законодательные установления исключительно пагубными, поскольку, во-первых, кредиторам в отношении прежних денежных требований несправедливо причиняется вред, если за время существования долга в общественном мнении стоимость денег снижается, а во-вторых, из-за деморализующего влияния таких законов, которые приводят ко всеобщим потрясениям правосознания²³.

Практическое значение теории курсовой стоимости Ф.К. фон Савиньи объясняет на следующем примере: «В Пруссии состоялся заем на 400 талеров в грошах (т.е. 9600 грошей) в то время, когда они обращались наравне с ходячею монетою... если платеж должен совершиться в то время, когда эти гроши стояли в самой низкой цене, то должник обязан уплатить или 400

²⁰ Там же. С. 310-311.

²¹ Там же. С. 304-310.

²² См.: *Kiefner H. Op. cit. S. 35-36.*

²³ *Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч. С. 309-310.*

ходячих талеров, либо семьсот талеров грошами. В таком только случае он возвратит кредитору полученную от него первоначально экономическую власть (в оригинале – *Vermögensmacht*), так как на полученные им деньги мог тогда сделать такой же оборот, как теперь на 400 талеров»²⁴.

В основе такого подхода Ф.К. фон Савиньи лежит его убеждение, что законодатель должен самоустраниться из сферы регулирования денежных обязательств (но не в отношении публичного регулирования валютных отношений): в сущности, если такое регулирование необходимо, оно должно соотносываться с природой денег, а именно это и приводит к курсовой стоимости объекта денежного долга²⁵. Между тем, теория Ф.К. фон Савиньи имеет и более глубокое теоретическое обоснование. Как верно обращает внимание Г. Кифнер, его догматическая система была выстроена на фундаменте конструкции правоотношения (*Rechtsverhltniss*) и вытекающей из нее концепции субъективного права как способности к независимому господству индивидуальной воли²⁶. Предметом этого господства воли могут быть: во-первых, ограниченные в пространстве предметы со «связанной природой» (*unfreien Natur*), то есть вещи; во-вторых, действия других лиц, которые могут частично выбыть из сферы действия их свободы и подчиниться воле кредитора, – то есть обязательства. Совокупность же субъективных вещных и обязательственных прав лица, а также его обязанностей образует его имущество. Чтобы прийти к понятию имущества по Ф.К. фон Савиньи, необходимо «абстрагирование» от индивидуальных свойств отдельных прав и долгов, благодаря которому они превращаются в «чистое количество (в оригинале – квантитет, *Quantität* – М.Б.) однородного содержания»²⁷. В то же

²⁴ Там же. С. 313. Как представляется, данный пример выбран Ф.К. фон Савиньи не совсем удачно – так как то, что он стремился им доказать как раз осталось не доказанным. Более ясным было бы указание на падение стоимости самих ходячих денег, а потом посмотреть, насколько бы изменилась сумма ходячих денег, необходимая для приобретения того же количества благородного металла, которое можно было бы получить за изначальную сумму долга во время выдачи займа.

²⁵ Там же. С. 337.

²⁶ *Kiefner H.* *Op. cit.*

²⁷ *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 480-481.

время подобный абстрагирующий метод возможен лишь посредством «редукции» («Reduction») различных субъективных прав и обязанностей к универсальному третьему элементу, а именно к их стоимости. Понятие стоимости «в свою очередь, является внешним выражением и вводится в реальную жизнь через *деньги*, так что в юридическом применении ценность и денежная стоимость являются однозначными выражениями»²⁸.

Тем самым допускается существование «индивидуального имущества» (*das individuelle Vermögen*), т.е. совокупности всех принадлежащих лицу субъективных прав и обязанностей (в абстрактной форме количеств («чистое количество»), которые равным образом относятся к имуществу). Это имущество «всегда можно выразить или как собственность (в оригинале – *Eigenthum*, – М.Б.) на денежную сумму, или как денежный долг, который невозможно оплатить, или как «полное ничто» (в оригинале «*völliges Nichts*» – М.Б.)»²⁹. Таким образом, деньги – это абстрактное выражение имеющейся или отсутствующей власти индивидуума в «действительной жизни» (*wirklichen Leben*)³⁰.

Отсюда становится ясным обращение Ф.К. фон Савиньи к курсовой стоимости при оценке денежных обязательств. Коль скоро существом обязательства является частичное подчинение воли должника воле кредитора (власть кредитора), объем той власти, которую должник предоставил кредитору при заключении договора, не должен меняться, то есть кредитор должен получить ту стоимость, которая была первоначально согласована. В противном случае, а именно при предоставлении номинальной стоимости, имущество кредитора уменьшилось бы, для чего согласно логике Ф.К. фон Савиньи не было ни законных, ни разумных оснований: во-первых, общественное мнение уже не признает номинальную ценность долга подлинной стоимостью, а во-вторых, как уже указывалось выше, отсутствует

²⁸ Там же. С. 481.

²⁹ Там же.

³⁰ *Kiefner H.* *Opt. cit.* S. 38.

нормативное предписание, обязывающее кредитора удовлетвориться предоставлением именно номинальной стоимости. Правда, номинальное предоставление гипотетически могло быть согласовано – и Ф.К. фон Савиньи это признает: но тогда в основе было бы самостоятельное решение кредитора, принимаемое им в сфере его частной автономии.

Таким образом, тезис Ф.К. фон Савиньи о том, что деньги суть «экономическая (имущественная) власть» (*Verfügungsmacht*)³¹ должен восприниматься именно в контексте его трактовки обязательства и понятия имущества. Во-первых, конструкция денег позволяет аналитически (или же, если угодно, дидактически) редуцировать индивидуальные черты любого присвоения к абстрактной категории имущества. Во-вторых, деньги как объект прав по Ф.К. фон Савиньи «цементируют» правоотношение и выполняют роль посредника между субъективным требованием кредитора и субъективной обязанностью должника. Главное достоинство теории денег Ф.К. фон Савиньи заключается в том, что он поставил проблему ценностного содержания денежного долга и предложил ее решать в соответствии с принципами надлежащего исполнения обязательства так как он их понимал, в частности через то, что сейчас мы называем реальным исполнением. Кроме того, именно Ф.К. фон Савиньи подвел к логическому обоснованию вопрос о том, в какой степени инфляционные процессы должны приводить к изменению баланса отношений договора. Неверно понимать его теорию как то, что он оправдывает такое отступление как общее правило – наоборот, такие отступления суть самые редкие исключения, которые должна нащупать судебная практика³².

Наиболее последовательную критику теории денег и денежных обязательств Ф.К. фон Савиньи можно встретить в работах Г. Хартманна, который выдвинул гипотезу о необходимости конструирования понятия денег

³¹ *Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право. М.: Типография А.В. Кудрявцевой, 1876. С. 279.*

³² Само обоснование того, что данный поиск будет с необходимостью осуществляться «внутри» описанной триады в очередной раз подтверждает универсальность теории денег Ф.К. фон Савиньи. В том или ином виде она была воспринята многими пандектистами 19 в. (См.: *Kiefner H. Opt. cit. S. 40-41*).

исключительно с помощью правовых элементов³³. В итоге он сформулировал так называемое «общее правовое понятие денег» (*der allgemeine rechtliche Begriff des Geldes*) и «специальное правовое понятие денег» (*der speciellere rechtliche Begriff des Geldes*)³⁴.

Г. Хартманн видит существенную ошибку Ф.К. фон Савиньи в том, что он не нашел место рассмотрению денег как «всеобщего *законного* средства платежа»³⁵ (выделено мной – М.Б.). В связи с тезисом оппонента о необходимости учитывать волю сторон обязательства при определении его содержания, Г. Хартманн приводит ожидаемый аргумент: денежные обязательства далеко не всегда основываются на сделке, но могут возникать и из иных оснований³⁶. Действительно, теория курсовой стоимости Ф.К. фон Савиньи должна была не основывающиеся на сделке денежные обязательства обосновать иначе, чем волей сторон, а именно непосредственно исходя из мысли о не подлежащей сокращению имущественной власти кредитора. Однако в данном случае подобная «стабилизация» субъективного частного права должна быть обоснована каким-либо дополнительным аргументом.

Не желая исходить из воли сторон при определении денежных обязательств, Г. Хартманн находит для себя ответ в классическом положении римского права о том, что всякое судебное присуждение (*Condemnation*) должно быть направлено на деньги³⁷. В отношении действующего на тот момент права Хартманн выводит формулу: деньги – это «материя... которая признается правом в качестве случайного (*eventuell*) последнего принудительного средства *solutio* обязательств (и подобных обязательству отношений)»³⁸, они состоят из «единиц с определенной материей и формой,

³³ Г. Хартманн *a priori* занимает методологически противоположную Ф.К. фон Савиньи позицию, которую он выражает уже в самом названии своей книги: «О правовом понятии денег» (выделено мной – М.Б.) и явно критикует своего оппонента за противоположный метод, См.: *Hartmann G. Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden*. Braunschweig.: Verlag der Hofbuchhandlung von Eduard Leibrock, 1868. S. 17-46.

См. также: *Kiefner H.* Opt. cit. S. 43.

³⁴ О разнице понятий см. подробнее: *Ibid.* S. 46- 67.

³⁵ *Hartmann G.* Opt. cit. S. 12 f.

³⁶ *Ibid.* S. 47.

³⁷ *Ibid.* S. 48.

³⁸ *Ibid.* S. 50.

снабженных собственной принуждающей платежной силой»³⁹. По Г. Хартманну данное правовое положение имеет публичный характер (*publizistisch, publici juris*), поскольку основывается на государственной воле и не может быть изменено соглашением сторон договора, однако оно существенно влияет на сферу частного права, поскольку содержащееся в нем предписание состоит в том, «чтобы урегулировать *solutio* частнопровых отношений»⁴⁰.

Указанный аргумент позволил Г. Хартманну, в отличие от Ф.К. фон Савиньи, признать бумажные деньги в качестве подлинных денег, отмечая, что денежные знаки (*Scheine*) должны приниматься в качестве средства платежа вместо предназначенных для этого определенных сумм металлических монет⁴¹.

Соответственно, Г. Хартманн принципиально отказывается от курсовой стоимости при определении содержания денежных долгов⁴². Так, с одной стороны, в ряде мест он обращает внимание на то, что с точки зрения действующего права курсовая стоимость отнюдь не всегда должна коррелировать чистому содержанию благородного металла. С другой стороны, Г. Хартманн отмечает, что Ф.К. фон Савиньи упустил из виду значительные колебания стоимости серебряных монет в течение одного года⁴³, а также случаи существования так называемого биметаллизма, в особенности в моменты, когда правопорядок переходит от одной валюты к другой⁴⁴. Все это приводит автора к заключению, что воля сторон должна априори быть направлена на курсовую стоимость⁴⁵.

³⁹ Ibid. S. 58 f.

⁴⁰ Ibid. S. 59.

Данная логика автора критикуется с той точки зрения, что он, подобно своему заочному оппоненту Ф.К. фон Савиньи, не приводит в обоснование своих рассуждений фрагменты источников. Это приводит к тому, что аргументы Г. Хартманна основаны лишь и только на его собственном представлении об институте *solutio* (См.: *Kiefner H. Opt. cit. S. 44*).

⁴¹ *Hartmann G. Opt. cit. S. 59*. Этот тезис Г. Хартманна представляет собой первую попытку в европейской юридической литературе обосновать принцип номинализма именно с правовой точки зрения (См.: *Kiefner H. Opt. cit. S. 45*).

⁴² *Hartmann G. Opt. cit. S. 67-73*.

⁴³ Ibid. S. 70.

⁴⁴ Ibid. S. 72 ff.

⁴⁵ Ibid.

Согласно Г. Хартманну, содержание денежного обязательства должно определяться исключительно номинальной стоимостью. В этой связи можно сказать, что его подход «зеркален» теории Ф.К. фон Савиньи: если последний указал, что общественное мнение определяет не только то, является ли нечто деньгами, но и то, в какой степени оно ими является, то Г. Хартманн «разворачивает» это утверждение. Так как только правопорядок может и должен определить, имеет ли тот или иной предмет платежную силу, именно от него зависит то, в какой степени это имеет место, а именно в каком объеме этому предмету платежная сила приписывается⁴⁶. Указанная государством стоимость с точки зрения права воспринимается как данность независимо от того, является ли она таковой в действительности или нет⁴⁷.

Л. Гольдшмидт приходит почти к таким же выводам, что и Г. Хартманн, однако его подход методологически более близок к позиции Ф.К. фон Савиньи⁴⁸. Для Л. Гольдшмидта деньги тоже основываются на своеобразном признании, но только на признании не общественным мнением, а государством (*öffentliche Meinung*), которое осуществляется либо на основе обычного права (*Gewohnheitsrecht*), либо закона. Такое государственное признание проявляется в двух аспектах: наделении чего-либо качеством мерила стоимости, а также законного или принудительного средства платежа (*Gesetzliches- oder Zwangs- Zahlungsmittel*)⁴⁹.

⁴⁶ Ibid. S. 75.

⁴⁷ Ibid. S. 76. По мнению автора это особенно значимо в отношении разменных монет, хотя является справедливым и в отношении всех ходячих денег, которые изнашиваются с различной степенью интенсивности, а также выражаются в разных денежных единицах.

Между тем, в литературе отмечается то, что аргументация Г. Хартманна по этому вопросу также далека от недостатков, пусть и не «стерильно» догматического свойства. Так, автор распространяет свой тезис о неприемлемости курсовой стоимости на бумажные деньги, применительно к обороту которых его оппонент Ф.К. фон Савиньи как раз и выдвинул противоположный подход, основываясь на недопустимости ущемления имущественной сферы кредиторов. Г. Хартманн же не делает для этого случая исключения, поскольку возможная несправедливость (*Ungechtigkeit*) при применении к бумажным деньгам принудительного курса номинальной ценности не так уж и велика в сравнении с достоинствами его собственного подхода (См. *Kiefner H. Opt. cit. S. 46.*)

⁴⁸ *Goldschmidt L. Handbuch des Handelsrechts. Erste Band, Zweite Abtheilung. Erlangen.: Verlag von Ferdinand Enke, 1968. S. 1060–1231.*

⁴⁹ Ibid. S. 1069-1070.

По мысли Л. Гольдшмидта в основе регулирования денежных обязательств находится понятие валютной системы (Währungssystem)⁵⁰, которая предполагает «принудительный курс для каждого» («Zwangskurs gegen Jedermann») внутри государства и создает для каждого кредитора обязанность принимать валюту в качестве исполнения денежного долга по ее номинальной стоимости. При этом иное может быть согласовано сторонами только в случае прямого разрешения закона. Соответственно, денежный долг может погашаться лишь валютой⁵¹.

Ф.К. фон Савиньи, игнорирующий важность государственных предписаний, был, по мнению Л. Гольдшмидта, совершенно не прав, отыскивая общие правовые положения для всех элементов денежной системы («валюты» от «не-валюты»⁵²)⁵³. Основная ошибка Ф.К. фон Савиньи, как указывал исследователь, заключалась в том, что его учение не отразило государственный аспект (die staatliche Seite) денежного оборота, вследствие «пренебрежения законом (Gesetzesrecht) по сравнению с обычным правом (Gewohnheitsrecht)»⁵⁴.

Описанные выше теории принято считать основными парадигмами юридического осмысления денег в системе континентальной догматики⁵⁵. Теория курсовой стоимости Ф.К. фон Савиньи некоторое время превалировала в германской науке, но позже, с развитием идей позитивизма и после введения в Германии золотой марки как единого законного средства платежа (1876 г.) принцип номинальной стоимости прочно утвердился в праве⁵⁶. При этом, как

⁵⁰ Ibid. S. 1121 ff.

⁵¹ Ibid. S. 1131-1132.

⁵² О понятии см.: Ibid. S.1071.

⁵³ Ibid. S. 1121.

⁵⁴ Ibid. S. 1079 (см. сноску 28).

См. также: *Kiefner H.* Opt. cit. S. 47-48.

⁵⁵ См., например: *Dorn F.* Geldschuld // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Bd. 2. Teilband 1, Allgemeiner Teil / R. Zimmermann (Hg.); Bearb. von F. Dorn. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. S. 456-463.

⁵⁶ *Dorn F.* Opt. cit. S. 463. Идея Г. Хартманна о деньгах как «допустимом принудительном средстве исполнения любого обязательства», будучи во многом побочным продуктом его умозаключений, была развита впоследствии в методологическом контексте примата правовых конструкций над экономической эмпирикой (См., в частности, швейцарскую работу: *Frauenfelder M.* Opt. cit. S. 123 ff). Такой подход привел автора к идее абстрактного *юридического* понятия денег, которое только и имеет смысл при социальном взаимодействии. По мнению данного автора совокупность аргументов (большинство из которых так или

справедливо обратил внимание Г. Кифнер, на практике расчет благородного металла, коррелирующего курсовой стоимости денежного обязательства, неизбежно приводил к столь сложным расчетам между сторонами, что изначальная направленность воли сторон именно на такой способ расчета могла быть поставлена под сомнение. Между тем, именно описанная выше дискуссия поставила важную проблему пределов автономии воли сторон в определении масштаба денежных обязательств: действительно, в ситуации, когда «высчитать» изначальную волю сторон достаточно сложно, она с необходимостью заменяется позитивным правом или по крайней мере обычным правом. Таким образом, был поставлен важный вопрос: принцип номинализма есть продукт толкования воли сторон или же положение права, и, если верно второе, – это императивное или диспозитивное правило⁵⁷?

Другим важным аспектом дискуссии было выявление связи денег как правовой конструкции с неким ценностным содержанием. Соответственно, была поставлена проблема учета экономической составляющей при определении указанной переменной – ценностного (стоимостного) содержания денежного долга. Мыслить деньги в качестве абстрактной конструкции было невозможно ни для Ф.К. фон Савиньи, ни для Г. Хартманна, ни для Л. Гольдшмидта. Однако лишь для Ф.К. фон Савиньи категория ценности имела сугубо абстрактную догматическую цель – для встраивания денежного требования в структуру его конструкции правоотношения. Другое дело, что вариативность позитивного права значительно усложняло ему эту задачу (см. критику Л. Гольдшмидта), однако нельзя отрицать и то обстоятельство, что именно Ф.К. фон Савиньи первым интегрировал деньги как объект в систему гражданского права.

Реакция же на его концепцию со стороны Г. Хартманна и Л. Гольдшмидта как раз доказывает, что они, а вслед за ними и основной

иначе производны от обоснований Г. Хартманна) свидетельствует о том, что деньги могут существовать только в сфере действия права, а потому являются порождением правопорядка (См.: Ibid. S. 76 ff., S. 105-107).

⁵⁷ Kiefner H. *Op. cit.* S. 51; Maydell B. von. *Geldschuld und Geldwert: Die Bedeutung von Änderungen des Geldwertes für die Geldschulden.* München.: Beck, 1974. S. 97-98.

мейнстрим германской пандектистики, органично восприняли этот подход и разнились с ним только в том, как определить (квалифицировать) особенности денег как объекта правоотношения – исходя из воли сторон или из нормативного предписания. Таким образом, номинальная или же курсовая ценность денег воспринимались всеми троими лишь как вполне допустимая альтернатива, принимая во внимание существующее в каждом конкретном месте законодательное регулирование.

Развитие теоретических представлений о деньгах в гражданском праве показывает, что дальнейшее изыскание происходило в двух направлениях. Одно из них заключается в попытке сделать выбор в пользу номинальной или курсовой стоимости на основе привлеченного инструментария других наук, прежде всего экономики. Другое сконцентрировалось именно на попытке сделать этот выбор с помощью сугубо правового анализа. Указанные методы включали порой попытки вовсе отказаться от анализа «ценностного» содержания денег в гражданском праве, причем для этого использовались сходным же образом либо экономические аргументы, либо правовые. Вероятно, именно такое направление мысли объясняет тот факт, что многие теории денег изначально не ставили вопрос о ценности денег как объекта прав вообще, а пытались вывести представление о деньгах дедуктивно или индуктивно из актуальных правовых положений.

В правовой литературе 20 века выдвигалось несколько серьезных попыток адаптировать оригинальные теории денег. Как правило, это объяснялось тем фактом, что исследование (в том числе – догматическое) правового механизма товарного оборота в целом, и финансовых сделок в частности, невозможно без выделения некоего знаменателя в качестве универсального первичного элемента этих юридических конструкций, то есть денег как юридической категории⁵⁸.

⁵⁸*Omlor S. Geldprivatrecht: Entmaterialisierung, Europäisierung, Entwertung. Tübingen.: Mohr Siebeck, 2014. S. 3-7.*

Так, Г. Гербер в развитие теории Г. Хартманна призвал рассматривать деньги исключительно как продукт публичного права⁵⁹, при этом, по его мнению, деньги как явление представляют собой результат синтеза экономики и права⁶⁰. Приняв юридическую составляющую денег как подразумеваемую, он считает их «экономическим объектом, детерминированным юридически» (*rechtlich bestimmte Wirtschaftssache*)⁶¹. Второй этап рассуждений приводит Г. Гербера к абсолютизации публично-правового регулирования денег, которое он признает гораздо более значимым, чем частноправовое или же международно-правовое. Именно конституционному праву принадлежит прерогатива фиксации денег как объекта в праве и, следовательно, в экономической жизни. Деньги же суть пригодны для платежа именно в силу государственных предписаний и ценны в обороте прежде всего как средство платежа, признанное законом⁶².

М. Фрауэнфельдером, в свою очередь, продолжил развитие идей Г. Хартманна, заключив, что с юридической точки зрения деньги интересны как объект принудительного исполнения в частном праве (читай – исполнительного производства), что является прямым следствием отхода современных автору правопорядков от частной экзекватуры⁶³. Однако автор признавал, что коль скоро положения о деньгах являются проявлением государственного принуждения в частном праве, их природа должна пониматься как смешанная, включающая в себя не только частноправовые, но и публично-правовые элементы⁶⁴. Что любопытно, определяя деньги как «субсидиарное всеобщее средство экзекватуры» (*subsidiäres allgemeiner*

⁵⁹ *Ibid.* S. 65-66; *Луниц Л.А.* Указ. соч. С. 35-36.

⁶⁰ *Omlor S.* *Op cit.* S. 65.

⁶¹ *Ibid.*

⁶² *Ibid.* S. 65-66. В отечественной литературе эта позиция была раскритикована Л.А. Лунцем с той позиции, что только фактические действия участников оборота могут придать объекту характер денег. Между тем, классик явно несправедлив к Г. Герберу, поскольку его контр-тезис также требует доказательств. Как будет показано ниже, его собственный подход также базируется на индуктивном анализе законодательства и аксиоматичном представлении о примате экономического знания над правовой материей. Соответственно, и аргумент Л.А. Лунца о том, что фактические действия не могут создать правовой нормы противоречит его же собственной установке. Однако, рассуждения Г. Гербера неоспорны хотя бы потому, что он безапелляционно отказывает частному праву во влиянии на юридическую судьбу объекта.

⁶³ *Frauenfelder M.* *Op. cit.* S. 123, 140 ff.

⁶⁴ *Ibid.* S. 187-190.

Executionsmittel) и воспроизводя во многих аспектах аргументацию Г. Хартманна, автор не ставил знака равенства между собственно «законным платежным средством» (*gesetzliches Zahlungsmittel*) и деньгами. Это в итоге привело его к порочному кругу «деньги – это то, что должно быть способно погашать денежное обязательство»⁶⁵. *De lege ferenda* автор определял деньги как то, что в этом качестве указано в принудительной (императивной) правовой норме, пользуется спросом в обороте и по своей покупательной способности (установленной или относительной) используемая как субсидиарное всеобщее средство экзекватуры в частном праве, а именно системе, построенной на свободе договора и индивидуальной собственности⁶⁶.

К данной теории примыкает Э. Юнг, по мнению которого суть денег проявляется в особой «частноправовой обязанности к приему» (*privatrechtlicher Annahmenezwang*) в уплату долгов⁶⁷. В основе данной идеи находились наблюдения автора о том, что находящиеся в обороте деньги чаще других объектов принимаются участниками оборота для погашения «родовых» долгов (*Gattungsschulden*), а значит они и должны, по его мнению, пониматься в качестве юридически признанного способа исполнения долгов. Как видно, данный подход весьма близок теории Г. Хартманна, с той, однако, разницей, что автор признавал обязательность к приему исключительной прерогативой сторон в обязательстве⁶⁸. При этом, что примечательно, он отрицал юридическое значение иных функций денег кроме как платежной⁶⁹. Как отмечают современные исследователи, основной недостаток теории Э. Юнга заключался в том, что он вовсе игнорировал публично-правовые предписания относительно порядка погашения денежных обязательств, не раскрывая при этом, в каком случае распространенность деловой практики

⁶⁵ Ibid. S. 173.

⁶⁶ Ibid. S.218.

⁶⁷ *Jung E.* Das privatrechtliche Wesen des Geldes. Untersuchungen zur Lehre vom Gelde (sowie vom Gewohnheitsrecht, vom ursächlichen Zusammenhang und von der Auslegung). Marburg.: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, G. Braun, 1926. S.5 ff.

⁶⁸ Ibid. S. 21.

⁶⁹ Ibid. S. 6.

приема денег в уплату родовых долгов с необходимостью приводит к обязанности их принятия сторонами конкретной сделки, а в каком нет⁷⁰.

Э. Вольфа, в свою очередь, определял деньги как заменимые вещи, которые в некоторой области воплощают в себе определенное количество всеобщей меновой ценности (*allgemeine Tauschwert*) как результат государственного регулирования денежных отношений (*aufgrund einer Wahrung verbunden ist*)⁷¹. Важно, что в литературе его подход принято интерпретировать как исключаящий экономическую составляющую, так как он основан на понятии меновой стоимости (*Tauschwert*) не как на экономическом понятии, а как на классической договорной конструкции. Однако Э. Вольф также проводил различие между так называемыми «государственными деньгами» (*staatliches Geld*) и деньгами, имеющими обращение в некоторой области (*Verkehrsgeld*)⁷².

Эта теория демонстрирует применение классического индуктивного подхода, устоявшегося в германской науке до сих пор. Исследованию подлежит именно то, что так или иначе опирается на формальное регулирование. Между тем, очевидное следование позиции Г. Хартманна ставило, как видно, перед исследователями проблему адаптации правового режима безналичных денег, которые формально деньгами правопорядок не называл, однако допускал их использование для платежей. К примеру, известный коммерциалист К. Шмидт вовсе посчитал определение денег сугубо служебной задачей, поскольку правопорядок волен понимать под деньгами конкретное явление в каждом конкретном случае. Однако, что показательно, он не смог отказаться от общего правового понятия денег и для

⁷⁰ *Omlor S. Opt. cit. S. 64-65.*

⁷¹ Автор основывал свое определение на § 91 ГГУ, где дается определение заменимым вещам. Заменимыми вещами в смысле закона признаются движимые вещи, которые в гражданском обороте определяются числом, мерою или весом.

⁷² Последние понимаются автором как деньги, обычно принимаемые в уплату денежных долгов в какой-либо области (имелись в виду прежде всего иностранные деньги). Кстати сказать, безналичные денежные средства Э. Вольф не относил ни к государственным, ни к оборотным деньгам. Он предлагал понимать их как простое право требования, которому не свойственны характеристики заменимых вещей, существенные для определения денег.

целей анализа отождествил понятие денег с понятием денежной функции в широком смысле.

Описанные подходы показывают, что обсуждение природы денег так или иначе велось вокруг оценки государственного влияния на их режим в обороте⁷³. Тем не менее, векторы, заданные Ф.К. фон Савиньи и Г. Хартманном так или иначе воспринимались другими авторами как основы для их собственных положений. Кардинальное новаторство идей можно обнаружить в двух других концепциях, в которых наследие Ф.К. фон Савиньи и Г. Хартманна получило творческую переработку. Речь идет об интерпретациях денег и денежных обязательств, предложенных уже упомянутыми английским и американским коллизионистами немецкого происхождения Ф.А. Манном (теория о деньгах как правовом институте) и А. Нуссбаумом (теория об «идеальной единице»).

Ф.А. Манн выступал за четкое определение денег для правовых целей⁷⁴, признавая, однако, что английское право не требует юридического определения денег в качестве общего правила. Ф.А. Манн при этом разделял понятие денег в конкретном юридическом смысле (*money in concreto*) и некоторое общее юридическое понятие денег, без чего не представляется возможным понять, что же наделяет деньги *in concreto* юридическим «денежным» свойством в каждом отдельном случае, да и что это за «денежное» свойство в принципе⁷⁵. Если же считать, что основную функцию денег, средство обращения, юристы и экономисты оформляют по-разному, исходя из собственных целей, то выходит, что методы будут различны в обоих случаях⁷⁶.

⁷³ Schmidt K. Geldrecht. Vorbemerkungen zu § 244 A. 2 bb). S.18-19.

⁷⁴ Подробнее о приводимых автором примерах из английского права см.: Mann F.A. The Legal Aspect of Money: With Special Reference to Comparative Private and Public International Law. OUP, 1992. P. 3-4; Proctor C. Mann on the Legal Aspect of Money. New York.: Oxford University Press, 2005. P. 6-7).

⁷⁵ Mann F.A. *Op. cit.* P. 4-5.

⁷⁶ *Ibid.* P. 6-7.

См. также: Eder P.J. Legal Theories of Money // Cornell Law Review. 1934. № 20. P. 52-53; Goode R. Commercial Law. – third ed. – London: Penguin Books, 2004. P. 450; Goode R.M. Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions. London: Sweet and Maxwell, 1983. P.1 and further; Kwaw E.M.A. Towards the Creation of an International Legal Regime for the Operation of Eurocurrency Deposits // International and Comparative Law Quarterly. 1994. Vol. 43. № 2. P. 317-346; Margaret S. Non-Cash Alternatives and Money

По мнению Ф.А. Манна, деньгами в юридическом смысле являются движимые вещи (*chattels*), которые отвечают следующим трём признакам: 1) выпускаются (эмитируются) в порядке, установленном правом, в государстве эмиссии; 2) в соответствии с требованиями права номинируются с помощью указания на определенную единицу счета; 3) в соответствии с требованиями права должны служить в качестве средства обращения в государстве эмиссии⁷⁷. Соответственно, любой объект, который будет отвечать таким характеристикам, следует считать деньгами в юридическом смысле. Существенность данных признаков обосновывается теми элементами правового режима, которые с необходимостью должны присутствовать у денег для выполнения ими правовых целей⁷⁸.

Идеи Ф.А. Манна оправданы тем обстоятельством, что система общего права не предоставляла ему единого формального нормативного критерия для выявления «сущности» денег как юридической конструкции, на который бы опиралась вся структура денежных правовотношений. Это обстоятельство знаменательно иллюстрирует тот факт, что аргументация судов опиралась на более-менее умозрительные критерии и принципы в попытке выяснить понятие денег в каждом конкретном случае, а также отыскать применимое к такому случаю правило поведения. Соответственно, во внимание принимались либо экономические аргументы (весьма опасно расплывчатые,

Laundering: An American Model for Canadian Consumer's Protection // *American Business Law Journal*. 1992. Vol. 30/2. P. 171-173; *Geva B. The Concept of Payment Mechanism // Osgoode Hall Law Journal*. 1986. Vol. 24. № 1. В немецкоязычной литературе сходная позиция обоснована в известной диссертации М. Фрауэнфельдера: *Frauenfelder M. Das Geld als allgemeiner Rechtsbegriff: eine Untersuchung über das Verhältnis des rechtlichen zum wirtschaftlichen Begriff des Geldes* («Abhandlungen zum schweizerischen Recht», Н. 136). Bern.: Stämpfli, 1938. S. 17 ff., S. 133 ff. В ней автор говорит о взаимозависимости экономического и юридического понятия о деньгах, однако впоследствии сводит роль экономической науки к собиранию эмпирических материалов для юридической догматики.

О критике данного подхода см.: *Larenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. Erster Band. Allgemeiner Teil.* – 14., neubearb. Aufl. Muenchen.: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1987. S. 165).

О безличных средствах в свете данной теории см.: *Duden K. Der Gestaltwandel des Geldes und seine rechtlichen Folgen.* Karlsruhe: C.F. Mueller, 1968. S. 22 и далее; см. также рецензию того же автора на 3-е издание книги Ф.А. Манна: *Duden K. Mann F.A., The Legal Aspect of Money, with special reference to Comparative Private and Public International Law, 3. Aufl. // Rabels Zeitschrift fuer auslaendisches und internationales Privatrecht, 37. Jahrgang 1973.* Tuebingen.: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1973. S. 783-793); *Foegen H. Geld- und Waerungsrecht.* Muenchen.: Beck, 1969 S. 14 ff); *Karsten S. Geldrecht: Geld, Zins und Waerung im deutschen Recht; Kommentar* – Berlin: Schweitzer de Gruyter, 1983. S. 58 ff.).

⁷⁷О них см.: *Mann. F.A. Opt. cit. S. 8 ff; Proctor. C. Opt. cit. 15 ff.*

⁷⁸*Mann F.A. Opt. cit. P.10 ff.*

но радостно воспринятые А. Нуссбаумом), либо ссылки на государственные прерогативы регулирования денежного обращения. В итоге, вычленение общего трафарета «сущности» денег стало возможным для Ф.А. Манна только при адаптации теории Г. Кнаппа, подтвержденной объективными, а значит в чем-то формальными, фактами истории права. Тем более показательным, что на основе этой разрозненной аргументативной эмпирики Ф.А. Манном формулируются строго формальные юридические признаки денег, критикуемые, как правило, вне контекста их генезиса.

Таким образом, определение денег Ф.А. Манна не может претендовать на универсальность, как не может и свидетельствовать о том, что автор изначально оценивает свои конструкции с позиции их экономической эффективности, то есть экономического анализа⁷⁹. Тем не менее, это определение представляет интерес в связи с той критикой, которую оно встречает в современной литературе.

Основным заочным критиком такого подхода следует считать уже А. Нуссбаума, выступавшего против государственной теории денег⁸⁰ и полагавшего, что деньги с точки зрения права должны пониматься как идеальная единица (*ideal unit*), соотносящая между собой стоимости (ценности) различных товаров. А. Нуссбаум, таким образом, полагал, что юридическое понятие денег должно формулироваться юристом *ad hoc*, право же должно базироваться в этом вопросе на достижениях экономической науки⁸¹.

⁷⁹ Показательно при этом, что для Ф.А. Манна понятие денег общее для права и экономики совершенно бессмысленно.

⁸⁰ Ср.: *Nussbaum A. Das Geld in Theorie und Praxis des Deutschen and auslaendisches Rechts.* – Tuebingen.: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1925. S. 14-21 и *Nussbaum A. Money in the Law National and International. A Comparative Study in the Borderline of Law and Economics.* – Brooklyn.: The Foundation Press, 1950. P. 5-10. Видимо, именно это обстоятельство во многом и предопределило устойчивое восприятие англо-американской литературой теории Ф.А. Манна как специалитета концепции Г. Кнаппа, с самого начала ставшей объектом критики со стороны А. Нуссбаума и его сторонников. Так, см., например: *Samuel M. Non-Cash Alternatives and Money Laundering: An American Model for Canadian Consumer's Protection* // *American Business Law Journal*. Volume 30/2, September 1992; *Proctor C. Opt. cit.* P.15 and further. Сходное отношение можно встретить и в германских источниках: *Simitis S. Bemerkungen zur rechtlichen Sonderstellung des Geldes* // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1960-1961. № 159.

⁸¹ В литературе его теория нередко сводится к так называемой эволюционной (иначе – общественной) экономической теории происхождения денег (*Heermann P.W. Geld und Geldgeschaefte.* Tuebingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2003. S. 15).

Автор основывал свой подход на двух исходных посылах: деньги как социальный институт не являются продуктом государственной воли⁸², деньги как межотраслевая конструкция суть продукт социальной психологии⁸³.

То обстоятельство что деньги оформляются в обороте без вмешательства государства означает, что правопорядок не может произвольно вмешиваться в регулирование денежных отношений. При установлении и исполнении денежных обязательств участники оборота могут игнорировать характеристики передаваемого объекта, иные чем идеальная единица ценности, повлиять на которую правопорядок не в силах. Соответственно, автор заключает что для денежных обязательств имеет значение лишь номинальная ценность, исчисляемая в идеальных абстрактных единицах⁸⁴. Номинальная ценность «оторвана» от ценности объекта, характеризованного как деньги в юридическом смысле. Она – продукт социальных процессов, а не правовых норм как последняя⁸⁵.

По мнению А. Нуссбаума, право и экономика оперируют одной категорией денег. Принимая во внимание социальное происхождение этого института, автор обращает внимание на то, что экономика не нуждается в их статичном определении, тогда как правопорядку такое определение необходимо для нормального функционирования системы денежных правоотношений⁸⁶.

В этой связи характерно, что А. Нуссбаум делает оговорку о том, что социальное происхождение денег не является продуктом обычного права, что коррелировало бы савинианской традиции⁸⁷. Однако в таком случае автор

⁸² *Nussbaum A. Opt. cit. P. 6.*

⁸³ *Ibid. P. 14.*

⁸⁴ *Ibid. P. 14, 17-18.*

⁸⁵ *Ibid.*

⁸⁶ *Ibid. P. 15.*

Стоит отметить, что данный общий методологический посыл был воспринят целым рядом авторов. К примеру, известный германский исследователь профессор Ш. Зимитис также следует данной позиции, подчеркивая, что деньги как институт едины, но их следует рассматривать с различных точек зрения (юридической и экономической). Деньги иницируют товарообмен, а правопорядок устанавливает для него границы. В остальном позиция данного автора фактически идентична идеям А. Нуссбаума по данному вопросу (См.: *Simitis S. Opt. cit. P. 418-422*).

⁸⁷ *Nussbaum A. Opt. cit. P. 8*

вынужден признать, что право должно выработать собственный механизм «реагирования» на денежный оборот, что делает его теорию достаточно противоречивой. Так, с одной стороны, он указывает на то, что определение денег в праве не может формулироваться в отрыве от экономики, поскольку это единая социальная система категорий, с другой же стороны сводит роль правопорядка к «подтягиванию» собственных положений о деньгах к экономической поливариантности понятий⁸⁸. Выглядит закономерным, что критерия, каким должен пользоваться правопорядок для формулирования своих исходных положений о денежных обязательствах А. Нуссбаум не предлагает, поскольку подобная нить рассуждений будет идти по замкнутому кругу. Соответственно, формулирование юридического понятия денег, как нам представляется, искусственно затушевывается вопросом о ценности денег вообще, что, в отрыве от правовых и общепризнанных экономических критериев, и привело А. Нуссбаума к «идеальной единице».

Справедливости ради нужно сказать, что понятие «идеальной единицы» было воспринято в последующей литературе в гораздо меньшей степени, чем другие аспекты теории А. Нуссбаума, описанные выше. Как было только что отмечено, оно могло подвергнуться и подвергалось критике из-за своей неопределенности и непригодности как для индуктивного, так и для дедуктивного юридического исследования денежного обращения. Показательно, что Ш. Зимитис, один из последователей А. Нуссбаума, резонно замечал методологическую уловку своего предшественника, придающего правовое значение денег «вымышленной единице, существующей в виде идеи» («..wenn das Geld als eine lediglich gedachte, ideelle Einheit qualifiziert wird»)⁸⁹. «Идеальная единица» А. Нуссбаума суть всего лишь единица счета и не мыслится вне платежного процесса. Она объясняет, *как* происходит платеж по денежному обязательству, но не дает ответа на вопрос, *почему* денежные обязательства в принципе существуют, регулируются частным правом и

⁸⁸ Cp.: Ibid. P. 8 и P. 15

⁸⁹ *Simitis S. Opt. cit. S. 412 ff.*

погашаются передачей именно специального объекта. Таким образом, этот подход заставляет опять возвращаться внутри замкнутого круга «деньги – это то, что погашает денежное обязательство»⁹⁰. Сам автор предлагает трактовать деньги в частном праве именно как функцию меновой стоимости. В противоположность потребительской стоимости, предполагающей тот или иной материальный (имущественный) носитель, деньги суть объективация меновой стоимости, предназначенной для взаимной оценки (сравнения) потребительских стоимостей товаров в обороте. Соответственно, любой объект, который выполняет данную функцию (в силу ли государственного предписания, в силу ли общественных процессов) должен восприниматься частным правом в качестве денег⁹¹. Как видно, это один из самых слабых моментов в его аргументации, поскольку остается открытым вопрос о том, как может частное право признать деньгами объект, не признанный или даже запрещенный к обращению правом порядком.

В денежном обязательстве денежный знак имеет ценность только как индикатор отношения к некоей идеальной (счетной) единице, которое и принимается в расчет при установлении и исполнении долга. Сам по себе денежный знак не имеет внутренней ценности, если не связан с определенной единицей.

По мнению современного исследователя проблемы Ч. Проктора данное определение с очевидностью базируется на том факте, что роль государства в формировании денежной системы и регулировании денежной эмиссии очень велика. При этом, генезис данного определения, с его точки зрения, следует искать в уже упоминавшейся выше государственной (рационалистической, хартальной) теории Г. Кнаппа. Действительно, как указывал Ф.А. Манн,

⁹⁰ Ibid.

Представления же самого Ш. Зимитиса вряд ли отстоят далеко от идей А. Нуссбаума, несмотря на его собственное мнение. Так, он обвиняет коллегу в том, что он с необходимостью связывает «идеальную единицу» с некоторой субстанцией (например, вещной), которая, по его личному мнению, вовсе не необходима. Между тем, сам Ш. Зимитис также не отрицает значение «материального» в деньгах. «Вещественная» субстанция денег является по его мысли всего лишь проявлением денежной «функции» на конкретном этапе развития общественных отношений (См. Ibid. S. 417-418).

⁹¹ Ibid. S. 407-408.

теория Г. Кнаппа является необходимым следствием признания государственной эмиссионной монополии. Дело в том, что данная монополия является, по мнению ученого, логическим основанием для ряда государственных функций и властных действий: валютного контроля, решений о ревалоризации долгов и др., что подтверждается, к тому же, международными обычаями.

Что же касается позиции Л.А. Лунца, то утверждаемое им сходство его позиции с теорией А. Нуссбаума объяснимо только если принять во внимание рассмотренный выше контекст формирования собственных взглядов Л.А. Лунца на проблемы денежного права. Действительно, будучи связанным марксистской методологией, утверждающей примат экономического базиса над надстройкой, в частности правом, Л.А. Лунц очевидно мог ориентироваться лишь на подход А. Нуссбаума, последовательно проводящего идеи экономического анализа в денежном праве. Тем не менее, показательно, что последний обосновывал свою систему данными стран общего права, тогда как Л.А. Лунц, подобно С.И. Аскназию, был вынужден апробировать подход, чуждый логике гражданско-правовой формы.

Исходя из всего вышесказанного, правовые теории денег можно разделить на так называемые «экономико-релевантные» и «специально-юридические». Теория же А. Нуссбаума в ее завершенном виде находится как раз посередине, восприняв, в силу конкретного исторического момента создания, черты обеих этих групп. Нужно заметить, что с догматической точки зрения под *юридическими теориями* следует понимать «различные принципиальные основания», с помощью которых некая проблема, включая ее предварительные, побочные и частные вопросы, приводится к единому решению, которое будет системно и содержательно согласовано⁹². Исходя из

⁹² *Быдлински Ф.* Основные положения учения о юридическом методе (пер. с нем.) // Вестник гражданского права. Т. 6. № 1. С. 235.

Как верно заметил ученый, назначение правовых теорий в том, чтобы, не нарушая содержания правовых норм, объяснять соответствующие решения на основе принципов и целей права и извлекать из последних непротиворечивые и полезные решения дискуссионных проблем. Соответственно,

этого, к юридическим теориям, в частности в их известной классификации, приведенной Л.А. Лунцем, вряд ли стоит относить большинство указанных теорий. Так теории Г. Кнаппа, Л. Лефлина, Л. Гольдшмитта представляют собой скорее различные ответвления экономической теории, чем юридические построения. Большинство же взглядов, высказанных в современной юридической литературе, могут быть истолкованы как экономико-релевантные. Позиции же Е.А. Суханова, В.А. Белова, Л.А. Новоселовой являются специально-юридическими. Соответственно стоит классифицировать и теории безналичных денег.

Как можно заключить, классификация «юридических теорий» денег, предложенная Л.А. Лунцем, пусть и представляющая собой на первый взгляд искусственное смешение собственно правовых (подходы Г. Хартманна, А. Нуссбаума, Ф.К. фон Савиньи) и преимущественно экономических концепций (Г. Кнаппа, И. Посошкова, И. Фишера, Л. Лефлина, Ф. Бендиксена), имеет в своем основании попытку примирить два самостоятельные классификационных критерия: а именно подходы, связанные с определением того, что такое деньги и взгляды на то, каково ценностное содержание денежного обязательства. Так, ответ на второй вопрос еще со времен Ф.К. фон Савиньи был связан с квалификацией денег как объекта самостоятельного вида обязательств. В этом, кстати говоря, и заключался смысл выделения особого объекта. Закономерно, что при отсутствии четких позитивистских критериев такая задача могла быть решена только при помощи доступного методологического (в том числе экономического) инструментария. Таким образом, принцип номинализма, один из общепризнанных элементов режима денежного обязательства, не мог быть логически обоснован автономно от экономического понимания денег.

Соответственно, теории «номиналистов» и «металлистов», описанные Л.А. Лунцем, казалось бы, имеют ощутимую правовую значимость как

противоположные теории нужно критически проверять на предмет того, какая из них наилучшим образом соответствует описанным требованиям.

конструкции содержания денежного обязательства. Между тем, вопрос о содержании денежного обязательства – это вопрос о допустимых способах оценки ценности объекта такого обязательства, а не о самом объекте. Подобная подмена, как было уже сказано, устоялась в литературе с легкой руки Ф.К. фон Савиньи, который первый связал квалификацию денег как объекта прав с квалификацией денег как ценности. По общему правилу проблема экономической ценности объекта находится вне критериев его правовой квалификации в качестве такового⁹³. С другой стороны, только подобная «увязка» характеристик денег как объекта с их абстрактной или непосредственной ценностью денег позволяла найти необходимый элемент логической связи-посредника между конструкциями денег и иностранной валюты.

§ 2. Юридические свойства денег

Будучи вещами⁹⁴ (ст. 128 ГК РФ) деньги могут рассматриваться в рамках предметной области вещных прав в системе гражданско-правового

⁹³ Что не исключает, однако, возможности учета этой ценности в некоторых специальных случаях – например, экономическая ценность вещи как объекта прав может приниматься во внимание при оценке ее назначения, что важно для её квалификации в качестве неделимой вещи (ст. 133 ГК РФ), сложной вещи (ст. 134 ГК РФ) или главной вещи и ее принадлежности (ст. 135 ГК РФ). Также эта ценность может учитываться при определении размера возмещаемой стоимости неосновательного обогащения (ст. 1105 ГК РФ), а также, если такая вещь является объектом договора, - для квалификации существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, влекущего его изменение или расторжение (ст. 451 ГК РФ). Относительно того, распространяется ли последнее из указанных правил на денежные договорные обязательства, а именно на случай резкой девальвации национальной валюты в результате экономического кризиса, существует спор (См.: *Витрянский В.В.* Кредитный договор: понятие, порядок заключения и исполнения. М., 2005).

⁹⁴ О дискуссии относительно понятия вещей в немецкой догматике см.: *Hedemann J.* Sachenrecht des bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin; Leipzig, 1924. S. 66; *Kurzkommentar zum Bürgerliches Gesetzbuch.* München, 2002. S. 60; *Венкитерн М.* Основы вещного права // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / Пер. с нем. М., 2001. Кн. 2. С. 174; *Fuelster H.* Das Bürgerliche Recht in Frage und Antwort. Bd III. Sachenrecht. Gissen, 1926. S. 19; *Эннексерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1, полут. 2. С. 12-13; *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 428.

Об определении вещи как ограниченной части материального мира в отечественной дореволюционной теории гражданского права см.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 127; *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 180.

О понятии вещи и защите владения в римском праве см.: *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 125; *Зом Р.* Институции: Учебник истории и системы римского гражданского права. СПб., 1910. С. 203; *Нерсесов Н.* Римское вещное право. М., 1894. С. 193.

О понятии вещи в английском праве см.: *Judge S.* Business Law. L., 1999. P. 259-260. Об английском понимании связей банка и его клиента как идентичных правоотношениям из договора займа см.: *Ellinger E.P.*,

регулирования имущественных отношений. При этом исследовать особенности денег как объекта вещных прав следует с учетом их особой юридической природы, обеспечивающей выполнение ими функции законного средства платежа, что обосновывает принципиальную направленность гражданско-правового регулирования денег именно на обязательственные отношения.

Денежные обязательственные правоотношения опосредуют лишь динамику денежных отношений, поэтому их нельзя рассматривать как объект обязательства⁹⁵. По общему правилу их прекращение исполнением представляет собой юридический факт возникновения правоотношений, фиксирующих статику положения участников имущественного оборота. В связи с этим и наличные деньги как законное средство платежа, став составной частью имущества кредитора, не могут не превратиться в объект правового регулирования состоявшегося экономического «присвоения», т.е. объект вещных прав.

Заметим, что во многих странах ответ на вопрос о юридическом определении денег традиционно отдается на откуп доктрине. Однако это не означает, что гражданское законодательство не содержит критериев, которые неизбежно следует учитывать при подобном изыскании⁹⁶.

Так, будучи вещами, деньги обладают двумя неоспоримыми юридическими свойствами: во-первых, деньги определяются родовыми

Lomnicka E., Hooley R. Modern banking law. N.Y., 2002. P. 93-98; *Judge S.* Opt. cit. P. 463; *Вишневский А.А.* Банковское право Англии. М., 2000. С. 20-23. Подобная трактовка встречается и в работах ряда отечественных исследователей (См., например: *Флейшиц Е.А.* Расчетные и кредитные правоотношения. М., 1956. С. 266 и след.; *Нам К.* Правовая природа договора банковского счета // *Хозяйство и право.* 1996. № 7. С. 107-110); *Луниц Л.А.* Денежное обязательство в иностранном гражданском и международном частном праве: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1946. С. 231.

⁹⁵ См.: *Дернбург Г.* Обязательственное право. М., 1911. С. 76; *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. М., 2002. Ч. 1. С. 83; *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 2001. С. 431.

⁹⁶ *Луниц Л.А.* Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // *Деньги и денежные обязательства в гражданском праве.* М.: Статут, 1999. С. 152; *Vardi N.* The Integration of European Financial Markets: The Regulation of Monetary Obligations. Routledge-Cavendish, 2011. P. 2.

Пример исключения см.: § 1–201 (2.4) Единообразный торговый кодекс США (Uniform Commercial Code; Единообразный торговый кодекс США / Пер. с англ. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996; далее – «ЕТК США»).

признаками, следовательно они юридически заменимы⁹⁷; во-вторых, деньги являются движимым имуществом (п. 2 ст. 130 ГК РФ – по смыслу указанной статьи специфика режима движимых вещей как объектов гражданских прав в конечном счете связана с отсутствием факта их государственной регистрации⁹⁸). Относительно таких юридических свойств денег как делимость⁹⁹ и потребляемость¹⁰⁰ ведутся известные споры.

Вместе с тем ценность приобретается деньгами посредством прямого воздействия государства, своей волей и авторитетом наделяющего деньги статусом законного средства платежа (кстати, это объединяет деньги с теми объектами гражданского права, которые с экономической точки зрения являются товаром¹⁰¹, но на их хозяйственную ценность труд, как создающий такую ценность фактор¹⁰², не оказывает никакого влияния (например, земельные участки и добываемые полезные ископаемые¹⁰³)).

Действительно, важная составная часть гражданско-правового режима денег – вещно-правовой режим – не может не учитывать их основное предназначение в системе гражданского права, а именно – погашать долги, менять владельцев, становиться объектом, по поводу которого происходит правопреемство. Соответственно правомочия владения, пользования и

⁹⁷ См., например: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М. 2000. С. 171; *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 146.

⁹⁸ Подробнее о критике данной нормы см.: *Башкатов М.Л.* «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с. // СПС «Консультант Плюс».

См. также: *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948. С. 371-384; *Луц Л.А.* Указ. соч. С. 102.

⁹⁹ См., например: *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* – 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. Т. 1. С. 346-347; *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 165; *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. 1. Спб., 1910. С. 316; *Цитович П.* Указ. соч. С. 25; *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 139.

¹⁰⁰ См.: *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* – 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. Т. 1. С. 349-350; *Мейер Д.И.* Указ. соч. С. 171; *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч.; *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2000. С. 58.

См. также: *Узойкин Д.А.* Гражданско-правовой режим иностранной валюты во внутреннем обороте Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 4 (СПС «Гарант-Максимум»).

¹⁰¹ Вещь в гражданском праве принимает экономическую форму товара (Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. Т. 1. С. 341-343.).

Заметим, что в иностранном законодательстве (в частности, английском, американском и канадском) специально подчеркивается, что деньги не входят в предметную область категории «товар» (goods) (подробнее по данному вопросу см.: *Nussbaum A.* *Op. cit.* P. 22 - 32; *Samuel M.* *Op. cit.* P. 170 - 171).

¹⁰² Там же; *Hoesch U.* *Eigentum und Freiheit.* Tuebingen, 2000. S. 86.

¹⁰³ *Суханов Е.А.* Право собственности и иные вещные права в России // Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 331.

распоряжения деньгами изначально ограничены в своей реализации возможными проявлениями рассматриваемого статуса. Само ограничение налицо (ограничение виндикации, невозможность использования (т.е. извлечения полезных свойств) иначе как путем реализации иного правомочия – распоряжения и т.д.). А значит, и искать его непосредственный источник следует в свойстве, т.е. в той характеристике, что присуща объекту гражданских прав в целом, вне выделения потенциальной вещной или обязательственной составляющей его будущего режима и субъективной перспективы использования (выбора) таких режимов. Иначе нельзя объяснить, почему при наличии описанного выше влияния на вещный статус денег со стороны заданных государством координат из обязательственного режима на сами такие обязательственные характеристики денег не оказывают влияния их обычные вещные свойства, присущие им просто в силу того факта, что они материально осязаемы. Значит, существуют свойства, которые если не нивелируют в абсолютном смысле эти традиционные и известные вещные свойства, то видоизменяют их проявления, предоставляя в свою очередь деньгам возможность выступать в качестве объектов обязательств именно в том виде, в каком это требуется законодателю – а именно как делимых обязательств, снабженных особой «усредненной» санкцией в виде процентов.

Таким образом, при рассмотрении денег как объектов материального мира необходимо учитывать ряд особенностей, обусловленных их особой ролью в гражданских правоотношениях, связанной с осуществлением деньгами специфической публично-правовой функции¹⁰⁴ – выступать законно

¹⁰⁴ Об этом подробнее см.: *Литовченко М.* Указ. соч. С. 7; *Цитович П.* Обязательства по русскому гражданскому праву. Киев, 1914. С. 3, 12; *Тарасов И.* Кредит и бумажные деньги // Врем-к Демид. юр. лица. Ярославль, 1881. С. 3, 12; *Луниц Л.А.* Денежное обязательство в иностранном гражданском и международном частном праве: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1946. С. 28-31; *Баикатов М.Л.* Деньги как объект обязательственных правоотношений // Законодательство. 2003. № 4. С. 13 - 14; *Бельский К.С.* О юридической природе денег // Государство и право. 2005. № 12. С. 23 – 29).

Так, еще в советской доктрине была точка зрения, согласно которой деньги выполняют прежде всего функцию средства государственного учета хозяйственной деятельности. Ее публично-правовой характер очевиден. Две другие денежные функции - средства обращения и платежа являются, согласно такому подходу, вторичными, производными от функции учета. Что же касается иных экономических функций денег, упомянутых выше, то они вообще не имеют, согласно этой позиции, значения, так как являются порождением буржуазной доктрины (*Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. С. 219 – 220). Похожая

установленным средством платежа¹⁰⁵. Это означает, что деньги подлежат приему во все платежи по своей нарицательной стоимости, а также подчинены законно установленному и общеобязательному валютному курсу на территории определенного государства или ряда государств. Отсюда и экономическая функция меры стоимости¹⁰⁶ является по крайней мере не основной – юридическое существование этой функции возможно именно благодаря свойству денег как законного средства платежа, так как мерой в рассматриваемом контексте является денежная единица, мера законной платежной силы. К тому же без существования законной платежной силы денег не могло бы быть и речи о том, что они выполняют функцию меры стоимости еще и потому, что процедура реализации этой функции просто была бы неосуществима – в этом случае не было бы единой шкалы сравнения разнородных объектов.

В западной литературе (преимущественно американской) периодически обсуждался и обсуждается в настоящее время вопрос о рациональности привязки законного платежного средства как правовой категории к понятию денег в праве в целом, а по сути, о целесообразности категории «законное средство платежа» вообще. Выдвигаемые аргументы касаются прежде всего утверждения о необходимости пересмотра юридической концепции денег в пользу экономической, т.е. более гибкой и восприимчивой к инновационным платежным решениям, которые избирают стороны для расчетов¹⁰⁷. Ограничение же их автономии воли через установление обязанности приема лишь одного платежного средства - законного средства платежа не является,

позиция отстаивалась С.И. Вильнянским (*Вильнянский С.И.* Кредитно-расчетные правоотношения. Учебное пособие. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1955. С. 4).

¹⁰⁵ См.: *Hartmann G.* Opt. cit. S. 12-17. Ср.: *Лунц Л.А.* Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. // *Лунц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 32 и сл.).

См. также: *Simitis S.* Opt. cit. Ср.: *Баукатов М.Л.* Доγμαтическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 2. С. 42–64.

¹⁰⁶ См.: *Лавров Д.Г.* Указ. соч. С. 7 - 31; *Белов В.А.* Указ. соч. С. 244 и др.

¹⁰⁷ См., об этом: *Greco T. H., Jr.* Money: Understanding and Creating Alternatives to Legal Tender. Foreword by Vicki Robin. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company, 2001; *Breckinridge S. P.* Legal tender: A study in English and American monetary history. Greenwood Press (reprint of the 1903 University of Chicago Press), 1969; *Kinnaird P.* The Legal Tender Problem. Chicago: Ainsworth & Company, 1904.

по мнению данных авторов, оправданным. Думается, подобный подход вряд ли нуждается в серьезной контркритике, так как базируется на традиционном для англо-американской литературы и права в целом подходе, суть которого состоит в отрицании за государством полномочия широко вмешиваться в нормативное регулирование конкретной хозяйственной деятельности. Подобное вмешательство должно быть специально обосновано. Новые системы расчетов, согласно такому подходу, *a priori* имеют право на существование, коль скоро соответствуют общим требованиям к отношениям общего рода, в нашем случае - к встречному удовлетворению (*consideration*) и надлежащему предоставлению (*tender*)¹⁰⁸. Если налицо будет стремление сторон породить конкретные правовые последствия, в частности погасить денежное обязательство, то у государства отсутствуют основания вмешиваться в подобное частное изъявление воли¹⁰⁹.

Традиционно в европейском праве возможности государства по воздействию на частные отношения шире. В указанном выше контексте весьма распространена позиция, исходя из которой возникновение новых отношений и правовых средств детерминировано исключительно регламентацией соответствующей сферы общественных отношений. То есть новые отношения, например средства расчетов, могут появиться лишь *a posteriori*, когда они установлены законом или в установленном им порядке. Думается, «контролером» в данной системе отношений регуляции является как раз законное средство платежа.

Иначе говоря, отношения расчетов могут развиваться, но только государство устанавливает возможность для сторон в ряде случаев отказаться от использования системы удовлетворения иной, чем платеж с использованием законного платежного средства. В этом случае итогом для

¹⁰⁸ См. логику такого подхода, например, в известном английском учебнике: *Kelly D., Holmes A., Hayward R. Business Law. 5th Edition. London: Cavendish Publishing Limited, 2005. P. 115 and further.*

¹⁰⁹ Это явно созвучно тому факту, что намерению породить правовые отношения традиционно уделяется весьма важное значение в договорном праве англо-американских стран (см., в частности: *McKendrick E. Contract Law. Sixth ed. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 130 and further.*)

кредитора является лишь факт его просрочки со всеми вытекающими из него последствиями, в том числе – прекращением роста процентного долга (*Zinsschuld*), а для должника – факт нарушения обязательства (в более широком смысле) без уважительной причины. В этой связи специальная мера государственного принуждения, объектом которой может быть как кредитор, так и должник по денежному обязательству, будет иметь своей целью защиту интересов более слабой стороны, которой навязывают исполнение не в законном платежном средстве. Как отмечается в германской науке, функционально же эта мера принуждения направлена на то, чтобы у государства всегда был инструмент для формализации расчетных отношений, в которых *de facto* участвуют несколько субъектов с самостоятельными правами на один актив (система безналичных расчетов через банковскую сеть)¹¹⁰. В итоге государство может только защитить интересы более слабой стороны, прежде всего потребителя банковских услуг, вынуждая под угрозой применения санкций использовать законное платежное средство.

Итак, зарубежные правовые порядки исходят из того, что ключевым критерием денег выступает конструкция законного средства платежа, являющегося деньгами в юридическом смысле¹¹¹. При этом, например, ни

¹¹⁰ Следует помнить, что германская доктрина в целом ряде случаев применительно к безналичным расчетам оперирует экономическими категориями, что связано прежде всего с идеями Ф. К. фон Савиньи, предложившего концепцию денег, суть которой в том, что деньги предоставляют их держателю «всеобщую экономическую власть» (*allgemeine Vermögensmacht*) (см.: *Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право*. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 298 и сл.). Таким образом, при исследовании денег приоритет отдан функциональному подходу, согласно которому в определенных отношениях безналичные денежные средства, находящиеся на счетах в банках, считаются деньгами в юридическом смысле (что, честно говоря, не является единственной точкой зрения по этому вопросу). Смысл же указанной в основном тексте позиции состоит в том, что с экономической точки зрения такие средства при расчетах существуют и меняют владельца как некий актив (имущество), который с точки зрения права представляет собой объект или несколько объектов с разными титулами на них, причем возникающими и прекращающимися вне зависимости от экономической динамики такого актива. В итоге с правовой точки зрения экономический переход данного актива от одного лица к другому усложнен наличием системы юридических отношений, а значит, и категория законного средства платежа представляет собой полезный инструмент защиты прав. В этой связи о юридической форме безналичного перечисления средств подробнее см.: *Moschel W. Dogmatische Strukturen des bargeldlosen Zahlungsverkehrs // Archiv für die civilistische Praxis*. 1986 (186) 187 Tübingen: J.C. Mohr, 1986.

¹¹¹ О немецком регулировании см.: *Dorn F.* Opt. cit. S. 433 ff; *Heermann P.W.* Opt. cit. S. 16 ff, 167-168; *Larenz K.* Opt. cit. S. 165 ff; *Schmidt K.* Geld und Geldschuld im Privatrecht. Eine Einführung in ihre Grundlagen // *Juristische Schulung*. 1984. Oct. Heft 10. S. 743 ff; *Palandt O.* Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts. München, 2002; *Lorenz S., Riehm T.* Lehrbuch zum neuen Schuldrecht. München, 2002. S.158.

Об англо-американском регулировании см.: *Mann F.A.* The legal aspect of money with special reference to comparative private and public international law. Oxford, 1971. P. 7 ff; *Vardi N.* Opt. cit. P. 3; *Kwaw E.M.A.* Opt.

право Германии, ни право Англии не признает таковым безналичные денежные средства¹¹².

В отечественном законодательстве же безналичные денежные средства, несмотря на отсутствие до известного времени единой позиции по данному вопросу¹¹³, отнесены действующим законодательством к категории имущественных прав (иного имущества) (ст. 128 ГК РФ). Из этого следует, что безналичные денежные средства, будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам, а потому не могут являться объектом вещных прав в гражданско-правовом смысле¹¹⁴. Заметим при этом, что реализация идеи о нормативном разделении режима наличных денег и безналичных денежных

cit. P. 325; *Samuel M.* Opt. cit. P. 171–173; *Geva B.* Opt. cit. P. 1, 6–7; Merriam-Webster's Dictionary of Law. Springfield; Massachusetts, 1996. P. 316. Сходное определение денег предложено в Black's Law Dictionary. Henry Campbell Black. USA: West Publishing Co, 1999; п. 24 ст. 1-201 ЕТК США.

¹¹² *Heermann P.W.* Opt. cit. S. 18–19; *Proctor C. Goode* on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions. Sweet&Maxwell, 2009. P. 1–6; *Fox D.* Property Rights in Money. OUP, 2008. P. 11–12, 28–29; *Goode R.* Commercial Law. – third ed. – London: Penguin Books, 2004. P. 450.

Однако в последние годы в англо-американской литературе стали все чаще встречаться идеи о том, что безналичные деньги должны трактоваться пусть и не как законное средство платежа, но как деньги в юридическом смысле (см., например: *Proctor C. Mann* on the Legal Aspect of Money. New York.: Oxford University Press, 2005. P. 35–44).

Об отличии режима безналичных денег как объектов собственности от режима наличных денег см.: *Fox D.* Opt. cit. P. 33.

¹¹³ О советских подходах см.: *Ерошенко А.А.* Личная собственность в гражданском праве. М., 1973. С. 40; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 3. С. 6.

В арбитражной практике сразу после принятия первой части ГК РФ иногда еще встречались попытки распространить нормы о виндикации на безналичные денежные средства на основании признания их объектом права собственности (См., например: постановление Президиума ВАС РФ от 25 ноября 1997 г. № 4516/96), затем виндикация «безналичных денег» была признана недопустимой (См.: постановление ФАС МО от 4 июля 2002 г. по делу № КГ-А40/4234-02).

О применении термина «право собственности» при анализе отношений, объектом которых являются безналичные денежные средства см., например: постановления ФАС МО от 31 октября 2002 г. по делу № КГ-А40/7346-02; от 25 декабря 2002 г. по делу № КГ-А41/8335-02, постановления ФАС СЗО от 5 декабря 2001 г. по делу № А26-1864/01-01-12/86, от 26 июля 2002 г. по делу № А52/2755/01/1. Ср.: Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены. П. 3 // информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2002 г. №69 // Вестник ВАС РФ. 2003. №1; *Витрянский В.В.* Понятие и квалификация кредитного договора // Гражданское право. 2004. № 1. С. 26–27; Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) (СПС «КонсультантПлюс»).

О споре о природе безналичного перечисления денежных средств см.: *Белов В.А.* Денежные обязательства. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 152 – 157. // СПС «Консультант Плюс»; *Баишкатов М.Л.* Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 2. С. 42–64.

¹¹⁴ Абзац второй п. 3 Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Глория"».

средств могла пойти по двум противоположным сценариям: вещная и обязательственная концепция безналичных денежных средств¹¹⁵.

Стоит помнить, что положения ст. 128 ГК РФ в текущем варианте уже не могут использоваться для апологии вещной природы безналичных денег (п. 1 данной статьи прямо говорит про то, что это имущественные права). Однако гораздо важнее то, что действующая редакция нормы не позволят однозначно ответить на вопрос о том, являются ли безналичные деньги деньгами в юридическом смысле¹¹⁶, в то время как предыдущая редакция нормы недвусмысленно подчеркивала, что только объект, обладающий правовыми признаками вещи, может претендовать на то, чтобы быть деньгами как объектом гражданских прав¹¹⁷. При этом «вещная» теория безналичных денег не способна предложить ничего полезного для юридического объяснения отношений, складывающихся при безналичных платежах, где

¹¹⁵ О проектировании соответствующих положений см.: пп. 2.1-2.3 Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень нотариальной практики. 2009. №3. С. 2–13 // СПС «КонсультантПлюс»; Проект изменений в разделы I, II, III, VI, VII Гражданского кодекса Российской Федерации, подготовленный Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на основании и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»); URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/11059.html/>; *Анциферов О.Д.* Денежные средства на банковских счетах (о проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации) // *Хозяйство и право*. 2009. № 9; *Он же*. Залог денежных средств на банковском счете. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 1–43.

О критике мнения разработчиков Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, посчитавших средства на банковских счетах бестелесным объектом см.: *Анциферов О.Д.* Денежные средства на банковских счетах (о проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации) // *Хозяйство и право*. 2009. № 9. С. 84; *Он же*. Залог денежных средств на банковском счете. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 5–7. *Он же*. О гражданско-правовой природе безналичных расчетов // *Адвокат*. 2008. № 2 (СПС «КонсультантПлюс»). Ср.: *Ефимова Л.* Правовые проблемы безналичных денег // *Хозяйство и право*. 1997. № 2. С. 49; *Сарбаи С.В.* Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебной практики. М.: Статут, 1999. С. 31. Критику позиции *Анциферов О.Д.* см. в работе: *Башкатов М.Л.* «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // *Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов*. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с. // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁶ А ведь именно такую цель и преследовали в итоге авторы вещных концепций безналичных денежных средств (См., например: *Ефимова Л.Г.* Указ. соч. С. 215 и сл.; *Она же*. Безналичные деньги – законное средство платежа // *Закон*. 2000. № 3. С. 79 – 81; *Бахарева Ю.В.* Указ. соч. С. 18.;).

¹¹⁷ Право не способно опосредовать одинаково оборот различных по своей природе объектов товарооборота, существующих в пределах материально осязаемого мира вещей и вне его. Надо отметить, что в отечественной доктрине не всегда учитывалась эта важная методологическая характеристика. К примеру, в ряде работ указывалось, что деньги и денежные средства есть вещи, являющиеся единым объектом правового регулирования (См.: *Новоселова Л.Г.* О понятии и правовой природе безналичных расчетов // *Законодательство*. 1999. № 1; *Трофимов К.* Безналичные деньги. Есть ли они в природе? // *Хозяйство и право*. 1997. № 3).

расчеты осуществляются (в отличие от формальной *traditio* наличного платежа) с помощью посредника-третьего лица¹¹⁸.

Отмеченный ранее особый статус денег подтверждается и их сравнением с денежными суррогатами¹¹⁹. Любопытно, что истории известны примеры, когда государства на том или ином этапе допускали конкуренцию с выпускаемой им валютой, а затем меняли свою политику в сторону жесткой регламентации денежной системы страны и борьбы с нежелательными денежными суррогатами, угрожающими национальной валюте¹²⁰.

Понятие денежного суррогата в отечественном законодательстве четко не определено¹²¹, что порождает относительно него и сущности установленного на его выпуск запрета множество доктринальных мнений, рассуждающих в рамках содержания ч. 1 ст. 75 Конституции РФ и ст. 27 ФЗ «О ЦБ РФ»¹²². Суррогат по своей логике является таковым по отношению к

¹¹⁸ Подробнее см.: *Башкатов М.Л.* «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с. // СПС «Консультант Плюс».

См. также: *Василевская Л.Ю.* Гражданско-правовой режим цифровых денег: проблемы определения и толкования // *Хозяйство и право*, 2021, № 4. С. 3-18 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁹ Ср. французские понятия «*quasi monnaie*» (квазиденьги) – краткосрочные государственные облигации, срочные сберегательные вклады и иные активы, которые находятся в распоряжении экономических агентов и легко конвертируются в деньги, – и «*substitut monétaire*» (заменитель денег) – все, что составляет альтернативу законному платежному средству (от электронных денег и криптовалюты до векселей и чеков) (*Michèle Saint Marc*. Tests sur les definitions de la monnaie et de la quasi-monnaie en France (1810-1970) // *Revue d'économie politique* Vol. 85, No. 4 // URL: <https://www.jstor.org/stable/24696415>). См. также ст. 442–4 УК Франции о наказании за введение в обращение любого несанкционированного денежного знака, целью которого является замена монет или банкнот, являющихся законным платежным средством во Франции.

¹²⁰ См. подробнее: *La nature juridique de la monnaie électronique* / *Bulletin de La Banque de France* № 70. Octobre 1999 // URL: https://www.banque-france.fr/fileadmin/user_upload/banque_de_france/archipel/publications/bdf_bm/etudes_bdf_bm/bdf_bm_70_etu_1.pdf; *Magnen J.-P., Fourel C., Meunier N.* D'autres monnaies pour une nouvelle prospérité, 2015 // URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/154000250.pdf>. P. 63-64; *Stephen T. Middlebrook and Sarah Jane Hughes.* Substitutes for Legal Tender: Lessons from History for the Regulation of Virtual Currencies // URL: <https://ssrn.com/abstract=2605847>. P. 4-11.

¹²¹ См. попытку законодательного определения денежного суррогата: Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.04.2016) // СПС «Консультант Плюс». См. также: Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 25.03.2014 № Пр-604; Поручение первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова от 02.07.2014 № ИИШ-П13-4046 об установлении ответственности за использование денежных суррогатов и запрета на обращение криптовалют; План-график Минфина России // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=64998; https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=11290.

О критике этого определения см.: *Саженов А.В.* Криптовалюты и денежные суррогаты: аспекты соприкосновения и разъединения понятий // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*. 2018. № 1. С. 57 – 60 // СПС «Консультант Плюс».

¹²² См.: *Цитович П.* Указ. соч. С. 36-37; *Габов А.В.* Ценная бумага в российском праве: некоторые страницы истории появления ее современного определения // *Предпринимательское право*. 2010. № 2. С. 46 –

конкретной валюте, а не по своей природе (относительное понятие)¹²³. Таким образом, по распространенному мнению, денежные суррогаты представляют собой негосударственные платежные средства, обладающие лишь частью признаков платежных средств – они используются в качестве средства обращения и расчетов, но не являются обязательными к приему всеми (так как их использование не обеспечено государственным принуждением), их выпуск не осуществляется государством и им не санкционируется¹²⁴. Однако в таком случае это понятие становится неопределенным, так как набор экономических функций, которые присущи деньгам и которые использует конкретный денежный суррогат, нужно устанавливать *ad hoc*, к тому же набор этих экономических функций также не очевиден для науки. Все это не согласуется с тем, что закон связывает с понятием суррогата запрет на конкретные гражданско-правовые действия, который в идеале участники оборота должны предвидеть.

Толкуя норму, устанавливающую запрет денежных суррогатов, ряд авторов приходит к выводу о том, что нечто является денежным суррогатом

52 // СПС «Консультант Плюс»; *Нерсесов Н.О.* О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. М., 1889; *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 689; *Катков В.Д.* Общее учение о векселе. Харьков, 1903. С. 44; *Ротко С.В.* Вексель, деньги и денежные обязательства: правовая регламентация в процессе развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 27 – 36 // СПС «Консультант Плюс»; *Он же.* Чек как торговая ценная бумага // Юрист. 2010. № 8. С. 60 – 64 // СПС «Консультант Плюс» (автор ссылается на работу Х. Годшалка – Godschalk H. Computergeld. Entwirklungen und ordnungspolitische Probleme des elektronische Zahlungsverkehrsystems. Frankfurt. M., 1983. S. 36.).

¹²³ Об абсолютном и относительном понятии денежного суррогата см. подробнее: *Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б.* Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. №9. С. 91–135 // СПС «Консультант Плюс».

¹²⁴ *Кучеров И.И.* Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. №2. С. 2-5 // СПС «Консультант Плюс».

Специальные платежные средства (См.: *Луц Л.А.* Указ. соч. С. 94-95) выпуск которых осуществляется государством, либо допускается им в законе (См.: *Мансуров Г.З.* К проблеме пределов применения денежных суррогатов // Банковское право. 2004. № 4 // СПС «Консультант Плюс») денежными суррогатами не являются (например, иностранная валюта, ценные бумаги, военные деньги (*Кучеров И.И.* Указ. соч.)).

По этой причине вызывает сомнения высказанная в литературе точка зрения относительно существования «легальных» денежных суррогатов (См. подробнее: *Саженов А.В.* Указ.соч.; *Крылов О.М.* Правовое регулирование действия закона Грешема в Российской Федерации // Финансовое право. 2015. № 10. С. 3-7 // СПС «Консультант Плюс»; *Он же.* Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: монография / отв. ред. С.В. Запольский. С. 85 // СПС «Консультант Плюс»; *Силантьев Д.Н., Хребет Н.С.* Противодействие выпуску и обращению денежных суррогатов // Законность. 2016. № 8. С. 16 – 17 // СПС «Консультант Плюс»). Скепсис в отношении этого подхода высказан также и в следующей работе: *Янковский Р.М., Ильин С.В.* Судебная практика по делам с использованием криптоактивов // Закон. 2019. № 4. С. 120 – 129 // СПС «Консультант Плюс». См. также: *Сарбаши С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с. // СПС «Консультант Плюс».

уже при его выпуске (этим свойством объект наделяется его эмитентом)¹²⁵. Соответственно, сравнение денежных суррогатов и «частных денег» показывает, что последние возникают не при выпуске, а якобы вследствие того, что в определенном сообществе по сложившемуся обыкновению указанные объекты приравниваются к деньгам¹²⁶. Конечно, не вызывает сомнений, что основной целью денежного суррогата является замена денег в их платежеспособной функции, так как возможность выступления в обороте в качестве средства платежа является главным признаком денежных суррогатов, другое дело – как эту платежную функцию понимать. Более того, согласно такому взгляду денежный суррогат в силу нормативной формулировки, которая ставит его в один ряд с государственной денежной единицей, запрещен к выпуску, только если он связан с этой самой российской денежной единицей, а следовательно, этот запрет не должен охватывать что-либо, помимо частного выпуска государственных денег¹²⁷ (независимо от формы), то есть не может, по идее, распространяться на суррогаты «частных денег»¹²⁸. Иными словами, фактически законодатель установил монополию государства на эмиссию официальной валюты, запретив частным образом эмитировать государственные деньги.

Соответственно, если подходить к понятию денежного суррогата формально, то оно охватывает лишь объекты, снабженные государственной законной платежной силой. Но тогда эта норма де факто будет неприменима в жизни, потому что выпустить такой объект и наделить его соответствующей силой может только само государство. Закономерно, такое толкование должно стимулировать или к расширению понятия суррогата до объектов, которые

¹²⁵ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ соч.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Здесь следует сделать оговорку: говоря о частном выпуске государственных денег имеется в виду не только выпуск денег частными лицами. История знает примеры выпуска денежных суррогатов и публичными образованиями, которые в силу определенных причин (незавершенный процесс оформления государственного суверенитета в части денежной эмиссии, отсутствие требующихся полномочий) не имели на то достаточных правовых оснований (См.: Кучеров И.И. Указ. соч.).

¹²⁸ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ соч. Авторы проводят сравнение с депозитарными расписками, которые, по их мнению, можно считать суррогатом представляемых ими ценных бумаг.

фактически «похожи на деньги в юридическом смысле» и выполняют схожие, но экономические, а не юридические свойства, либо наоборот к его конкретизации. Последний вариант представляется нам более верным, так как в этом случае денежным суррогатом будет любой объект гражданских прав, который стороны сделки принимают к оплате по стоимости, формально приравненной к некому количеству денежных единиц России (1), чья реальная (рыночная) стоимость отличается от этого количества денежных единиц (2), и этот объект выпущен не государством России (3).

Нам могут возразить, что в этом случае под понятие денежного суррата подпадает, например, вексель банкрота, который приобретается по номинальной стоимости. Однако вексель содержит в себе формальное обязательство, которое может быть погашено по номиналу, а потому упомянутого «разрыва стоимости» не будет. Такое толкование хоть немного вносит конкретики в определение границ запрета в ст. 27 ФЗ «О ЦБ РФ», так как в ином случае мы будем вынуждены либо абстрактно рассуждать о том, выполняет ли нечто какие-либо экономические функции денег и в каком объеме, либо будем считать законодателя недальновидным, как запретившим в данной норме лишь свои собственные эмиссионные действия. Все встает на свои места, если связь денежного суррата с денежной единицей воспринимать не как свободу расчета в частных деньгах и том, что на них похоже, а как намек на номинальную силу официальной денежной единицы, на которую денежные сурраты хотят покуситься.

Текст нормы, содержащейся в ст. 27 ФЗ «О ЦБ РФ», может быть истолкован как влекущий исключительно публично-правовые последствия при нарушении установленного в ней запрета¹²⁹. Однако такие последствия в

¹²⁹ См. об этом: Там же; Кучеров И.И. Указ. соч.; Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск, 2009; Соколов А.А. Теория налогов. М., 2003. С. 266-268; Саженев А.В. Указ. соч.; Сбежнев В.А. Цифровые инвестиции в Российской Федерации // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2019. №12. С. 10-25 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление СТО от 29.02.1924, Постановление ЦИК и СНК СССР от 31.05.1935 (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. №30. Ст. 234).

действующем законодательстве не предусмотрены¹³⁰. На определенном этапе криптовалюта биткойн была квалифицирована органами прокуратуры и Банка России в качестве денежного суррогата¹³¹, при этом инициировались предложения по введению административных санкций и уголовных наказаний за нарушение указанного запрета¹³², но со временем от этой идеи отказались¹³³.

Из запрета на выпуск денежных суррогатов следует и запрет их обращения, поскольку установленная законом недействительность первоначального приобретения (объект находится вне оборота) означает, что все последующие приобретения также недействительны, а ссылки на добросовестное приобретение невозможны¹³⁴. Следовательно, денежные суррогаты, по сути, относятся к некогда содержавшейся в ГК РФ категории объектов, изъятых из оборота, то есть такие объекты не существуют для гражданского права (вещи *res quarum commercium non est (res extra commercium)*¹³⁵), ибо последнее регулирует оборот¹³⁶. В этой связи, представляется неверным вывод ряда авторов о том, что гражданское право является единственной отраслью, которая может учитывать запрет на оборот денежных суррогатов (надо сказать, что в этом суждении авторы противоречат

¹³⁰ См. дело о колионах: *Силантьев Д.Н., Хребет Н.С.* Указ. соч.; *Саженов А.В.* Указ. соч.

¹³¹ См.: URL: <https://www.interfax.ru/russia/356492>; Письмо Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996; Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // «Вестник Банка России», № 11, 05.02.2014 // СПС «Консультант Плюс»; Пресс-релиз Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных "виртуальных валют (криптовалют)»». URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm; Информация Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 06.02.2017 «В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось совещание по вопросу правомерности использования анонимных платежных систем и криптовалют». URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-86432/>; *Сухаренко А.* Суррогаты вредные? // ЭЖ-Юрист. 2015. №41. С. 2 // СПС «Консультант Плюс».

Однако последней судебной практикой поддерживается совершенно противоположная точка зрения, а именно то, что «поскольку в законодательстве отсутствует понятие криптовалюта, невозможно однозначно определить к какой категории оно относится: «имущество», «актив», «суррогат», «информация»», из чего следует, что по смыслу ст. 128 ГК криптовалюта не может быть расценена иначе как иное имущество (см. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 N 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019).

¹³² *Сухаренко А.* Указ. соч.

¹³³ *Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б.* Указ соч.

¹³⁴ Там же. Хотя в литературе высказывается противоположное мнение, см., например: *Саженов А.В.* Указ. соч.

¹³⁵ См., например: *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права: Учеб. / Под ред. Д.В. Дождева. М.: НОРМА, 2007. 464 с. С. 96, 98-99.

¹³⁶ См., например: *Винницкий А.В.* Публичная собственность. М., 2013 // СПС «Консультант Плюс»; *Бевзенко Р.С.* Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. 80 с. Пункты 146-151 // СПС «Консультант Плюс».

своему основному доводу о том, что запрет на выпуск денежных суррогатов лежит в плоскости публичного права)¹³⁷.

Последнее при этом не означает, что гражданское право совершенно индифферентно к денежным суррогатам; напротив, оно регулирует сделки, совершаемые с такими объектами, в том числе предусматривает последствия совершения данных сделок. Последствием совершения подобной сделки является ее ничтожность как недействительной сделки, нарушающей требования закона и при этом посягающая на публичные интересы (п. 2 ст. 168 ГК РФ¹³⁸) или недействительной сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка (ст. 169 ГК РФ). Вопрос выбора между данными основаниями недействительности сделки сводится к проблеме соотношения соответствующих норм¹³⁹, а именно, может ли тот публичный интерес¹⁴⁰,

¹³⁷ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч. С. 91 - 135.

¹³⁸ О недействительности сделок по основанию, предусмотренному ст. 168 ГК РФ см., например: Карпетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. №5. С. 14 – 67 // СПС «Консультант Плюс»; Тузов Д.О. Lex "quasi" perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9. С. 34 – 48 // СПС «Консультант Плюс»; Громов А, Егоров А. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М., 2014. С. 66; Карпетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 59 – 60 // СПС «Консультант Плюс»; Зинченко С., Газарьян Б. Ничтожные и оспоримые сделки в практике предпринимательства // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 121 // СПС «Консультант Плюс»; Егоров Ю.П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск, 2004. С. 261; Сергеев А.П. Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов. Вып. 11 / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2004. С. 16.

О ничтожности сделок по выпуску денежных суррогатов см.: Карпетов А.Г., Тузов Д.О. Указ соч. Авторы настаивают на ничтожности, несмотря на то, что в нынешней редакции ГК РФ буквально предусмотрено обратное (п. 1 ст. 168 ГК РФ). О критике данного законодательного решения см., например: Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость сделок: классическая доктрина и проблемы российской цивилистики // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. М.; Екатеринбург, 2002. С. 135-178; Он же. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006. § 15, особенно с. 125 и сл.; Он же. Общие учения теории недействительности сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2006. С. 6 (положение 6, вынесенное на защиту), 15 и сл.; Он же. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. § 29, особенно с. 259 и сл.; Он же. Общие вопросы недействительности сделок в проекте Концепции совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6. С. 7; Он же. Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК) // Сборник научных статей памяти Е.А. Крашенинникова / Отв. ред. А.П. Сергеев. Ярославль, 2014. С. 55 - 70; Он же. Lex "quasi" perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях. С. 34-48; Карпетов А.Г., Савельев А.И. Указ. соч. С. 91-94.

¹³⁹ См.: п. 75, 51 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁴⁰ Подробнее о разграничении публичного и частного интересов см.: Суханов Е.А. О частных и публичных интересах в развитии корпоративного права // Журнал российского права. 2013. №1 // СПС «Консультант Плюс»; Яценко Т.С. Механизм противодействия антисоциальному поведению участников оборота в действующем гражданском законодательстве // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 406-420; Ем В.С. О критериях

который предусмотрен в ст. 168 ГК РФ, в данном конкретном случае возведен в ранг основы правопорядка по ст. 169 ГК РФ¹⁴¹. Как нам представляется, запрет на оборот денежного суррогата стоит относить именно к основаниям для оспаривания сделок по ст. 168 ГК РФ. Безусловно, основы организации денежной системы государства составляют важный элемент любого правопорядка, однако нам видится, что расширительное толкование категории «публичного интереса», которое бы допустило атрибутирование обсуждаемого запрета составу ст. 169 ГК РФ не соотносится с основной логикой запрета денежных суррогатов¹⁴².

Действительно, возможная конфискация как санкция для стороны в антисоциальной сделке уместна лишь в том случае, когда законодатель говорит о наиболее фундаментальных основах правопорядка, ведь именно в этом случае справедливо говорить о том, что сторона в сделке не могла не предвидеть последствий своего поведения и несет заслуженную ответственность. В случае же с денежными суррогатами (понятием, формально в законе не описанном) законодательство содержит лишь прямой запрет на их выпуск, позволяя Банку России в своих подзаконных актах конкретизировать его. Очевидно, что предмет ст. 169 ГК РФ не предполагает подобной дискреции государственного органа¹⁴³.

ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. №6. С. 140-165 // СПС «Консультант Плюс»; *Черепухин Б.Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 98; *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 37; *Эннексерус Л., Кипп Т., Вольф М.* Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 1. Введение и общая часть. М., 1949. С. 130; *Дернбург Г.* Пандекты. Т. I. Общая часть / под ред. П. Соколовского. М., 1906. С. 53-54; *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С. 88, 99-100; *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 240.

¹⁴¹ О применении ст. 169 см.: *Ем В.С.* О новом законодательном взгляде на ничтожность и оспоримость сделок / Кодификация российского частного права 2015 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 447 с. // СПС «Консультант Плюс»; *Карапетов А.Г.* Комментарий к ст. 169 ГК РФ / Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴² Ср., п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁴³ Мы понимаем, что данная логика выглядит не бесспорной, так как в п.85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в качестве примера антисоциальной сделки назван случай выпуска в оборот объекта, ограниченного в обороте, а именно наркотических веществ. Оборот таких веществ

Возвращаясь к понятию законного платежного средства, раскроем его содержание более подробно. В п. 1 ст. 140 ГК РФ установлено, что рубль, будучи официальной денежной единицей России¹⁴⁴, является законным платежным средством¹⁴⁵. Отсюда две точки зрения на то, что есть законное средство платежа: рубль¹⁴⁶ или монеты и банкноты Банка России¹⁴⁷. Последний подход более верный, иначе данный статус должен быть гипотетически распространен и на безналичные денежные средства, выраженные в рублях¹⁴⁸.

Думается, определение законного платежного средства в ст. 140 ГК РФ как рубля имело целью подчеркнуть необходимость выражения суммы денежных обязательств именно в рублях, а не иностранных единицах. Не случайно п. 2 этой статьи допускает возможность использования иностранной

(а по сути – запрет на их обращение) также конкретизируется в подзаконных актах, однако нельзя отрицать того обстоятельства, что каждый среднестатистический субъект права знает о пределах ограничения оборота таких объектов и, что главное, о том, что это обращение создает опасность для жизни и здоровья граждан, а потому является посягательством на фундаментальные основы правопорядка.

¹⁴⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6 - 8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 208 с. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁵ О соотношении ст. 29 ФЗ «О ЦБ РФ», ст. 140 ГК РФ и ч. 1 ст. 75 Конституции РФ см. подробнее: *Баикатов М.Л.* Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6, № 2. С. 42–64.

¹⁴⁶ См., в частности: *Ефимова Л.Г.* Банковские сделки: право и практика. М.: Изд-во «НИМП», 2001; *Шкаринов И.А.* Теория денег: проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 1997. № 4. С. 116 - 117; Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая / Под ред. проф. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат; Право и закон, 2002; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. проф. О.Н. Садилов. М.: Юр. фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. С. 292 - 293. Любопытно, что данная позиция отстаивается и в некоторых комментариях к Конституции РФ, т.е. в связи с конституционно-правовым режимом рубля (см.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Глав. ред. Л.А. Окуньков. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 324 - 325).

¹⁴⁷ См., к примеру: *Новоселова Л.А.* Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2000. С. 8 - 13; *Белов В.А.* Денежные обязательства. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 16 - 17; *Лавров Д.Г.* Указ. соч. С. 30 - 31; Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. I / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Изд-во БЕК, 1998 (автор главы - проф. Е.А. Суханов). С. 313.

Данный подход также нашел отражение в одном из комментариев к Конституции РФ (Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1997. С. 446 - 447 (автор комментария к статье 75 – О.Е. Кутафин)).

¹⁴⁸ См.: *Луц Л.А.* Деньги и денежные обязательства: Юридическое исследование // Луц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 27; *Он же.* Денежное обязательство в гражданском и коллизийном праве капиталистических стран // Луц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 271 - 283; *Mann F.A.* The Legal Aspect of Money: With Special Reference to Comparative Private and Public International Law. OUP, 1992. P. 5 - 7, 42 - 43, 75 - 80; *Goldman Arnold J., Sigismund William D.* Business Law: Principles and Practices. Second edition. Boston, Houghton Mifflin Company, 1988. P. 147 - 148; *Redish A.* Legal tender // The New Palgrave Dictionary of Money and Finance. Volume II / Edited by P. Newman, M. Milgate, J. Eatwell in three volumes. London: Macmillan Press LTD, 1994. P. 570 - 571; *Larenz K.* Opt. cit. S. 163 - 164).

валюты в качестве объекта обязательства, которое можно также назвать денежным¹⁴⁹.

Отождествление денежной единицы и законного средства платежа в ГК РФ имеет еще один негативный аспект – неизбежное смешение понятий «деньги» и «денежная единица», что приведет к вынужденному признанию нормативной принадлежности «безналичных денег» к деньгам и вдобавок к этому приведет к целому комплексу теоретических проблем: например, вопрос о природе прав, которые можно было бы установить на денежную единицу, о способах их защиты и т.д.¹⁵⁰

Законное средство платежа обладает следующими характеристиками: свойство законного средства платежа не состоит в покупательной силе денежного знака; само по себе законное средство платежа может не обладать де факто покупательной силой¹⁵¹; законное средство платежа – это, по сути, любой товар, наделенный законодателем свойством быть крайним и принудительным средством исполнения обязательств. Обоснуем эти суждения на примере рассмотрения позиции Л.А. Лунца.

Так, Л.А. Лунц говорит деньгах как об орудии обмена, что является фактом, но не юридическим свойством денег, так как их покупательная способность основана на доверии к ним гражданского оборота¹⁵², но не

¹⁴⁹ Это не свидетельствует о том, что иностранная валюта приобретает в некоторых случаях статус законного средства платежа. Однако изредка встречаются и обратные утверждения (см., например: *Сеглин Б.С.* Дискриминация иностранной валюты // СПС «Консультант Плюс»).

Кстати, именно на этот аспект денежного обращения указывал и Монетный устав Российской империи при определении правового режима денег в ст. 163 (См.: *Цитович П.* Указ. соч. С. 10).

¹⁵⁰ См. разграничение денег по П.П. Цитович на деньги *in abstracto* и деньги *in concreto* (Там же. С. 30-38). См. также: *Литовченко М.* Указ. соч. С. 4, 36.

Об экономической аргументации в поддержку этой позиции см.: *Боди Зви, Мертон Роберт.* Финансы / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. С. 158.

¹⁵¹ По известному утверждению Лунца Л.А. «государство не может длительно навязывать платежную силу какому-либо предмету, если гражданский оборот отказывается пользоваться этим предметом для заключения новых сделок» ((*Лунц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. - М.: Статут, 2004. - 350 с. (Классика российской цивилистики) // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_3.html#2).

Об искусственности свойства «законного средства платежа», а также о причинах возможного обесценения государством денежных знаков и правовых проблемах, с ним связанных, см.: *Horn N.* Geldwertveränderungen, Privatrecht und Wirtschaftsordnung. Karlsruhe: C.F. Muller Juristischer Verlag, 1975. S. 7 - 10.

¹⁵² На этом же основана и степень этой покупательной способности: «ценность денежного знака, как и ценность товара, определяется соотношением спроса и предложения и никогда не является абсолютно устойчивой» (Там же.).

следует из закона¹⁵³. Однако Л.А. Лунц отмечает, что ряд проблем¹⁵⁴ порождает для государства необходимость выбрать предмет, который будет являться «крайним» (замена предмета долга) и «принудительным» (освобождение от обязанности кредитора и обязанность должника принять исполнение) средством исполнения обязательств¹⁵⁵. Отсюда и закрепление в законе законного платежного средства¹⁵⁶. По мнению Л.А. Лунца, предмет, служащий орудием обмена, является деньгами как с экономической, так и юридической точки зрения (поскольку отсутствует законодательный запрет на исполнение данной функции)¹⁵⁷.

Платежная сила денежного знака при этом не может быть изменена в силу фактических обстоятельств, поскольку она определяется законом – посредством обозначения законодателем на денежном знаке суммы денежных единиц¹⁵⁸. По видимости платежная сила, будучи определенной законом, является свойством исключительно законных средств платежа как особого рода объектов. На этом основании Л.А. Лунц делает вывод о том, что

¹⁵³ «Закон непосредственно не может создать всеобщего орудия обмена, ибо он не может указать, что должно быть предметом сделок, совершаемых добровольно; закон не может также предписать определенную покупательную силу существующего орудия обмена, так как покупательная сила денег есть результат сложного взаимодействия индивидуальных оценок всех участников гражданского оборота» (Там же).

¹⁵⁴ В качестве данных проблем автор называет, с одной стороны, публично-правовые (по сути, нужда государства, которое является кредитором в обязательствах по сбору налогов, пошлин, сборов, в наличии инструмента для осуществления данной государственной функции), с другой стороны, частноправовые: 1) несовпадение момента заключения и исполнения договоров (кредит); 2) невозможность исполнения в натуре; 3) возмещение интереса кредитора при ненадлежащем исполнении; 4) возмещение убытков при совершении недозволенных действий (Там же).

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Предмет, служащий универсальным суррогатом исполнения имущественных обязательств (Там же). Ср. с позицией Г. Кнаппа (государственная теория денег), согласно которой национальная валюта – творение государства, и граждане обязаны подчиняться предписаниям государства относительно ценности денег (*Hirshberg E. The impact of inflation and devaluation on private legal obligations. Legal aspects of contemporary monetary problems. Bar-Ilan University, Ramat-Gan, Israel. P. 361.*). Вышестоящая власть обладает монополией на установление законного средства платежа, которое означает «не более чем деньги, выпускаемые правительством, от которых не может отказаться кредитор при уплате этими деньгами причитающегося ему долга» (*Nussbaum A. Money in Law. National and International Brooklin: Foundation Press, 1950 // Цит. по: Хайек Ф.А. фон. Частные деньги / М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 65.*).

¹⁵⁷ «Наряду с этим к деньгам должны быть отнесены предметы, наделенные по закону платежной силой» (Там же). При этом «законное платежное средство может и не быть орудием обращения» (*Лунц Л.А. Указ соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_5.html#14*).

¹⁵⁸ Л.А. Лунц в этом аспекте приводит следующую цитату Кнаппа: «Юридическая сила денег не затрагивается колебаниями цен. Государство вовсе не знает изменения цены денег» (*Лунц Л.А. Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_3.html#5*).

По мнению же Г. Кнаппа национальная валюта – творение государства, и граждане обязаны подчиняться предписаниям государства относительно ценности денег (*Hirshberg E. Opt. cit. P. 361.*).

денежное обязательство, выраженное в определенной сумме денежных единиц, по общему правилу не имеет своим предметом предоставления определенной ценности (покупательной силы).

В этом видится противоречивость изложенной позиции Л.А. Лунца, так как он не проводит четкого разграничения между покупательной силой («курсовая цена денег») (определяется оборотом, вопрос факта) и платежной силой (определяется законом, вопрос права) денег. В целом поддерживая позицию Л.А. Лунца относительно понятия покупательной силы денег, отметим, что покупательная сила денег с точки зрения гражданского права имеет иное значение: она не сводится к предоставлению определенной ценности, так как один предмет может быть ценен для одного человека, и совершенно бесполезен для другого. Иными словами, ценность с точки зрения гражданского права определяется субъективным восприятием сторон договора, поэтому вопрос сводится к возможности сторон своей волей определить цену (количество денежных единиц) в договоре, которую одна сторона заплатит другой за предоставление того или иного блага в каждом конкретном случае¹⁵⁹.

Воля сторон при этом формируется под воздействием как минимум двух основных факторов – субъективной оценки и объективной оценки конкретного блага оборотом. Первоочередным является первый из названных факторов, ибо очевидна возможность стороны под его воздействием изменить некую установленную обществом среднюю цену (хотя, данная возможность

¹⁵⁹ «Но и это обстоятельство не дает возможности государству в законодательном порядке фиксировать ценность денег, так как при господстве децентрализованного хозяйства содержание денежных обязательств по договорам определяется в любой сумме денежных единиц по усмотрению участников сделок» (Лунц Л.А. Указ соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_3.html).

При этом иное видение присутствует в публичном праве – в налоговом законодательстве прослеживается более широкий подход к понятию покупательной способности, не ограниченный лишь рамками усмотрения сторон сделки: в п. 1 ст. 105.7 Налогового кодекса указаны методы определения рыночной цены: 1) метод сопоставимых рыночных цен (приоритетен в общем случае); 2) метод цены последующей реализации (приоритетен при перепродаже); 3) затратный метод; 4) метод сопоставимой рентабельности; 5) метод распределения прибыли. Если ни один из методов не подходит, налогоплательщик может (п. 9 ст. 105.7 НК РФ, п. 3 Письма Минфина России от 29.04.2014 № 03-01-РЗ/20100): 1) применить иной обоснованный метод определения рыночной цены; 2) по разовой сделке определить рыночную стоимость на основании независимой оценки. При этом сделка признается разовой, если она по своему существу не относится к основной деятельности организации и осуществлялась однократно.

не безгранична, и может быть скорректирована правом, о чем будет сказано позже). Получается, что покупательная сила (результат объективной оценки) не может быть определена через ценность товара (результат субъективной оценки). Следовательно, вне зависимости от того, какую сумму денежных единиц законодатель укажет на денежном знаке, это по поддерживаемой нами логике Л.А. Лунца, не должно сказаться на покупательной силе соответствующей валюты. Так и сам ученый фактически то же самое утверждает несколько позже¹⁶⁰.

Действительно, указание суммы денежных единиц на денежном знаке (платежная сила) является всего лишь следствием исторического упрощения системы расчетов посредством постепенного отхода от единиц веса металла¹⁶¹ (важно, что даже при предоставлении такого металла в натуре его ценность могла резко упасть или возрасти), а денежное обязательство, выраженное в определенной сумме денежных единиц вопреки вышеприведенному мнению Л.А. Лунца, все же имеет своим предметом предоставление определенной ценности (покупательной силы), как и любой товар вне зависимости от того, сколько абстрактных единиц стоимости составляет его фактическую ценность в данный момент времени. Данная точка зрения находит свою поддержку в том или ином виде и у Ф.К. фон Савиньи¹⁶², и у Хиршберга¹⁶³. В конце концов, как было сказано, ценность того или иного товара может быть очевидна сторонам одного договора, но не представлять ценности для других участников оборота. Вопрос состоит лишь в том, какие обстоятельства принимаются во внимание при присуждении (ибо о перерасчете стороны

¹⁶⁰ В ходе рассмотрения доктрины «*valor impositus*» Лунц Л.А. приходит к следующему выводу: «Несмотря на эти пережитки старой доктрины и несмотря на то, что некоторые буржуазные экономисты и юристы говорят еще о «номинальной цене» денег, было бы все же неправильно утверждать, что ныне кто-либо серьезно допускает возможность закрепления стоимости денег на определенном уровне путем обозначения на денежных знаках определенной суммы денежных единиц.». (Лунц Л.А. Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_19.html#84).

¹⁶¹ См.: Лунц Л.А. Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_3.html; Цитович П. Указ. соч. С. 36 – 37; Литовченко М. Указ. соч. С. 24. О правовой природе первых бумажных денег и роли государства в появлении денег в целом см. также: Samuel M. Opt. cit. P. 194 - 195; Geva B. Opt. cit.

¹⁶² См.: Савиньи Ф.К. фон. Указ. соч.

¹⁶³ Э. Хиршберг является сторонником принципа валоризма, то есть подхода, согласно которому разумный приобретатель заинтересован в получении покупательной силы (Hirshberg E. Opt. cit. P. 50-51).

всегда вольны договориться сами): в чем состоит эта «качественная» категория ценности – учитывается ли здесь субъективное мнение сторон или же «качество» оценивается на предмет наличия атрибута, от воли сторон не зависящего (законная платежная сила устанавливается государством); или же это обстоятельство вовсе игнорируется, и в расчет берется категория «количества»? На этом основании противоречивость можно найти и в утверждении о том, что денежная единица является мерилom ценности, определяющим рыночную цену товаров (ранее Л.А. Лунц утверждает, что деньгами могут быть любые орудия обмена – то есть по сути все может быть оценено в чем угодно¹⁶⁴; однако далее автор утверждает, что для выполнения данной функции деньги все-таки должны обладать относительной устойчивостью в своей покупательной силе, ибо «с последующим изменением цены денег та же сумма будет выражать другую ценность»¹⁶⁵).

Итак, деньги как объект гражданских прав суть законное средство платежа, объект с особым свойством, которым его наделяет правопорядок. Все, что будет названо правопорядком законным средством платежа, будет признано деньгами в юридическом смысле и, соответственно, будет выступать объектом денежного долга как долга с особыми правовыми свойствами.

С понятием законного средства платежа непосредственно связано понятие одного такого свойства – номинализма¹⁶⁶: игнорирование изменений

¹⁶⁴ «По большому счету всё может быть оценено в чем угодно (например, дом в автомобилях), но особые проблемы возникают там, где вещь, используемая для оценки, явно создана с целью оплаты. В этом случае возникает вопрос о том, кто решает, что на самом деле представляет собой соответствующая единица». (Gleeson S. *The Legal Concept of Money*. Oxford University Press, 2018. P. 169.).

¹⁶⁵ Лунц Л.А. Указ. соч.

¹⁶⁶ Об истоках принципа номинализма см., например *Hirshberg E. Opt. cit.* P. 56, etc.; *Nussbaum A. Opt. cit.* P. 18-19). Ср.: *Багаев В.* Большинство судов еще не пользуются теми возможностями, которые дает современное российское гражданское право [Интервью с А.С. Комаровым] // Закон. 2016. N 3. С. 6 - 15. // СПС «Консультант Плюс»).

О достоинствах принципа номинализма: *Yoran A. Opt.cit.* P. 14; *Hirschberg E. Opt.cit.* P. 49; *Степанченко А.В.* Валютная оговорка в договорах как способ преодоления инфляционных потерь // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18 - 19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 592 с. // СПС «Консультант Плюс».

О связи принципа номинализма и доктрины закона валюты долга (*lex monetae*) см. подробнее: *Gleeson S. Opt. cit.* P. 169; *Proctor C. Mann on the Legal Aspect of Money / Oxford University Press.* 7th edition. Par. 13.04; *Proctor C. Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions // Sweet & Maxwell.* 2009. Par. 2.02.

(вне зависимости от причин таких изменений¹⁶⁷) металлического содержания или покупательной силы¹⁶⁸ суммы единиц денег (определенной валюты), в которой выражается денежное обязательство¹⁶⁹.

Эта связь прослеживается в классическом примере действия принципа номинализма – прецеденте *Gilbert and Brett 1604 г.*¹⁷⁰, где встал вопрос о том, какая валюта по заключенному договору считается текущей и законной – которая была таковой на момент его заключения или на момент платежа¹⁷¹. Решение суда по этому делу было вынесено в полном соответствии с принципом номинализма, что, как показывает этот прецедент, возлагает издержки в связи с заменой государством законного средства платежа на продавца¹⁷².

Наиболее четко в российской доктрине данный принцип описал Л.А. Лунц, по мнению которого принцип номинализма является юридическим принципом игнорирования изменений, который «характеризует содержание денежного обязательства, выраженного в определенной сумме денежных единиц: такое денежное обязательство не имеет своим предметом

¹⁶⁷ См.: *Лунц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. – М.: Статут, 2004. – 350 с. (Классика российской цивилистики) / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_17.html.

¹⁶⁸ См.: Теория прибавочной стоимости, изд. 1936, т. II, стр. 39. / Цит. по: *Лунц Л.А.* Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_17.html.

¹⁶⁹ См.: *Лунц Л.А.* Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_17.html; *Yoran A.* The effect of inflation on civil and tax liability. Kluwer law and taxation publishers, 1983. P. 8).

¹⁷⁰ Подробнее о прецеденте см.: *Баишатов М.Л.* Принцип номинализма в денежных обязательствах (по английскому праву) // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова. Статут, г. Москва, 2020. С. 373-404.

¹⁷¹ Суд встал на сторону покупателя, санкционировав право суверенной державы наделить новую денежную единицу статусом законного платежного средства. В основу этого решения легла позиция французского юриста Ш. Дюмулена, который фактически отождествлял номинализм с законным платежным средством (*Rosenn K. S. Law and Inflation. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1982. P. 38; Лунц Л. А.* Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_18.html). Отсюда вопрос о природе номиналистического принципа – является ли он порождением государственной или общественно теории денег (см.: *Nussbaum A.* Opt. cit. P. 18).

О разнице применения номиналистического принципа к валюте долга и валюте платежа см.: *Васильев Е.А., Зайцева В.В., Костин А.А. и др.* Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Е.А. Васильева. М., 1993. Глава XI, § 7, автор параграфа – Е.А. Васильев. С. 293 – 297; *Proctor C.* Opt.cit. Par. 5.02.

¹⁷² *Gleeson S.* Opt. cit. P. 188. Там же о перераспределении рисков в зависимости от валюты долга и места рассмотрения спора см. подробнее.

Примечательно, что строгость следования российских судов номиналистическому принципу связана с относительно небольшим колебанием покупательной способности денег и содействием принципа номинализма стабилизации гражданских отношений, «участники которых, принимая в платеж по номиналу обесценившуюся валюту, компенсируют убыток, расплачиваясь по другим сделкам такими же обесценившимися деньгами» (См.: *Васильев Е.А., Зайцева В.В., Костин А.А. и др.* Указ. соч. С. 293 – 297).

предоставление кредитору определенной покупательной силы; оно не имеет своим предметом предоставление кредитору определенного весового количества золота или его стоимости. Оно имеет своим предметом денежные знаки в номинальной сумме денежных единиц»¹⁷³. Точность приведенного описания обусловило многочисленные отсылки к нему значительного числа российских ученых¹⁷⁴. Анализ текущей научной мысли таким образом показывает, что абсолютное большинство авторов¹⁷⁵ и судебная практика¹⁷⁶ говорят о принципе номинализма в формулировках и содержании, которые были разработаны Л.А. Лунцем.

Согласно доминирующей в Англии позиции, выраженной Ф.А. Манном связующий эффект номинализма основан на воле сторон правоотношения. Стороны денежного обязательства, которое состоит в выплате номинальной суммы денег, наделены правом выбора в качестве единицы исчисления долга как отечественную денежную единицу, так и иностранную валюту. Как видно, приведенный подход к определению принципа номинализма меняет вектор с

¹⁷³ Лунц Л.А. Указ. соч. / URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_17.html.

¹⁷⁴ См., например: Степанченко А.В. Особенности оборота иностранной валюты в Российской Федерации. Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. Ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М.: Статут, 2014. 272 с. // СПС «КонсультантПлюс»; *Он же*. Валютная оговорка и иные способы преодоления инфляционных потерь // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 167 – 172. // СПС «КонсультантПлюс»; *Усачева К.А.* Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права. 2016. № 1. С. 47 - 142. // СПС «КонсультантПлюс»; *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с. // СПС «КонсультантПлюс»; *Добрачев Д.В.* Принцип формализации права требования о взыскании убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 156 - 167. // СПС «КонсультантПлюс»; *Он же*. Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 168 с.; *Он же*. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации Российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. 224 с. // СПС «КонсультантПлюс»; *Плотников В.С., Плотникова О.В.* Свойства договорных обязательств, обеспечивающие признание выручки в бухгалтерском учете // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 24. С. 17 - 21. // СПС «КонсультантПлюс»; *Каримуллин Р.И.* Возврат кредита // Право и экономика, 2000. № 10, 11 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁵ Например, следующие авторы говорят о своем согласии с позицией Л.А. Лунца: *Иванов А.А.* Правовые проблемы действия валютной оговорки в договорах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5. С. 70 - 79. // СПС «КонсультантПлюс»; *Бархатова Е.Ю.* Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. 256 с. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁶ Например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2018 № 09АП-3325/2018 по делу № А40-114742/17 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2018 № Ф05-9327/2018 данное постановление оставлено без изменения); Решение Промышленного районного суда города Самары от 18.04.2018 по делу № 2-1919/2018~М-1219/2018; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2016 № 10АП-3409/2016 по делу № А41-86940/15.

публичный начал на частноправовые – диспозитивный характер номиналистического принципа¹⁷⁷, о котором зачастую упоминают российские суды¹⁷⁸.

Диспозитивный характер норм, устанавливающих принцип номинализма, как отмечает Васильев Е.А., дает возможность сторонам защитить себя от обесценивания валюты при помощи имеющихся в арсенале гражданского права правовых средств, которые автор делит на две группы: «1) применяемые судом по предварительному соглашению сторон (защитные оговорки, искусственные единицы расчета) и 2) применяемые судом без предварительного соглашения сторон (возмещение убытков от обесценения валюты во время просрочки платежа, ревалоризация долга и некоторые другие)»¹⁷⁹. Выявленные Васильевым Е.А. правовые средства таким образом можно назвать исключениями из принципа номинализма, который, как правило рассматривается исследователями сквозь призму таких исключений¹⁸⁰: в контексте вопроса об изменении в покупательной силе денег, произошедших, например, в связи с падением курса иностранной валюты в процессе рассмотрения судебного спора¹⁸¹, а также вопроса о так называемых защитных оговорках (*protective clauses*)¹⁸². Более подробное рассмотрение

¹⁷⁷ *Mann F.A.* The legal aspects of money. Second edition. New York: Oxford University Press, 1954. P. 66.

См. также: *Black V.* Foreign Currency Claims in the Conflict of Laws / London: Hart Publishing, 2010. 14–66. Bloomsbury Collections. Web. 3 Apr. 2020. P. 22-23.

¹⁷⁸ См., например: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2016 № 10АП-16874/2015 по делу № А41-83342/14; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2016 № 10АП-3409/2016 по делу № А41-86940/15; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2016 N 10АП-8683/2016 по делу № А41-10813/16; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 № 10АП-15386/2015 по делу № А41-53872/15 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2016 № Ф05-5464/2016 данное постановление оставлено без изменения); Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2017 № 10АП-5908/2017 по делу № А41-15698/16 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2017 № Ф05-12223/2017 данное постановление оставлено без изменения).

¹⁷⁹ *Васильев Е.А., Зайцева В.В., Костин А.А. и др.* Указ. соч. С. 293 – 297.

¹⁸⁰ «Разумеется, признание рубля законным платежным средством, равно как и принцип номинализма, имеют исключения» (*Иванов А.А.* Указ. соч.).

¹⁸¹ См., например: *Nussbaum A.* Opt. cit. P. 348-353.

¹⁸² «Едва ли не основным вопросом исполнения денежных обязательств является вопрос о влиянии изменений в покупательной силе денег на исполнение денежного обязательства» (*Лавров Д.Г.* Денежные обязательства в российском гражданском праве: Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03: Спб., 2000. С. 75.).

См., например: *Луңц Л.А.* Указ. соч.; *Proctor C.* Mann on the Legal Aspect of Money / Oxford University Press. 7th edition. Par. 12.04 и далее.

обозначенных вопросов, которое будет проведено далее, позволяет увидеть принцип номинализма в его действии, что дает основания для его представления в несколько отличном от сложившегося в российской литературе свете.

Так, изменение покупательной силы денег может произойти в связи с падением курса иностранной валюты в процессе рассмотрения спора в суде. Такая ситуация имела место в одном известнейших английских прецедентов – деле *Miliangos v George Frank (Textiles) Ltd 1975 г.*¹⁸³.

До этого дела применялись следующие правила: 1) требования в иностранной валюте не могут быть предъявлены в английских судах¹⁸⁴ (то есть иск должен был быть оценен и выражен в фунтах стерлингов¹⁸⁵); 2) пересчет иностранной валюты в фунты стерлингов производится на дату нарушения обязательства¹⁸⁶ (для договорных обязательств – на дату, когда обязательство должно было быть исполнено). Соответствующее правило о пересчете («валюта суда/дата нарушения» (*forum currency/breach-date rule*)) является частью более общего правила точной компенсации (*accurate compensation*) и может быть разложено на три положения: 1) иски должны предъявляться в фунтах стерлингов; 2) присуждение должно быть выражено в фунтах стерлингов; 3) конвертация осуществляется по курсу, действовавшему на дату нарушения обязательства¹⁸⁷.

В деле *Miliangos* были отменены все названные правила. Истцы стали свободны в том, чтобы выразить свои требования в любой валюте, а суды – в вынесении решения в любой валюте. Конвертация же либо не производилась вовсе (если должник выбирает осуществить платеж в иностранной валюте),

¹⁸³ Английские судебные решения по вопросам обязательств в иностранной валюте оказали колоссальное влияние как на страны-участницы Содружества наций, так и на США и Францию (*Black V. Opt. cit. P. 15*).

¹⁸⁴ Об исторических аспектах рассмотрения соответствующих споров присяжными см.: *Gleeson S. Opt. cit. P. 187-188*.

¹⁸⁵ Данное правило являлось фундаментальным принципом (*Black V. Opt. cit. P. 18*). Такова была позиция английского права на протяжении многих веков (*Gleeson S. Opt. cit. P. 188*).

¹⁸⁶ *Black V. Opt. cit. P. 18*.

¹⁸⁷ *Ibid. P. 19-22*.

либо производилась на дату платежа¹⁸⁸. Ч. Проктор полагает, что в деле *Miliangos* было установлено всего лишь процессуальное правило¹⁸⁹, однако мы более склонны согласиться с позицией В. Блэка, который говорит о том, что решение по делу *Miliangos* было продиктовано отходом от принципа номинализма¹⁹⁰.

Рассмотрение этого примера о кардинальном изменении господствовавших подходов демонстрирует нам связь вопроса о применении принципа номинализма и принципа справедливой компенсации. Практически все рассуждения на этот счет сводятся к определению того, какое правило является более справедливым – старое правило «валюта суда/дата нарушения» или новое правило – «отход от принципа номинализма», – установленное в деле *Miliangos*. Преимущественно «побеждает» в этом споре последнее – несправедливость старого правила отмечали, в частности, Ф.А. Манн¹⁹¹, судья Лорд Деннинг¹⁹², судья Лорд Уилберфорс¹⁹³.

Однако, по нашему мнению, подобный вывод о справедливости одной даты конвертации и несправедливости другой не является столь однозначным. Полагаем, что выбор той или иной даты конвертации не может основываться на каком-либо универсальном, наиболее справедливом¹⁹⁴ и однозначном правиле, а базируется на абстрактном принципе компенсации, применение

¹⁸⁸ Ibid. P. 27.

¹⁸⁹ *Proctor C. Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions* // Sweet & Maxwell. 2nd edition. 2009. Par. 5.06, 5.33.

¹⁹⁰ См. подробнее: *Black V. Opt. cit.* P. 73.

¹⁹¹ См. подробнее: Ibid. P. 23.

¹⁹² Соответствующие рассуждения судьи Лорда Деннинга заложили основу для решения по делу *Miliangos*: 1) это правило может привести к несправедливости в виде недостаточной компенсации иностранному истцу, которая была оценена в валюте по отношению к фунту стерлингов (дело *The Teh Hu*, см.: *Васильев Е.А.* Указ. соч. С. 143); 2) английские суды могут приводить в исполнение арбитражные (третейские) решения, выраженные в иностранной валюте, поскольку применение правила о «валюте суда/дате нарушения» обосновывается исключительно процедурными проблемами; при вынесении же арбитражных решений «редко возникает необходимость вызывать шерифа или иного сотрудника для приведения в исполнение решения суда» (*Jugoslavenska Oceanska Plovidba v Castle Investment Co 1974 г.*, см.: Ibid. P. 23-24); 3) разумное обоснование этого правила прекратило свое существование, и что в тех случаях, когда истец является резидентом одного из государств-членов ЕЭС, ст. 106 Римского договора (которая по статуту является частью английского права) разрешает этому истцу требовать выплаты долга, выраженного в иностранной валюте (дело *Schorsch Meier*, см.: Ibid. P. 23-24).

¹⁹³ Ibid. P. 28-30.

¹⁹⁴ Ibid. P. 22-23.

которого исключительно индивидуально для каждого конкретного дела¹⁹⁵. Таким образом, мы видим здесь переплетение проблематики с проблемой применения принципа добросовестности¹⁹⁶, которая в зависимости от того угла зрения, под которым она рассматривается, может быть сведена либо к практике преодоления судами строгости права, которое на определенном этапе своего существования стало приводить к несправедливым результатам, либо к использованию судьями определенного клише – ссылки на добросовестность для обоснования решения, которое выносится судьей на основании его внутреннего убеждения.

Так, повторим, в деле *Miliangos* фактические обстоятельства были таковы, что применение действовавшего на тот момент правила привело бы к несправедливому результату, что стало причиной пересмотра этого правила. Вместе с тем использованные в этих целях судьями аргументы оцениваются в литературе как «не более чем отговорки, чтобы не использовать неудобное более правило»¹⁹⁷, то есть по сути суд на основании своего внутреннего убеждения посчитал новое правило («отход от принципа номинализма») более справедливым для разрешения конкретного дела, но в обоснование привел такие аргументы, которые вполне могли бы обосновать прямо противоположное решение¹⁹⁸. На невозможность найти общее строгое правило о дате пересчета намекают и рассуждения судьи Лорда Уилберфорса о необходимости поиска баланса между недостаточной и чрезмерной компенсацией¹⁹⁹.

¹⁹⁵ В. Блэк отмечает, что в первые годы после решения по делу *Miliangos* суды столкнулись с вопросом о том, какое правило применять в условиях иных фактических обстоятельств в подобных делах (Ibid. P. 32-67).

¹⁹⁶ См.: Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014. С. 203 - 242. // СПС «Консультант Плюс». О закреплении номиналистического принципа в ст. 1895 Гражданского кодекса Франции 1804 г. см. также: Nussbaum A. Opt. cit. P. 174.

¹⁹⁷ См.: подробнее *Black V. Opt. cit.* P. 24.

¹⁹⁸ Вместе с тем, проведя исторический анализ колебания валютных курсов В. Блэк приходит к тому, что остается открытым вопрос о том, является ли утверждение о колебаниях валютных курсов в деле *Miliangos* подлинным непониманием истории или уловкой для того, чтобы отойти от необходимости применения старого правила (Ibid. P. 28-30).

¹⁹⁹ Дополнительным стимулом для отступления от старого правила в деле *Miliangos* стало соображение экономического характера. Обычно правило о дате нарушения (*breach-date rule*) работало в пользу иностранных истцов, когда курс фунта стерлингов был устойчивым и высоким, но наоборот приносило

Вышеизложенное позволяет нам дополнить рассуждения Е.А. Васильева и Ф.А. Манна относительно диспозитивного характера номинализма. Так, повторим, диспозитивный характер номинализма проявляется в самой возможности следовать номиналистическому принципу или игнорировать его, что может быть осуществлено, в частности, судом посредством применения гражданско-правовых средств без предварительного соглашения сторон. Здесь мы добавим, что соответствующее судебное решение в таком случае базируется исключительно на принципах справедливости и добросовестности, исходя из внутреннего убеждения суда, а не на каком-либо «идеальном» правиле, которое могло бы справедливо разрешить любой спор, поскольку «чаша весов» в подобных спорах всегда отклоняется лишь в одну сторону²⁰⁰ – и в деле *Miliangos* обстоятельства были не столь однозначны, ведь в своем первоначальном требовании продавец просил вынести решение в английских фунтах стерлингов, то есть в соответствии с прежним правилом. Однако впоследствии истец заменил валюту требования, поскольку в период между нарушением договора и началом судебного разбирательства швейцарский франк значительно вырос по отношению к фунту стерлингов²⁰¹. Очевидно, если бы курс изменился в обратную сторону, продавец не стал бы просить суд не применять прежнее правило²⁰².

Внутреннее убеждение судьи вполне может основываться на внешних обстоятельствах²⁰³, или же судья может применять аналогичных подходы,

ущерб, если курс падал. Поэтому было заявлено, что вне зависимости от вопроса о справедливости в отношениях сторон спора, падение курса фунта стерлингов делает Лондон непривлекательной юрисдикцией, что вредит экономике Англии (особенно юристам), которая выигрывала от того, что Лондон был привлекательным местом для урегулирования международных споров (Ibid. P. 30-32).

²⁰⁰ См., например: *Proctor C. Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions* // Sweet & Maxwell. 2nd edition. 2009. Par. 5.09.

²⁰¹ *Black V. Opt. cit.* P. 25.

²⁰² Ibid. P. 26.

²⁰³ Например, на макроэкономических или политических соображениях. Такие правила могут заключаться, например, в поддержке местной экономики путем стимулирования сторон использовать валюту суда; в содействии местным жителям, а не иностранцам; или, наоборот, поддержании репутации привлекательной с точки зрения рассмотрения спора юрисдикции посредством благоприятствования иностранным сторонам в споре, а не резидентам страны суда. Все эти правила – правила о валюте судебного решения, которые отклоняются от принципа точной компенсации (Ibid. P. 69).

выработанные при рассмотрении вопросов об издержках и процентах (*costs and interest*), целью которых является компенсация²⁰⁴. Правила о дате конвертации таким образом возможно использовать для тех же целей, что и правила об издержках и процентах – для наказания и для влияния на поведение сторон во время судебного разбирательства. Такие правила могут также использоваться для перераспределения богатства (*redistribute wealth*) или (в менее спорных терминах) для содействия доступу к правосудию²⁰⁵. Вместе с тем в некоторых судебных решениях и статутах, говорится, что судьи должны выбрать дату конвертации, которая является справедливой с учетом всех обстоятельств²⁰⁶.

Резюмируя, из вышеизложенного следует, что в действительности в виду постоянного изменения курсов валют действие любого правила о пересчете валюты (например, до *Miliangos* или после) так или иначе приводит к отклонению от точной компенсации²⁰⁷. При этом неверно говорить, что выбор того или иного правила осуществляется либо исходя из следования принципу номинализма, либо как свидетельство отказа от него (именно это иллюстрирует дело *Miliangos*, поскольку часто представляется исследователями как пример отхода от принципа номинализма). Номинализм как принцип игнорирования изменения покупательной силы денег в целом сводится к довольно очевидному правилу о неизменности количества оговоренного предоставления и в таком смысле имеет место как до дела *Miliangos* (несмотря на необходимость конвертации иностранной валюты в фунт стерлингов, количество денежных единиц иностранной валюты, предусмотренное в договоре, оставалось неизменным, и именно это количество подлежало конвертации в фунт стерлингов), так и в решении по

²⁰⁴ О правиле *costs follow the event* и проч. подробнее см.: *Ibid.* P. 70-71.

См., например: Жукова Г. Международный арбитражный суд ICC: взгляд изнутри // Третейский суд. 2010. № 3. С. 80 - 97.

²⁰⁵ *Black V.* *Opt. cit.* P. 71.

²⁰⁶ Иногда это формулируется как требование выбрать справедливую (объективную) валюту или дату конвертации (*Ibid.* P. 71-72).

²⁰⁷ *Ibid.* P. 73.

этому делу (присуждение к уплате количества денежных единиц, предусмотренного договором, или к уплате этого количества денежных единиц, конвертируемого в фунт стерлингов по курсу, действовавшему на дату вынесения судебного решения). Однако выбор судом даты конвертации иностранной валюты (о какой бы дате не шла речь), основанный на принципе справедливой компенсации, в сущности есть не что иное как создание механизма, направленного на то, чтобы полностью проигнорировать правило о количестве предоставления (номинализм), и присудить более менее справедливый объём покупательной силы, о котором, по мнению суда, стороны договорились. Тот же вывод справедлив и при установлении мотивов законодателя для закрепления правила о дате пересчета. При таком взгляде дело *Miliangos* не является, строго говоря, отходом от принципа номинализма, так как позволила должнику выбрать между предоставлением оговоренного количества денежных единиц иностранной валюты (принцип номинализма) или исходя из принципа справедливости – предоставления в фунтах стерлингов. В этом смысле номинализм действует только для обязательств, выраженных в единицах законного средства платежа (когда вопрос о конвертации вовсе не поднимается), и для обязательств в иностранной валюте, когда для предоставления по правилам, действующим в стране суда, возможно вынесение решения в иностранной валюте²⁰⁸. Следовательно всегда, когда речь идет о конвертации, возникает вопрос о дате такой конвертации, поэтому, основываясь на принципе справедливой компенсации, суд принимает во внимание покупательную силу количества оговоренных в договоре денежных единиц и выбирает ту дату, которая кажется ему справедливой (либо это делает законодатель при проектировании нормы)²⁰⁹. При этом количество оговоренных в договоре денежных единиц иностранной валюты хотя и

²⁰⁸ См.: *Proctor C. Mann on the Legal Aspect of Money / Oxford University Press. 7th edition. Par. 13.03-13.04.*

²⁰⁹ Или же законодатель, устанавливая строгое правило о дате конвертации, выбирает таким образом наиболее сбалансированное, по его мнению, правило.

остаётся неизменным, в действительности вопрос решается относительно подразумеваемой покупательной силы²¹⁰.

Следующим после изменения покупательной силы денег примером отхода от принципа номинализма мы называли действие защитных оговорок (protective clauses, например, золотая и индексная оговорки)²¹¹.

Любое правило о валюте судебного решения несет в себе финансовые риски для истцов²¹², которые можно предусмотреть и избежать²¹³, что позволяет диспозитивный характер принципа номинализма²¹⁴. Так, на практике широко используются механизмы, направленные на уменьшение рисков, связанных с возможным изменением покупательной способности определенного вида денег, среди которых различного рода гарантийные оговорки²¹⁵. Эти оговорки следует считать действительными, как не

²¹⁰ «... продавец на основании принципа монетарного номинализма должен вернуть сумму без ее переоценки; здесь намеренно игнорируется время, прошедшее между заключением договора и его отменой, в связи с чем не очень важно, что имущество изменилось из-за исполнения отмененного договора и потеряло свою полную стоимость: это то же имущество, а не стоимость, которую оно имело к дате заключения договора и которую нужно вернуть.» (*Pellet S. Restitutions consecutives a la resolution du contrat de vente: a quoi bon? // Recueil Dalloz. 2014. N 10. P. 644, 645 / Цит. по: Усачева К.А. Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права. 2016. N 1. С. 47 - 142. // СПС «Консультант Плюс»*).

²¹¹ Мы не рассматриваем такие исключения из номиналистического принципа как случаи ревалоризации долга (является вопросом международного частного права) и случаи чрезмерной утраты стоимости валюты (мало чем отличается от рассмотренного нами дела *Miliangos*) (о них см.: *Proctor C. Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions // Sweet & Maxwell. 2nd edition. 2009. Par. 5.12-5.13*).

²¹² Точно так же, как не существует безрисковой формы для сохранения активов, не существует и такой формы компенсации, которая не несла бы в себе риска снижения (или наоборот роста) ее стоимости по отношению к другим товарам в ходе судебного разбирательства. Тем не менее, твердое правило о дате конвертации действительно дает четкое понимание сторонам спора о тех рисках, которым они подвергаются (*Black V. Opt. cit. P. 74-77.*).

²¹³ Эту точку зрения судья Лорд Деннинг высказал в защиту правила о дате нарушения в деле *Havana Railways* (*Ibid. P. 74*); *Mann. F.A. Opt. cit. P. 66*.

²¹⁴ Номиналистический принцип сам по себе не означает недействительности таких оговорок – это свидетельствует в пользу того, что принцип номинализма не является императивным правилом (*Proctor C. Mann on the legal aspect of money. 7th edit. Oxford University Press, 2012. Par. 12.02-12.04*). Тот же вывод справедлив и в тех странах, где принцип номинализма закреплен законом (например, во Франции) (*Ibid. Par. 12.02-12.04.*).

В силу диспозитивности положений п. 2 ст. 317 ГК РФ стороны договора могут согласовать иной курс пересчета, иной порядок или момент его определения (см. Определение КГД ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-151, п. п. 29, 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее – «ПП ВС РФ № 54»). При отсутствии такого соглашения, а равно в случае непредставления доказательств существования подобного специального курса и (или) порядка определения его размера, подлежит применению официальный курс ЦБ РФ (п. 14 ИП Президиума ВАС РФ № 70, п. 30 ПП ВС РФ № 54).

²¹⁵ *Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. 192 с. // СПС «Консультант Плюс».*

противоречащими ни законодательству о законном платежном средстве²¹⁶, ни публичному порядку²¹⁷.

Так, во Франции индексные оговорки впервые были запрещены в 1958 г., соответствующие положения теперь содержатся в Валютно-финансовом кодексе. Номинализм, как вопрос денежного права, рассматривается в контексте национальной экономической политики, поэтому индексные оговорки рассматриваются как недействительные по причине их противоречия законодательству²¹⁸. Общее правило о запрете автоматической индексации цен на товары или услуги применяется также к индексным оговоркам в договорах аренды и трудовых договорах. Однако существуют исключения для финансовых контрактов и коммерческих займов или аренды, а также индексация трудовых договоров допускается до тех пор, пока индексация соотносится с прожиточным уровнем.

Немецкое законодательство также давно запрещает положения о сохранении ценности (*value maintenance provisions*), которые имеют своим следствием отрицание принципа номинализма. В разделе 3 Закона О валюте (*Währungsgesetz*) предусматривается следующее положение: «Денежные обязательства, выраженные в валюте, отличной от немецкой марки, требуют разрешения компетентного органа. Это также относится к денежным обязательствам, сумма которых в немецкой марке определяется обменным курсом другой валюты или ценой определенного количества чистого золота или другими товарами и услугами».

Эта законодательная защита номиналистического принципа применялась только к внутренним контрактам; так или иначе это положение было отменено после введения евро. Однако Германия продолжала защищать

²¹⁶ Американский и французский подходы во многом схожи: сначала считалось, что защитные оговорки противоречат законодательству о законном платежном средстве, затем этот подход был опровергнут. Английский подход в этом смысле имеет отличие: суды прямо не рассматривали этот вопрос, однако имеющиеся источники, как представляется, подтверждают, что защитные оговорки не могут рассматриваться как противоречащие национальному законодательству о законном платежном средстве. Иной подход в Австралии. (См. подробнее: *Ibid.* 12.06-12.11.).

²¹⁷ См. подробнее: *Ibid.* Par. 12.12-12.16.

²¹⁸ См. подробнее: *Ibid.* Par. 12.17-12.19.

номинализм, приняв закон «О правилах ценообразования». Этот закон, в свою очередь, был заменен законом (*Preisklauselgesetz*), ограничивающим индексные оговорки в некоторых отношениях²¹⁹.

По мнению Ч. Проктора, золотые оговорки обычно применялись в попытке сохранить реальную стоимость требования кредитора, и в периоды денежной стабильности оставались неприкосновенными, когда не было необходимости ссылаться на них; они отменялись именно в тот момент времени, когда могли бы начать служить своей цели, что, несомненно, несправедливо по отношению к кредитору, который лишен средств защиты, о которых он сам договаривался²²⁰. В равной степени широкое использование индексных²²¹ или аналогичных защитных оговорок приведет к нежелательным социальным диспропорциям²²². Следовательно, законодатель должен принять взвешенное политическое решение о защитных оговорках во времена экономической стабильности и должен соблюдать это решение во времена кризиса. Учитывая, что многие аргументы о достоинствах индексных оговорок носят экономический (а не юридический) характер, судебным органам не следует узурпировать роль законодателя в этой области; следовательно, они должны в целом соблюдать условия согласованной сделки²²³.

²¹⁹ Тем не менее, по мнению Ч. Проктора, Германия утратила возможность устанавливать такого рода нормы, так как вопросы, касающиеся принципа номинализма, являются неотъемлемой частью денежного или валютного права, и суверенитет в таких вопросах был передан Европейскому союзу после создания единой валюты. Таким образом, действительность вышеприведенных положений весьма сомнительна, но до сих пор отсутствует какой-либо прецедент, касающийся данного вопроса (*Ibid.* Par. 12.21-12.23).

²²⁰ *Ibid.* Par. 12.31-12.32. Впрочем, едва ли подобные вопросы о применении золотых оговорок могут возникнуть на практике в не в связи со старыми конвенциями (*Proctor C. Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions // Sweet & Maxwell. 2nd edition. 2009. Par. 2.03-2.04.*)

²²¹ См. подробнее: *Proctor C. Ibid.* Par. 2.05-2.07.

²²² Кроме того, хотя экономисты, возможно, и не единодушны в этом вопросе, существует поддерживаемое большинством мнение о том, что индексные оговорки могут способствовать развитию инфляционных тенденций (*Proctor C. Mann on the Legal Aspect of Money / Oxford University Press. 7th edition. Par. 12.34.*)

²²³ *Ibid.* Par. 12.35.

Итак, проведенный анализ дает основания для нескольких важных выводов:

во-первых, принцип номинализма основан на конструкции законного средства платежа как объекта денежного обязательства: он возможен только если правопорядок ограничит автономию воли сторон в определении стоимостного содержания долга;

во-вторых, именно поэтому принцип номинализма в определенной степени сводится к фундаментальному принципу *pacta sunt servanda*, то есть должник обязан исполнить свое обязательство в том виде, о котором стороны изначально договорились, выбрав для обязательства объект с особыми свойствами²²⁴ и исполнить его надлежащим образом (в частности, соблюсти условия о качестве и количестве встречного предоставления)²²⁵;

в-третьих, право выработало механизмы корректировки таких договоренностей, продиктованные как политико-правовыми соображениями (привлекательность юрисдикции для разрешения спора, поддержание экономики страны суда, благоприятствование повышению уровня международных отношений и проч.), так и частноправовыми, а именно, следованием принципу справедливой компенсации и, в более общем плане, принципу добросовестности²²⁶;

в-четвертых, принцип номинализма призван дать сторонам договора определенность относительно правовых последствий заключенной ими

²²⁴ Ср. с приведенным подходом к расчету компенсации в зависимости от объективной (рыночной) стоимости предоставления на момент заключения договора согласно принципу номинализма: Усачева К.А. Указ. соч.; Она же. Расчет компенсации в случае невозможности возврата полученного в натуре при расторжении нарушенного договора // Закон. 2017. № 6. С. 118 – 134 // СПС «Консультант Плюс».

²²⁵ В этом смысле рассуждения о возможности более простой адаптации условий договора аренды к рыночным условиям в сравнении с договором займа, так как полученная займы сумма должна быть возвращена, представляются лишними правовой аргументации (См.: Ерохова М.А. Влияние девальвации рубля на договор аренды // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 74.). См. также: Зейц А. Г. Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (*clausula rebus sic stantibus*) // «Вестник гражданского права», 2013, № 5.).

²²⁶ О правиле *pacta sunt servanda* и его связи с принципом добросовестности см.: Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 137 – 154 // СПС «Консультант Плюс»; Она же. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. 278 с. // СПС «Консультант Плюс».

сделки²²⁷ : договорившись о предоставлении определенного количества единиц валюты, сторона вне зависимости от внешних обстоятельств будет должна это же количество единиц²²⁸;

в-пятых, очевидна связь между принципом номинализма и принципами справедливой компенсации и добросовестности²²⁹. Номинализм по причинам, указанным выше, не является произволом правопорядка, это закономерное догматическое развитие конструкции законного средства платежа, а потому отойти от его соблюдения возможно только с помощью стандартного инструментария, который предоставляет догматическая система, и не в качестве общего правила.

Так, последние два названных принципа призваны бороться с теми кажущимися несправедливыми результатами, к которым привело следование номиналистическому принципу²³⁰, посредством выбора даты пересчета валюты или применения иных механизмов корректировки договоренностей сторон²³¹. Примечательно, что ссылка на добросовестность была использована судом первой инстанции при вынесении им решения по громкому спору между ПАО «Вымпел-Коммуникации» и ПАО «Тизприбор», в котором в

²²⁷ О рисках при заключении сделок, в том числе связанных с иностранной валютой см.: *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сб. статей к юбилею В.В. Витрянского. М., 2017. С. 59.

О влиянии долгосрочности на риск сторон договора см., например: *Сайфуллин Р.И.* Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 86 - 136.

Ср. заключение долгосрочного договора с фиксированными ценами с заключением алеаторных сделок: *Щербаков Н.Б.* Основные подходы к определению юридической природы «алеаторных сделок» // Вестник гражданского права. 2006. № 1 // СПС «Консультант Плюс».

²²⁸ О примере сильнейшей инфляции, которая имела место в 90-х годах см.: *Новоселова Л.А.* Указ. соч.

С этой точки зрения нельзя согласиться с утверждением М. Ероховой, согласно которой недостатком принципа номинализма является возложение на участников оборота последствий действий властей, которые находятся вне сферы контроля таких участников (*Ерохова М.А.* Указ. соч. С. 74), ведь вне сферы их контроля находится падение или рост рыночной цены любого товара.

²²⁹ Данное утверждение весьма удачно иллюстрирует приведенное Очхаевым Т.Г. решение Высшего имперским судом Германии – см. подробнее: *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017. 208 с. // СПС «Консультант Плюс».

²³⁰ Э. Хиршберг отмечает, что применение принципа номинализма кажется несправедливым (*Hirshberg E.* *Opt. cit.* P. 49).

²³¹ При этом нельзя не согласиться со следующим соображением: «Нежелание менять договор по общему правилу не может быть признано недобросовестным поведением. Добросовестность не означает отношение к другому лучше, чем к самому себе, она является ограничителем эгоизма участников оборота, но не может пониматься как социальный идеал, ориентируясь на который следует предпочесть собственные интересы интересам другого лица.» (*Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Указ. соч. С. 59.).

результате резкой девальвации рубля арендатор согласно заключенному договору стал вынужден уплачивать арендные платежи, которые были в несколько раз выше среднерыночных значений. Это произошло по причине изначальной привязки размера арендных платежей к курсу доллара США, действовавшему на дату очередного платежа²³². При этом решение апелляционной инстанции было вынесено согласно принципу правила *pacta sunt servanda*²³³.

Несправедливость, вызванная применением принципа номинализма, равно как и применением правил, отрицающих номинализм, сдерживается условно тремя видами механизмов:

к первой группе относятся договорные механизмы – за счет различного рода упомянутых оговорок, установленных сторонами договора²³⁴.

ко второй группе относятся предусмотренные нормами гражданского права механизмы: возможность изменить и расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ, спорность применения которой к случаям изменения курса валют или инфляции впрочем вызывает известные дискуссии²³⁵); механизмы, в определенной степени игнорирующие свободу договора²³⁶ или, как минимум, существенно

²³² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.02.2016 по делу № А40-83845/15-54-532.

²³³ «Что касается выводов суда о недобросовестном поведении стороны договора, суд не указал в чем выразилось злоупотребление правом ответчика, вытекающим из условий договора, и в результате каких конкретно действий, учитывая, что арендодатель всего лишь настаивает на исполнении договора арендатором на согласованных сторонами условиях. Отказ арендодателя от согласования нового размера арендной платы и изменения в связи с этим договора не свидетельствует о злоупотреблении правом одной из сторон сделки, как и не свидетельствует об этом включение в условия договора валютной оговорки, что прямо предусмотрено п. 2 ст. 317 Гражданского кодекса РФ» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2016 № 09АП-8243/2016-ГК по делу № А40-83845/15).

²³⁴ При этом в российском законодательстве, с одной стороны, стороны сами могут согласовать иной курс пересчета, иной порядок или момент его определения в силу диспозитивности п. 2 ст. 317 ГК РФ (См.: Определение КГД ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-151; п. п. 29, 30 ПП ВС РФ № 54). При отсутствии такого соглашения, а равно в случае непредставления доказательств существования подобного специального курса и (или) порядка определения его размера, подлежит применению официальный курс ЦБ РФ (п. 14 ИП Президиума ВАС РФ № 70, п. 30 ПП ВС РФ № 54).

Кстати, примечательно, что в потребительском законодательстве установлено императивное правило об определении цены товаров, работ, или услуг (валюты долга) в рублях, то есть действует принцип номинализма (п. 2 ст. 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».)

²³⁵ См., в частности: *Скловский К.И.* Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2016. № 7. С. 64 – 77; *Зейц А.Г.* Указ. соч.; *Ерохова М.А.* Указ. соч.; *Нам К.В.* Указ. соч.; *Иванов А.А.* Указ. соч.; *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Указ. соч.; *Багаев В.* Указ. соч. и т.д.

²³⁶ О свободе договора в рассматриваемом контексте см.: *Иванов А.А.* Указ. соч.

сдерживающие усмотрение сторон относительно цены сделки, такие как адаптация цены сделки к изменению уровня среднерыночных цен (например, п. 1 ст. 174 ГК РФ дает возможность оспорить сделку, если ее цена изначально завышена или занижена²³⁷; п. 2 ст. 428 ГК РФ позволяет суду изменить или расторгнуть договор, если нерыночная цена была навязана стороне договора);

в третьей группе относятся судебные механизмы: взыскание арбитражными судами убытков при нарушении договорных обязательств с учетом инфляционных процессов, а также инициативы по созданию возмещения потерь от инфляции²³⁸

²³⁷ См. также п. 93 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

²³⁸ Новоселова Л.А. Указ. соч.

См.: Федеральный закон от 10.05.1995 № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации»; ст. 318, п. 2 ст. 590, п. 2 ст. 596, ст. 1091 ГК РФ.

Новоселова Л.А. справедливо делает общий вывод о неприемлемости принципа номинализма к отношениям, в которых сумма по денежному обязательству выплачивается непосредственно на содержание гражданина: в возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью, по договору пожизненного содержания и в других случаях (Новоселова Л.А. Указ. соч.). См. подробнее: Добрачев Д.В. Взыскание основного денежного долга и убытков в гражданском праве России // 2009. СПС «Консультант Плюс»; Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстициформ, 2016. 340 с. // СПС «Консультант Плюс».

Глава 2. Особенности режима криптовалюты в сравнении с режимом денег

§ 1. Понятие криптовалюты в действующем законодательстве

Сегодня имеется несколько десятков российских публикаций, в которых рассматривается вопрос о правовой квалификации криптовалюты. Несмотря на немалое количество специальных трудов, качество проработки рассматриваемого вопроса в отечественной литературе в целом нельзя назвать удовлетворительным. Конечно, это не означает полное отсутствие обладающих научной ценностью работ, однако ознакомление с текущим массивом правовых исследований позволяет заключить, что, столкнувшись с новым объектом изучения из технологической области, для описания которого требуется использование множества специальных и не употреблявшихся ранее по крайней мере в правовой литературе терминов (токен, блокчейн, майнинг и т.п.), отечественные юристы буквально погрязли в объяснении используемой терминологии²³⁹, описании функционирования технологий²⁴⁰ и приведении различных классификаций токенов²⁴¹. Безусловно, правовая догматика требует четкого уяснения сущности исследуемого объекта, однако представляется, что чрезмерное увлечение ряда авторов соответствующими вопросами обусловлено не целью достичь истины, а желанием найти в этом основание для выдвижения новых и не вполне обоснованных теорий²⁴². Наличие такого массива взглядов, уточнений и аргументов побудило некоторых юристов реферативно аккумулировать их вместе с приведенными аргументами в более или менее исторической последовательности, и в погоне

²³⁹ См., например: Кузнецов Ю.В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги // «Закон», 2018, № 9 // СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁰ См., например: Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч.

²⁴¹ См., например: Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // «Хозяйство и право», 2017, № 12. С. 29-44.

См. также: Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). В 5-ти томах. Том 1 /отв. ред. Л.Ю. Василевская. Проспект. М., 2021. 288 с.

²⁴² См., например: Кузнецов Ю.В. Указ. соч.

за тем, чтобы стать частью дискуссии, присоединиться к представляющейся более обоснованной теории²⁴³.

С учетом сказанного существует потребность в правовой квалификации криптовалюты, не заостряя внимания на отмеченных нами аспектах. Криптовалюта в ее узком значении понимается в качестве платежного токена²⁴⁴ (токен с правом «на»²⁴⁵), то есть расчетной единицы²⁴⁶, учитываемой на децентрализованной платежной платформе на базе блокчейна²⁴⁷. В широком же смысле²⁴⁸ криптовалюта является токеном²⁴⁹, но не каждый токен является криптовалютой, при этом криптовалюта может использоваться не только как средство расчетов, а токены, наоборот, как средство расчетов²⁵⁰.

²⁴³ См., например: *Янковский Р.М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей Школы Экономики.* 2020. № 4; *Егорова М.А., Белых С.В., Решетникова С.Б.* Правовая природа криптовалюты, частноправовые проблемы регулирования // *Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М.А. Егоровой.* – Москва: Проспект, 2021. С. 1 и далее.

²⁴⁴ Токен (знак) – один из возможных видов данных, отражаемых в блокчейне (распределенном реестре), представляющих собой единицу учета определенного актива. Токены могут символизировать, в частности, имущественное право в отношении эмитента (право требования, право участия) или могут вовсе не отражать наличия какой-либо дополнительной к самим данным ценности (криптовалюта) (*Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // *«Вестник гражданского права»*, 2018, № 2. С. 30-74.).

Токен — это знак, олицетворяющий доказательство существования определенного факта (иногда он рассматривается в качестве синонима монеты или иного законного платежного средства) (*Савельев А.И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // *Закон.* 2018. № 2. С. 36-51 // СПС «Консультант Плюс»).

²⁴⁵ Различают токены с «правом на» и «правом из» и токены с «правом на» (См. подробнее: *Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б.* Указ. соч.).

²⁴⁶ По мнению Новоселовой Л.А. термином «биткойн» обозначают: 1) расчетную единицу, используемую в одноименной расчетной сети; 2) саму одноуровневую (не выстроенную иерархически) платежную сеть, использующую биткойн; 3) одноименный протокол передачи данных. При этом для права биткойн интересен как расчетная единица (второе и третье определения важны для общего понимания (*Новоселова Л.А.* О правовой природе биткойна // *«Хозяйство и право».* 2017. № 9. С. 3-16.).

²⁴⁷ Блокчейн представляет собой электронный децентрализованный реестр, содержащий данные о совершенных транзакциях, каждая из которых заверяется криптографическими подписями участников после достижения ими консенсуса и добавляется в реестр в качестве нового «блока» (block) в цепочку «записей» (chain) (См. подробнее: *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // *«Хозяйство и право»*, 2017, № 12. С. 29-44; *Нам К.В.* Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // *Судья.* 2019. №2. С. 24-27).

Под блокчейном понимается распределенная система данных (децентрализованная база данных, учетная книга), которую можно упрощенно представить как хранящуюся сразу на многих компьютерах таблицу Excel, содержащую определенную информацию. См.: *Федоров Д.В.* Указ. соч. 31-32. Блокчейн оперирует виртуальными единицами, которые принято называть токенами.

Подробнее о становлении технологии блокчейн, которая как полагают авторы является истинным потенциалом биткойна и подлинной инновацией, которая может применяться в качестве замены посредникам во многих секторах экономики, см.: *Primavera De F., Wright. A.* *Op. cit.* P. 13-18, 205.

²⁴⁸ Ряд авторов полагает, что криптовалютой в широком смысле именуют «любые счётные единицы, учитываемые с помощью технологии блокчейн» (См.: *Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б.* Указ. соч.).

²⁴⁹ Блокчейн оперирует виртуальными единицами, которые принято называть токенами.

²⁵⁰ «Причисление токенов к одной категории не исключает возможности их попадания и в другую категорию (гибридные токены). Так, инвестиционные или утилитарные токены также могут быть

Допустимость репрезентации объектов гражданских прав в цифровой форме токена с последующим распоряжением такими цифровыми репрезентациями дает исследователям возможность говорить о «токенизации» гражданско-правовых отношений²⁵¹. Реализация токенизированных объектов порождает массу правовых проблем – токен трансформирует предмет договора по распоряжению объектом, лежащим в его основе, а потому посредством токенизации можно обходить неудобные нормы о порядке заключения отдельных типов договоров, императивные правила об их существенных условиях; ограничения, связанные с порядком уступки прав по соответствующему договору и иными особенностями распоряжения токенизированным объектом. Вместе с тем Д.В. Федоров справедливо говорит о том, что токенизация уже существующих объектов гражданского права, а не создание «с нуля», как в случае с криптовалютой, привносит лишь особый способ учета таких объектов, права на которые могут удостоверяться через наличие символов – токенов²⁵².

В целом, токены таят в себе разный функционал, что не позволяет дать какую-либо однозначную их квалификацию, а потому в широком смысле токены представляют собой способ фиксации определенных имущественных прав²⁵³. Авторами были выработаны различные классификации токенов. Л.А. Новоселова предлагает условно подразделять токены на виды в зависимости от выполняемой ими функции, в этой связи ею выделяются

криптовалютой. В этих случаях токен может быть квалифицирован и как ценная бумага, и как платежное средство» (См.: Федоров Д.В. Указ. соч.).

«Использование токенов в расчетах является не техническим и не юридическим свойством самих токенов, а результатом фактических общественных отношений, складывающихся вокруг них» (Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч.).

²⁵¹ См., например: Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // «Закон». 2018. № 2 // СПС «Консультант Плюс»; Новоселова Л.А. Указ. соч.

²⁵² Федоров Д.В. Указ. соч.

Некоторые авторы предлагают называть собирательный термин для криптовалюты и токенов – «криптоактив», – не раскрывая, к сожалению, его значения (См.: Кузнецов Ю.В. Указ. соч. Автор предлагает следующие определения: токен – вид или экземпляр криптоактива («цифровая монета»), удостоверяющий некие обязательственные или иные права, не сводящиеся к полномочию по передаче самого этого токена другому лицу (токен удостоверяет некие «права из»); криптовалюта – вид криптоактива, экземпляр которого (монета или койн) удостоверяет лишь полномочие владельца передать этот экземпляр другому лицу в обмен на что-то или безвозмездно).

²⁵³ Новоселова Л.А. Указ. соч.

программные, платёжные, кредитные, инвестиционные токены и токены, закрепляющие права на другие объекты²⁵⁴. Немного иную классификацию токенов представил А.И. Савельев (при этом критерием деления так же являлась функциональная характеристика), который считает, что существуют продуктовые, обеспеченные и платёжные токены²⁵⁵. Описание видов токенов можно встретить и в иностранной литературе: так, например, в английской литературе выделяют платёжные²⁵⁶, утилитарные²⁵⁷, инвестиционные²⁵⁸ токены, последние из которых делятся на подкатегории: токены, обеспеченные деньгами (*money-backed tokens*)²⁵⁹; токены, обеспеченные

²⁵⁴ Программные токены дают их обладателю право на действия исключительно внутри компьютерной системы; платёжные – используются для оплаты различных товаров, работ или услуг; кредитные токены применяются для закрепления прав требования возврата денежных средств или родовых вещей; инвестиционные – отражают операции по инвестированию реальных денежных средств или виртуальных валют в какие-либо бизнес-проекты; и, наконец, токены, закрепляющие права на иные объекты, отражают права их владельца на иные объекты прав (например, ценные бумаги, товары и т.д.). См.: Там же. С. 34-35.

²⁵⁵ Продуктовые токены (*utility tokens*) используются для оплаты сервисов или ценностей, предоставляемых онлайн-платформой; обеспеченные токены (*asset-backed tokens*) представляют собой оцифрованные в виде записи в блокчейне права на традиционные объекты гражданских прав (к этой группе также относятся корпоративные токены (*equity tokens*), которыми закрепляются права на получение прибыли или участия онлайн-платформы); платёжные токены (*payment tokens*) выполняют функцию средства платежа (См.: Савельев А.И. Указ. соч.).

Подобной классификации придерживаются и другие исследователи, см. например: Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108 – 118 // СПС «Консультант Плюс»; Лантева А.М. Правовой режим токенов // *Гражданское право*. 2019. №2. С. 29-32 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁶ Предназначены для функционирования в качестве прямых заменителей денег и не имеют никакой другой цели или характеристик. Создаются исключительно реестром. Их «собственник» не имеет никаких прав на что-либо или против третьих лиц, вытекающих из факта «собственности» на токен, – он имеет простое право распорядиться таким образом, чтобы вместо его имени в реестре было введено имя другого лица. Создается правовой парадокс – возможность передачи чего-то, что на первый взгляд не способно быть объектом права собственности. (*Gleeson S. Opt. cit. P. 150-151*).

²⁵⁷ Примеры: *Filecoin*, где инвесторы покупают монеты, а затем «тратят» их на приобретение емкости для хранения данных; гибридные продукты (*Ethereum*), где пользователи могут использовать токены либо в качестве платёжных, либо для приобретения доступа к децентрализованной вычислительной платформе *Ethereum* и платформе смарт-контрактов.

²⁵⁸ Инвестиционные токены – это оборотоспособные токены, которые обещают владельцу доходность, основанную на каком-то базовом активе.

²⁵⁹ Эти токены обеспечиваются фиатной валютой и их стоимость выражена в денежных единицах: 1) Банковские токены, обеспеченные деньгами. Создаются отдельными банками. Каждая расчетная единица, вероятно, может быть представлена соответствующему банку в любое время и заменена на счет, номинированный в фиатных деньгах. Таким образом, банк выпускает *bankcoin*, который можно обменять на деньги на текущем счете по курсу один *bankcoin* за один фунт стерлингов. Основная цель такой системы такого рода – обеспечение принятия таких единиц непосредственно в уплату долгов, тем самым снижение затрат банка на обработку платежей (проводится аналогия с рынком бумажных чеков) (*Ibid. P. 151-152*); 2) Небанковские токены, обеспеченные деньгами – обеспеченные активами цифровые денежные инструменты, учитываемые в системе распределенного реестра, и используемые на глобальных институциональных финансовых рынках. Каждый такой актив – это версия одной из мировых валют (доллар, евро и т.п.). Соответственно, они могут быть конвертированы в соответствующую валюту по номинальной стоимости с помощью банковского депозита. Цель – снижение транзакционных издержек (проводится сравнение с иммобилизацией ценных бумаг) (*Ibid. 152*).

активами (asset-backed tokens)²⁶⁰; и вarrantные токены (warrant tokens)²⁶¹. Обобщая приведённые классификации, можно прийти к выводу, что существует две большие группы токенов, а именно те, которые удостоверяют какие-либо права на уже существующие объекты, а также все остальные. Криптовалюта в узком смысле представляет собой счётные единицы, не удостоверяющие никаких прав к эмитенту или прав на какие-либо объекты гражданских прав. В связи с этим некоторые полагают, что криптовалютой является любой платёжный токен, который используется для оплаты товаров, работ, услуг и иных объектов гражданских прав²⁶². Однако не все согласны с подобной точкой зрения ввиду того, что «с одной стороны, любые единицы, удостоверяющие права, могут стать средством расчетов и представлять интерес безотносительно к предоставляемым ими правам, а с другой стороны, мыслим выпуск обеспеченной криптовалюты, когда владение счетной единицей дает права на минимальное возмещение за счет какого-то фонда (например, посредством безотзывной оферты эмитента)»²⁶³. Д.В. Федоров также отмечает, что причисление токенов к одной категории не исключает возможности их попадания и в другую категорию (гибридные токены): так, инвестиционные или утилитарные токены также могут быть криптовалютой²⁶⁴.

Впрочем, и на законодательном уровне были предприняты попытки урегулировать статус криптовалюты на территории Российской Федерации, а

²⁶⁰ Дают некоторую инвестиционную доходность от определенного имущества, проекта, бизнеса или другого фактора. Держатель такого токена обычно не имеет никакого вещного или иного притязания на базовый актив, но если инвестиции, осуществленные на вырученные от продажи токенов доходы, будут успешными, такие токены в зависимости от условий их приобретения могут обеспечить их держателю получение некоторой выгоды (Ibid. P. 152).

²⁶¹ Аналогичны депозитарным распискам и складским свидетельствам. Могут иметь две формы: 1) те, где расчетная единица относится к индивидуально-определенной вещи; 2) и те, где базовое имущество представляет собой вещи, определенные родовыми признаками (например, когда базовым имуществом является пул акций, каждая отдельная расчетная единица дает владельцу право на некоторое количество акций из этого пула) (Ibid. P. 152-153).

Д.В. Федоров отмечает, что чаще всего иностранные регуляторы и правовая доктрина в контексте ИСО разделяют токены на криптовалюту, утилитарные токены и инвестиционные токены (Федоров Д.В. Указ. соч.).

²⁶² Например, в Швейцарии по платежными токенами (Zahlungs-Token) (криптовалютой) понимаются токены, которые фактически или в соответствии с замыслом организаторов являются платежным средством для приобретения товаров или услуг или средством для денежного перевода или перевода иных ценностей. (пример – биткоины, эфир) (См.: Там же.).

²⁶³ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч.

²⁶⁴ Федоров Д.В. Указ. соч.

именно – дополнить ГК РФ ст. 141.2 «Цифровые деньги». В соответствии с Законопроектом о цифровых деньгах, под цифровыми деньгами предлагалось понимать не удостоверяющую право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданную в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемую пользователями этой системы для осуществления платежей. При этом отмечалось, что подобные цифровые деньги не должны были быть обязательны к приему при осуществлении всех видов платежей, для зачисления на счета, во вклады и для перевода на всей территории Российской Федерации, однако в случаях и на условиях, установленных законом, могли быть использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства²⁶⁵.

В Пояснительной записке к Законопроекту о цифровых деньгах относительно предлагаемых нововведений было отмечено следующее. Во-первых, особый акцент был сделан на том, что законным средством платежа цифровые деньги не являются, они могли бы быть использованы только в случаях и на условиях, установленных законом (то есть в перспективе), *в качестве* платёжного средства. Во-вторых, предполагалось, что цифровые деньги должны представлять собой лишь условные единицы, созданные с помощью вычислительных технологий, не обеспеченные ни золотом, ни иными активами. В-третьих, в отличие от цифровых прав²⁶⁶, при обладании цифровыми деньгами у лица отсутствует возможность что-либо у кого-либо требовать. В-четвёртых, к обороту цифровых денег должны были применяться правила о цифровых правах, из чего следует, что переход таких денег от одного лица к другому мог осуществляться исключительно с помощью записи.

²⁶⁵ Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁶ Подробнее о категории «цифровое право» см.: *Шерстобитов. А.Е.* Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2021. С. 230-240.

Наконец, наряду с иностранной валютой, цифровые деньги могли быть использованы при формулировании валютных оговорок в договорах²⁶⁷.

Приведённые выше положения Законопроекта о цифровых правах были подвергнуты достаточно сильной критике со стороны юридического сообщества²⁶⁸. Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – «Совет»), прежде всего указывалось на то, что Законопроектом о цифровых деньгах цифровые деньги не относились к объектам гражданским прав, однако «если в социуме по воззрениям оборота та или иная субстанция обладает меновой стоимостью и участники гражданского оборота готовы совершать с ней сделки»²⁶⁹, то такая субстанция должна быть причислена к объектам гражданских прав, а именно, цифровые деньги должны были быть признаны иным имуществом в смысле ст. 128 ГК РФ. Из этого следует, что обладатели криптовалюты не осуществляют платежи, как было предусмотрено Законопроектом о цифровых правах, а совершают сделки с иным имуществом. Далее членами Совета ставится под сомнение и тот факт, что на цифровые деньги распространялся режим цифровых прав, поскольку обладателю криптовалюты должно принадлежать абсолютное право на криптовалюту, а цифровые права по своей природе могут быть как абсолютными, так и относительными²⁷⁰.

Несмотря на то, что не только юридическим сообществом, но и членами Совета признавалась необходимость закрепления за криптовалютами определённого официального статуса, а ряд правовых документов оперировал

²⁶⁷ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона №424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁸ См.: *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018, № 5 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁹ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 №175-2/2018) // СПС «Консультант Плюс».

²⁷⁰ Там же.

этим термином²⁷¹, многие судебные инстанции все равно отказывались рассматривать институт в качестве одного из объектов гражданских прав²⁷².

В этой связи в доктрине сложились две диаметрально противоположные точки зрения относительно действительности договоров, направленных на возникновение обязательств по передаче криптовалюты. В соответствии с одной из них существование криптообязательств по российскому праву невозможно, а сделки, направленные на их возникновение, ничтожны (п. 2 ст. 168 ГК). Альтернативная точка зрения, напротив, исходит из того, что сделки, направленные на возникновение обязательств по передаче криптовалюты, действительны, следовательно, такие обязательства законны и могут существовать по российскому праву. Определение статуса криптообязательств напрямую зависит от ответа на вопрос, разрешено ли использование криптовалюты действующим правом.

На сегодняшний день дефиниция криптовалюты (цифровой валюты) содержится в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «ФЗ «О ЦФА»»)²⁷³. Однако пробельность закона и витиеватость формулировок не позволяют однозначно определить сферу его действия. По-прежнему остается открытым вопрос о том, охватывает ли он «традиционную», выпущенную с

²⁷¹ См., например: Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)»; Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р (ред. от 20.06.2020) «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года».

Подробнее об истории возникновения криптовалют и о первоначальных попытках их регулирования см. программную работу: *Primavera De F., Wright. A. Blockchain and the Law: The Rule of Code*, Harvard University Press, 2018. P. 65-68. Конечно, на фоне проведенной упомянутыми авторами работы утверждение о том, что идея создания децентрализованной системы платежей с возможностью анонимного осуществления переводов была озвучена М. Фридманом в 1999 году, выглядит достаточно поверхностным и может создать ложное впечатление у читателя относительно истинных причин появления блокчейна, которые в действительности основаны на закономерных событиях в большей степени связанных с развитием технологий (См.: *Егорова М.А., Белых С.В., Решетникова С.Б.* Указ. соч. С. 7).

²⁷² См. например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.08.2015 по делу №33-8156/2015; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 по делу № 33-3142/2018; Апелляционное определение Самарского областного суда от 15.01.2014 № 33-587/2014.

²⁷³ См. комментарий к этому закону: *Новоселова Л.А.* О запрете использования криптовалют в законе о цифровых финансовых активах // *Хозяйство и право*, 2021. № 3. С. 3-8.

использованием иностранной инфраструктуры криптовалюту (например, биткоин или эфириум). В законе содержится косвенное указание на то, что под цифровой валютой понимается исключительно выпущенная на базе российской инфраструктуры цифровая валюта, регулированию которой и посвящен ФЗ «О ЦФА» (ст. 14 ФЗ «О ЦФА»)²⁷⁴. Исходя из презумпции разумности законодателя, можно сделать вывод о том, что сфера регулирования ФЗ «О ЦФА» ограничивается цифровой валютой, выпущенной на базе российской инфраструктуры, поскольку умолчание об иной криптовалюте является сознательным и предполагается, что таким образом законодатель пытался вывести ее из-под сферы действия ФЗ «О ЦФА».

В силу действия нормы о недопустимости выпуска и обращения цифровых валют, функционирующих на базе иностранной инфраструктуры²⁷⁵, и нормы о недопустимости обращения цифровых валют, функционирующих на базе российской инфраструктуры, возможно сделать вывод о том, что *de lege lata* «иностранная» криптовалюта находится под запретом, равно как и «российская»²⁷⁶. В данном случае речь должна идти о действии публично-правового запрета, пусть и недостаточно четко сформулированного. Сделки, совершенные в нарушении такого запрета, являются ничтожными (п. 2 ст. 168 ГК РФ) и не приводят к возникновению обязательств. Подчеркнем, что речь идет именно о ничтожности, а не оспоримости сделки. С точки зрения политики права, оборот криптовалюты затрагивает, по мнению Банка России, отраженному во многих его документах по данному вопросу, основы денежной кредитной политики в государстве, а значит фундаментальный

²⁷⁴ Кстати сказать, «технологичность» понятия криптовалюты в законе обоснованно критикуется в литературе. См. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. – М.: 4 Принт, 2020 // СПС «Консультант Плюс» (см. раздел «Цифровые права в российском законодательстве»)

²⁷⁵ П. 1 ст. 14 ФЗ «О ЦФА» говорит о выпуске цифровой валюты лишь на базе российской информационной инфраструктуры, что, судя по «ограничительному» смыслу данного регулирования, означает подразумеваемый запрет на оборот своих «иностранных» собратьев (при всей условности деления эмиссии криптовалюты на «российскую» и «зарубежную» с технической точки зрения).

²⁷⁶ П. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА» запрещает оборот «российской» криптовалюты, а потому реконструкция истинной воли законодателя при наличии таких неясных формулировок должна привести нас к мысли, что он вряд ли намеревался относиться «мягче» к «иностранной» криптовалюте.

публичный интерес, то есть именно тот круг отношений, который затрагивается в п. 2 ст. 168 ГК РФ.

В соответствии с п. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА» российские резиденты не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими товары, выполняемые ими работы, оказываемые ими услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). В законе прямо не сказано о том, распространяется ли указанный запрет на предоставление займов, предметом которых является цифровая валюта. Сложно найти рациональное зерно в частичном запрете на использование цифровой валюты. Необъяснимо, почему законодатель разрешает криптовалюту для одной части обязательств, но запрещает ее для другой. Презумпция разумности законодателя подталкивает к тому, чтобы под триадой товары, работы, услуги понимать весь оборот. Следовательно, законодательным запретом охватываются любые обязательства по передаче цифровой валюты²⁷⁷.

К такому же выводу можно прийти, если констатировать пробел регулирования, который должен быть заполнен существующими методами толкования, в первую очередь, правилами об аналогии закона и аналогии права. В отсутствие правового регулирования и общей направленности норм на ограничение сделок с цифровой валютой максима о том, что все разрешено, пока не запрещено, действовать не может. В иностранных правовых порядках регулирование финансовой сферы не может толковаться в пользу расширения свободы участников оборота, поскольку это может сказаться на стабильности

²⁷⁷ В литературе была предпринята попытка более мягкого истолкования пределов запретов, установленных в ст. 14 ФЗ «О ЦФА». См. *Новоселова Л.А.*: Указ. соч.

Мнение автора относительно того, что участники оборота могут использовать любую криптовалюту для исчисления валюты долга, заслуживает поддержки. Вместе с тем, автор также утверждает, что ФЗ «О ЦФА» не содержит специальных санкций, кроме отказа в защите владельцам криптовалюты, поэтому использование криптовалюты в обязательстве не влечет его ничтожности, ведь валюта долга может быть присуждена судом в национальной валюте (см., также: п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»). Однако, полагаем важным учитывать, что стороны данного криптовалютного обязательства явно стремятся не только привязать исчисление долга к запрещенному объекту, но и его передать. Странно было бы по этой логике требовать от суда перерасчет в рубли обязательства по передаче запрещенного к обороту объекта. Между тем, при наличии в ФЗ «О ЦФА» нечетких границ запрета криптовалют данная идея перерасчета имеет право на существование.

всей финансовой системы. Тем самым, норма о запрете оплаты товаров, работ, услуг цифровой валютой должна действовать и в отношении займов, предметом которых является цифровая валюта²⁷⁸.

Между тем, стоит еще раз подчеркнуть, что приведенное выше толкование основано на сугубо догматическом формализме. К примеру, Банк России в своем докладе «Криптовалюты: тренды, риски, меры» явно исходит из того, что определение цифровых валют в ФЗ «О ЦФА» охватывает как известные иностранному обороту криптовалюты, так и отсутствующие на момент написания данного текста цифровые валюты, созданные на базе российской инфраструктуры²⁷⁹. Это свидетельствует как минимум о противоречивости значения термина «цифровая валюта» по смыслу указанного закона, поскольку использование одного и того же понятия в разных значениях в пределах одного текста нельзя признать удачной юридико-технической находкой. Последней, вероятно, следует считать формулировки ФЗ «О ЦФА», согласно которым запрещается выпуск цифровой валюты не на базе российской инфраструктуры, которые по вероятной мысли законодателя касаются лишь «отечественной» криптовалюты.

Недостатки понятия криптовалюты в российском праве особенно ярко проявляются в свете дискуссии о легализации этого средства платежа в международных расчетах. Так, буквально ч. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА» предусматривает запрет для российских резидентов «принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им)

²⁷⁸ Кроме того, возникают сомнения относительно самой конструкции договор займа цифровой валюты, поскольку предметом договора займа в силу его нормативного определения могут быть только деньги, ценные бумаги и вещи, определенные родовыми признаками. Криптовалюта не входит в указанный перечень, в связи с чем договор займа криптовалюты невозможен. Судебная практика по этому вопросу неоднородна. Встречаются судебные акты, в которых заем цифровой валюты признается недействительной сделкой, поскольку «виртуальные средства платежа не могут выступать предметом договора займа. Криптовалюта (биткоин) не являются в рамках положений ст. 140, 141 ГК РФ ни деньгами (валютой), ни валютными ценностями, равно как и вещью» (Решение Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга от 14.07.2021 по делу № 2-2582/2021). Некоторые суды, напротив, признают такие договоры, защищая права займодавцев, в том числе и право на получение процентов по ст. 809 ГК РФ (Решение Преображенского районного суда города Москвы от 25.11.2019 по делу № 2-6378/2019; Решение Зюзинского районного суда города Москвы от 29.05.2020 по делу № 2-1040/2020).

²⁷⁹ См., например, доклад Банка России для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» (раздел «Резюме»): URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf.

товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги». Из смысла данной нормы может быть выведен запрет продажи российскими резидентами объектов гражданских прав за цифровую валюту.

Однако из текста данной нормы отнюдь не обязательно выводится запрет на *покупку* товаров за криптовалюту, ведь норма говорит о невозможности ее *принимать*, но не передавать самому. Данное допущение может быть гипотетически оправдано с точки зрения политики права тем обстоятельством, что в этом случае криптовалюта «покидает» российскую экономику, не создавая угрозу для финансовой стабильности государства²⁸⁰. Тем не менее, сама норма смущает своей формулировкой: она говорит о «передаваемых ими (им) товарах, выполняемых ими (им) работах...», что может означать запрет на использование цифровых валют при расчетах во всех случаях, независимо от того, является ли российский резидент тем, кто *платит* криптовалютой приобретаемый товар, работы или услуги, или же, наоборот, передает нечто в обмен на нее²⁸¹.

Что же до применения описываемой нормы в международных расчетах, то тут возможны разные варианты толкования. С одной стороны, можно подумать, что законодатель специально отделил в тексте слово «принимать» от «передавать» (исключив из текста последнее), имея в виду расчет на то, что она вообще не будет применяться в отношениях с иностранным контрагентом: ведь в случае сделки между российскими резидентами один из участников правоотношения неминуемо будет не иметь возможности *принять* криптовалюту в оплату.

Более того, политико-правовые ограничения оборота криптовалюты выглядят сходными с ограничениями, налагаемыми на иностранную валюту²⁸².

²⁸⁰ Правда, в этом случае стоит задуматься каким образом для расчета с иностранным визави российский резидент получит доступ к достаточной сумме криптовалюты, которую он не может получить в обмен на свои товары. Однако этот вопрос не входит в предмет настоящей диссертации.

²⁸¹ К слову сказать, Банк России в указанном выше докладе также исходит из широкой интерпретации данного запрета.

²⁸² Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» устанавливает, что его целью также является «обеспечение устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка РФ», что идентично целям регулирования, содержащимся в ФЗ

Соответственно, можно принять подход, аналогичный ст. 6 и 9 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», согласно которым валютные операции между резидентами и нерезидентами производятся без ограничений, а между резидентами по общему правилу запрещены. Признавая спорность возможности применения аналогии в данном случае, результатом оной могло бы быть ограничение действия ч. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА» только сделками между российскими резидентами.

С другой же стороны, наличие иностранного элемента (фигуры иностранного контрагента) может быть расценено как вовсе не имеющее значения для ч. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА», так как указанная норма является нормой непосредственного применения (сверхимперативной нормой с точки зрения ст. 1192 ГК), направленной на обеспечение публичного интереса - стабильности финансовой системы страны. Соответственно запрет на расчеты в криптовалюте должен применяться независимо от того, какое право будет применимо к сделке.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что формулировки законодательства о цифровых валютах могут трактоваться различными способами, а потому вряд ли могут выступить в качестве безусловного источника информации о природе данного правового явления. Однако, если при телеологическом толковании данных норм опираться на изложенную в упоминавшемся докладе о криптовалютах позицию Банка России как регулятора финансового рынка и инициатора соответствующего законопроекта, то стоит остановиться на наиболее жесткой их интерпретации. Соответственно и понятие цифровой валюты в названном законе должно охватывать в равной степени как традиционные криптовалюты, так и криптовалюты, которые возможно в будущем будут эмитированы

«О ЦФА», так как они, по крайней мере, понимаются Банком России. См.: доклад Банка России для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» (раздел «Резюме»): URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf.

российскими резидентами, тем более что само по себе, в отрыве от других статей закона, это определение соответствует сложившемуся абстрактному представлению о криптовалютах вообще.

Как бы то ни было, в настоящем исследовании мы говорим о криптовалюте в ее узком значении – как средстве расчетов.

§ 2. Криптовалюта с точки зрения теорий денег

Само понятие криптовалюты и роль соответствующих объектов в обороте уже при первом приближении наводят на вопрос о том, является ли криптовалюта деньгами, поэтому мы рассмотрим его в первую очередь. В российской литературе отмечается, что с экономической точки зрения криптовалюта практически не отличима от денег²⁸³: если под деньгами понимать определённый вид имущества, который может использоваться и фактически применяется в обороте в качестве средства обращения и средства платежа, и который принимается всеми участниками оборота в уплату за товары и в погашение долгов, то в таком контексте криптовалюты могут быть признаны деньгами. Однако данные утверждения весьма поверхностны – относится ли тот или иной объект к деньгам зависит от того, что под ними понимается, то есть от того, какой теории денег придерживаться, а также в зависимости от того, выполняет ли данный объект соответствующие функции денег²⁸⁴.

Как было указано выше, литературный дискурс при определении понятия денег зависит от того, сводятся ли деньги к общепринятому средству обращения, которое зачастую (но не обязательно) имеет статус законного

²⁸³ *Егорова М.А.* Биткоин как особый вид криптовалюты: понятие, значение и перспективы правового регулирования в предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6. С. 83-89 // СПС «Консультант Плюс».

См. также: *Савельев А.И.* Указ. соч.

²⁸⁴ *Vandezande N.* Virtual Currencies: A Legal Framework // Intersentia. 2018. P. 138 etc.

средства платежа²⁸⁵, обладающего покупательной способностью, или же они рассматриваются как актив, который можно легко «обменять» на денежные средства (cash) – различного рода денежные требования (например, банковский вклад)²⁸⁶. Из этого следует, что теоретически деньги можно рассматривать в узком смысле, приравнивая их к законному средству платежа (классическая государственная теория денег), и в широком смысле, который придается деньгам более поздними теориями, допускающими бóльшую гибкость и абстракцию в определении понятия денег, которое перестает быть связанным исключительно с государством.

Очевидно, что криптовалюта не является деньгами и в понимании упомянутой ранее и признанной в России государственной теории, рассматривающей деньги как акт государственной власти (ни в ее интерпретации Г.Ф. Кнаппа (определяющий фактор – прием государством в качестве оплаты)²⁸⁷, ни в интерпретации Ф.А. Манном (определяющий фактор – признание государством чего-то в качестве законного средства платежа²⁸⁸))²⁸⁹, поскольку криптовалюта не является законным средством платежа по российскому законодательству, где таковым²⁹⁰ нормативно

²⁸⁵ В самом общем виде законное средство платежа возможно определить как то, что обязательно к приему по номинальной стоимости во всех денежных обязательствах. Тем не менее, из этого правила существуют исключения, обусловленные действием принципа свободы договора и добросовестности.

²⁸⁶ Согласно определению ЕТК США деньги – это средство обращения, которое в настоящее время разрешено или утверждено отечественным или иностранным государством (также применимо к единицам, эмитированным международными организациями – например, евро) (Ibid. P. 139).

²⁸⁷ Данная теория базируется на трех главных принципах: 1) выбор средств платежа – это свободный акт государственной власти; 2) деноминация средств платежа в соответствии с новыми единицами измерения – это свободный акт государственной власти; 3) определение новых единиц также является свободным актом государственной власти (Ibid. P. 143-144).

²⁸⁸ Это послужило основой для переосмысления теории Манна в последующие годы (Ibid. P. 146).

²⁸⁹ М.М. Агарков, в свою очередь, выделял оба этих признака денег: во-первых, деньги являются средствами погашения обязательств, и, во-вторых, они представляют собой законное платежное средство, то есть они являются обязательными к приему кредитором в отношении денежного долга (Агарков М.М. Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции (педагогическое наследие): В 3 кн.: Учеб. пособ. для бакалавриата и магистратуры. Кн. 1. М.: Юрайт, 2018. С. 232 - 233, 283).

²⁹⁰ Согласно ст. 29 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации.

О соотношении ст. 29 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ст. 140 Гражданского кодекса РФ и ст. 75 Конституции РФ, а также о подходах к определению понятия законного платежного средства см.: Баикатов М.Л. Доγμαтическая конструкция законного средства платежа / Вестник гражданского права. 2006. № 2 // СПС «Консультант Плюс».

признается средство платежа, номинированное в рублях, являющийся официальной денежной единицей России (п. 1 ст. 140 ГК РФ)²⁹¹.

Вышеизложенное доказывает и невозможность признания биткоина иностранной валютой по российскому праву²⁹² – до тех пор, пока государство не признает за криптовалютой статуса законного средства платежа, таковая не может именоваться деньгами.

Такого же мнения придерживается немецкое²⁹³ и французское право²⁹⁴, а в литературе утверждается, что на сегодняшний момент ни один из правопорядков не признал криптовалюту законным платежным средством и ни разу не принял ее в качестве оплаты²⁹⁵. Вместе с тем, в доктрине Австрии

²⁹¹ Так и Л.А. Новоселова приходит к выводу о том, что биткоин не является законным платежным средством, поскольку он не эмитируется государством, не наделен свойствами законного средства платежа и не является предметом денежного обязательства: 1) нельзя принудить к исполнению в Биткоинах; 2) Биткоины не подлежат принятию в счет публичных платежей; 3) их стоимость зависит исключительно от спроса и предложения и государством не поддерживается и не обеспечивается (*Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3-16.*)

²⁹² Биткоин не эмитируется ни одним из иностранных государств, а участники расчетов и владельцы биткойнов могут находиться в различных юрисдикциях (См.: Там же.).

²⁹³ Немецкая доктрина единогласно отвергает правовую квалификацию криптовалюты в качестве денег в узком смысле, хотя в самом ГГУ нет законодательного определения денег. Доктрина и судебная практика понимают деньги в узком смысле как платежное средство, которое в силу законодательного установления является обязательным к приему для погашения денежных обязательств. Аналогичное определение применяется и к иностранным деньгам (иностранной валюте) (См.: *Engelhardt C., Klein S. Bitcoins – Geschäfte mit Geld, das keines ist: Technische Grundlagen und zivilrechtliche Betrachtung // MMR. 2014. S. 356.*). Криптовалюта может не приниматься в качестве исполнения обязательства и не является законным платежным средством, а значит, и деньгами (См.: *Ibid. S. 356; Kaulartz M. Die Blockchain-Technologie. Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains // CR. 2016. S. 477; Sorge C., Krohn-Grimberghe A. Bitcoin: Eine erste Einordnung // DuD. 2012. S. 479-484.*). Кроме того, квалификации криптовалюты в качестве денег в узком смысле препятствует и то, что она не является движимой вещью (См.: *Spindler G., Bille M. Opt. cit. S. 1360.*)

²⁹⁴ Во Франции объектом денежных обязательств являются деньги (*monnaie*) в широком смысле. Деньги в узком смысле – это законное платежное средство, обязательное к приему на территории всей Франции, то есть евро (См.: *Terre F., Simler P., Lequette Y., Chenede F. Droit civil. Les obligations, 2019. P. 1532-1534.*) К деньгам в широком смысле помимо законного платежного средства относятся электронные деньги и валюта иностранных государств. В силу ст. L111-1 Валютно-финансового кодекса Франции единственным законным платёжным средством является евро. Отмечается, что криптоактивы не могут юридически быть признаны валютой, в том числе иностранной, поскольку имеют негосударственное происхождение (См.: *Vauplane H. de. L'analyse juridique du bitcoin // URL: <https://www.aef.asso.fr/publications/rapport-moral-sur-l-argent-dans-le-monde/rapport-moral-2014/1-146-analyse-juridique-du-bitcoin>.*)

²⁹⁵ См.: *Spindler G., Bille M. Rechtsprobleme von Bitcoins als virtuelle Währung // WM. 2014. S. 1361; Vandezande N. Opt. cit. P. 157.*

Кстати, одним из последствий признания криптовалюты в качестве законного средства платежа в иностранном государстве называется ее возможная квалификация как валютной ценности по российскому законодательству без необходимости каких-либо изменений в нем. Так, по текущему законодательству виды имущества, признаваемого валютными ценностями, определяются законом (ст. 141 ГК РФ), где установлено, что валютная ценность (в частности) – иностранная валюта – банкноты и монеты, являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства/ средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах (пп. 5 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном

и Германии отмечается, что способность криптовалюты выполнять функцию средства платежа и относительность понятия денег в законодательных нормах могут привести к тому, что часть норм о деньгах или денежных обязательствах будет применяться и к криптовалюте, не признавая за последней статус денег в юридическом смысле²⁹⁶.

Следовательно, с точки зрения государственной теории денег, криптовалюта не может быть отнесена к деньгам.

Есть и альтернативная, однако довольно маргинальная, точка зрения, согласно которой существование денег без поддержки государства возможно. Так, кредитная теория денег, основоположником которой является А.М. Иннес, исходит из того, что под единицей денег понимается произвольное обозначение, по которому товары измеряются неким активом (*credit*), и которое служит таким образом более или менее точной мерой стоимости всех товаров²⁹⁷. Согласно кредитной теории частные деньги (альтернативные валюты) предшествуют публичным, и таким образом могут быть признаны деньгами в их подлинном смысле²⁹⁸.

Ряд российских цивилистов в продолжение этой идеи, соглашаясь с аргументацией против признания криптовалюты деньгами, предлагают рассматривать её в качестве частных денег²⁹⁹. Так, А.И. Савельев, основываясь на трудах Ф. Хайека и Л.А. Лунца, утверждает, что криптовалюта является деньгам с экономической точки зрения, поскольку в экономической теории нет единого мнения о деньгах, а сущность денег выводится из их функций: мера стоимости, средство обращения, средство сохранения стоимости³⁰⁰. С

регулировании и валютном контроле») (Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // «Закон». 2017. №8 // СПС «Консультант Плюс»).

²⁹⁶ См. например: *Pesch P.J.* Cryptocoin-Schulden. Verlag CH Beck, 2017. S. 71; *Bamford C.* Principles of international financial law. Oxford University Press, 2011. P. 13.

²⁹⁷ Денежная монета, следовательно, согласно этой теории, может быть определена как не более чем обязательство обеспечить этот актив посредством налогообложения или иным образом для выкупа монеты, и тем самым предоставить возможность ее владельцу получить стоимость своих денег (Ibid. P. 143).

²⁹⁸ Ibid. P. 149.

²⁹⁹ *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. №5. С. 3 – 6 // СПС «Консультант Плюс».

³⁰⁰ Савельев А.И. Указ. соч.

Эти аргументы воспроизводятся в работе: *Цинделиани И.А.* Частно-правовой аспект цифровых финансовых активов // Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты:

позиции сторонников этой идеи криптовалюты (виртуальные валюты) выполняют денежные функции, и прежде всего функцию средства платежа³⁰¹, а поскольку выпуск криптовалют не привязан к территории конкретной страны, и они не имеют наличной формы, «норма российского законодательства о государственной монополии на эмиссию наличных рублей не нарушается»³⁰². Л.А. Новоселова также утверждает, что помимо законных средств платежа в обороте существуют виды имущества, фактически используемые в качестве денег как средства обращения и средства платежа, которые при этом могут не иметь силы законного платежного средства (например, иностранная валюта) и, напротив, вещи или иное имущество, признанные законным средством платежа, могут отвергаться оборотом³⁰³. Так или иначе законное платежное средство всегда рассматривается государством как надлежащий и окончательный предмет исполнения по денежному обязательству. Поэтому биткоин, не будучи законным средством платежа по приведенным ранее причинам является частными деньгами, в пользу чего приводятся следующие аргументы: 1) биткоин эмитируется частными лицами; 2) биткоины используются для платежей по воле участников расчетов, которая воля выражается при присоединении к системе и открытии «биткоин-кошелька»³⁰⁴.

монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2021. С. 43 и далее.

³⁰¹ *Егорова М.А., Ефимова Л.Г.* Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 130 – 140 // СПС «Консультант Плюс».

³⁰² *Ефимова Л.Г.* Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // *Юрист*. 2019. №3. С. 12 – 19 // СПС «Консультант Плюс».

При этом автор соглашается, что криптовалюту нельзя признавать обычными деньгами, потому что у неё отсутствует статус законного средства платежа.

³⁰³ «В ряде случаев передача иного имущества (не признаваемого законным платежным средством) по закону или по соглашению сторон приравнивается с точки зрения результата (окончательный расчет) к передаче законного платежного средства. Так, перечисление безналичных денежных средств, передача «электронных денег» приравниваются по правовому результату к передаче наличных денежных средств, но с некоторыми исключениями.» (*Новоселова Л.А.* Указ. соч.).

³⁰⁴ *Новоселова Л.А.* Указ. соч. Сходной же точки зрения придерживается и Л.Г. Ефимова в одной из своих последних работ. Примечательно, что признание криптовалюты частными деньгами не мешает ей признать обязательства по их передаче денежными, так как, по ее мнению, частные деньги вполне пригодны для того, чтобы быть объектом таких относительных правоотношений. См.: *Ефимова Л.Г.* Денежные обязательства и финансовые сделки. – М.: Проспект, 2023 С.37-38. С этим выводом невозможно согласиться, так как режим денежных обязательств может быть распространен лишь на деньги в юридическом смысле. Если же что-то на деньги в юридическом смысле похоже, но ими не является (равно как не является денежным суррогатом), объектом денежного обязательства это что-то может быть только как результат аналогии.

Против этого подхода можно возразить, что на уровне гражданского права частных денег в принципе нет, поскольку если стороны договариваются об использовании в качестве встречного предоставления частные или «договорные деньги», то есть объекты, которые именно для данных сторон имеют значение денег (в экономическом смысле), то подобное условие лишь преобразует их соглашение в договор мены³⁰⁵. При этом, «если стороны договариваются о том, что предоставление «договорных денег» возможно вместо официальных денег, то это альтернативное или факультативное обязательство, как сейчас модно говорить, с «мерцающей каузой» в зависимости от выбранного управомоченной стороной встречного предоставления»³⁰⁶. Можно и вовсе заключить, что с того момента как стороны договорились использовать частные деньги взамен официально признанных, обязательство, которое должно быть исполнено, должно перестать быть денежным.

В литературе можно встретить аргумент о том, что частные деньги обычно обращаются в рамках ограниченного географического региона или служат в узко определенных целях, и, что самое главное, к настоящему времени еще не становились широко принимаемым в качестве оплаты средством обращения. Собственно этот факт и усложняет какую-либо их квалификацию в качестве денег ни в экономическом, ни, тем более, в юридическом смысле. В результате, как считается в литературе, для достижения режима денег таким активам обычно требуется определенный уровень государственной поддержки³⁰⁷. Сказанное таким образом справедливо для криптовалют – как продукт частного договора, они не могут быть признаны деньгами в любом смысле этого слова³⁰⁸.

³⁰⁵ Если же такие «частные деньги» номинируются в российской денежной единице, то они и вовсе должны подпадать под запрет денежных суррогатов.

³⁰⁶ Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Указ. соч.

³⁰⁷ *Vandezande N. Opt. cit. P. 151.*

³⁰⁸ *Ibid. P. 157.*

По причине нечеткости выработанных подходов к формулированию правовой дефиниции денег³⁰⁹ общественная (социологическая) теория также не позволяет признать криптовалюту деньгами³¹⁰. Вместе с тем в противовес этому утверждению приводится точка зрения относительно его спорности – можно возразить, что криптовалюта, как и некоторые виртуальные валюты как более общая категория, выйдя в определенный момент времени за пределы своей оригинальной области применения³¹¹ и став приниматься в качестве средства платежа, вряд ли может быть названа общепринятым платежным средством, а ее использование до сих пор является в лучшем случае непостоянным явлением («fringe phenomenon»³¹²). С другой стороны, существуют виртуальные валюты, которые специально не направлены на то, чтобы стать принятыми обществом деньгами (например, некоторые игровые валюты³¹³). Учитывая изложенное, можно сказать, что было бы преждевременно провозглашать виртуальные валюты, в частности криптовалюты, деньгами в понимании общественной теории³¹⁴.

³⁰⁹ Ibid. P. 150-151.

³¹⁰ В немецкой литературе также полагают, что криптовалюты могла бы рассматриваться в качестве денег с позиций общественной теории, в соответствии с которой деньги возникают в силу признания их оборотом, а не государством (См.: Федоров Д.В. Указ. соч.).

³¹¹ Некоторые виды виртуальных валют могут быть приняты в качестве средства оплаты, по крайней мере в их конкретной области применения, а зачастую даже и выходя за пределы этой области. Хотя, например, некоторые программы лояльности вышли за пределы своей оригинальной области применения, они вряд ли могут быть рассмотрены в качестве общепринятого средства платежа (См.: Vandezande N. *Opt. cit.* P. 157-158.).

³¹² Ibid. P. 157; аналогичные аргументы в немецкой литературе: Spindler G., Bille M. *Opt. cit.* S. 1361; Omlor S. *Kryptowährungen im Geldrecht // ZHR 2019, 294. S. 318-322.*

³¹³ В последнее время в Европе стали появляться так называемые альтернативные валюты (местные или дополнительные валюты, согласно выражениям, используемым АСРР – *Autorité de contrôle prudentiel et de résolution*). Во Франции самым известным примером является «Abeilles» в Вильнев-сюр-Лот, «Lucioles» и «Mesure». Эти местные обменные системы (LETS) направлены на создание прочных связей в регионе, позволяя предпринимателям и их клиентам расплачиваться монетами или банкнотами местного чекана. Отмечается вместе с тем, что эта «валюта» не является валютой в юридическом смысле, поскольку она не выпускается центральным банком и не является законным платежным средством в регионе, в котором она используется. Обращающиеся монеты и банкноты являются лишь зеркальным отражением средств, полученных или депонированных в банке или группе финансовых учреждений, которые согласны играть в эту «игру». Альтернативная валюта напоминает деньги из Монополии. Она принимается сообществом, но основана на национальной валюте. Криптовалюта не может быть признана альтернативной валютой, поскольку не предполагает депонирования денежных средств в финансовых учреждениях, и территория ее применения не ограничена определенным регионом (Perrin A. *Le bitcoin et le droit: problématiques de qualification, enjeux de régulation // URL: <https://www.village-justice.com/articles/bitcoin-droit-proble%C3%8C%C2%81matiques-qualification-enjeux-re%C3%8C%C2%81gulation-par-amaury,28856.html>*).

³¹⁴ Vandezande N. *Opt. cit.* P. 158. Стоит терминологически подчеркнуть, что криптовалюты, обращающиеся на основе технологии распределенного реестра, принято считать лишь одной из

Институциональная теория денег предлагает ограниченный взгляд на деньги, оценивая вовлеченность институциональных органов в денежную политику. Фокус институционального подхода направлен на центральные банки, чья политика определяет ценность и стабильность эмитируемых ими денег, и которые влияют на правовую основу, в рамках которой осуществляют свою деятельность коммерческие банки³¹⁵. Иными словами, хотя государство и остается важным игроком в этом вопросе, оно не является единственным источником компетенции в определении того, что относится к деньгам³¹⁶.

Таким образом, криптовалюта не может быть признана деньгами согласно рассмотренной теории по крайней мере до тех пор, пока основной орган по денежной политике государства не отнесет ее к деньгам и не будет участвовать в ее эмиссии³¹⁷, как это происходит, например, в отношении так называемых криптовалют центральных банков (Central bank digital currency, CBDC). Например, с октября 2020 года Банк России начал обсуждать возможность введения цифрового рубля, представив для общественных консультаций соответствующий доклад³¹⁸. В пользу самостоятельного в

разновидностей валют виртуальных. К последним, в частности, относят также так называемые «электронные деньги» и их аналоги. См.: там же.

³¹⁵ «Теоретически широкое распространение цифровых валют на основе блокчейнов может привести к снижению влияния центральных банков на денежно-кредитную политику. В большинстве, если не во всех странах, с рыночной экономикой центральные банки несут ответственность за увеличение или уменьшение денежной базы страны для регулирования инфляции и стимулирования экономического роста. Но если децентрализованные цифровые валюты, такие как Биткойн, получают широкое распространение, центральный банк может потерять способность влиять на экономику страны, регулируя общую денежную массу, потому что условия выпуска этих цифровых валют predeterminedены и продиктованы исключительно кодом.» (Primavera De F., Wright. A. Op. cit. P. 70 etc.).

³¹⁶ Данная теория подвергается критике на том основании, что она является не столько теорией денег, сколько теорией денежной системы.

³¹⁷ В настоящее время, например, основной орган ЕС по денежной политике – Европейский Центральный Банк (ЕЦБ) – не относит виртуальные валюты к деньгам, и не участвует в регулировании ее эмиссии. Следовательно, виртуальные валюты согласно данной теории применительно к ЕС нельзя назвать деньгами.

³¹⁸ Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e4014c9a7947816217cac1>; Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. М., 2020 // URL: http://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf.

Цифровой рубль планирует стать законным платежным средством, выпускаемым Банком России в цифровой форме дополнительно к существующим формам денег. В настоящий момент реализация проекта проходит этап создания прототипа платформы цифрового рубля. В 2022 году планировалось осуществить тестирование прототипа платформы, разработать дорожную карту и создать правовую базу для внедрения цифрового рубля (Официальный сайт Банка России. // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>).

Аналогичные инициативы выдвигаются и в иностранных правовых порядках. Так, 14 июля 2021 года ЕЦБ анонсировал запуск пилотного проекта цифрового евро. Последующие два года будут посвящены решению

сравнении с криптовалютой статуса цифрового евро выдвигаются следующие аргументы: 1) в отличие от автономного характера криптовалюты цифровое евро поддерживается Европейским центральным банком; 2) цифровое евро предоставляет прямой доступ к безрисковым деньгам Центрального банка (risk-free Central Bank money), в то время как криптовалюта является волатильным активом, создающим высокие риски для пользователей; 3) цифровое евро в сравнении с функционирующей исключительно в цифровом виде криптовалютой содержит в себе потенциал для функционального автономного использования (functional offline use); 4) цифровое евро будет существовать на основе традиционной базы данных ЕЦБ или авторизованных систем децентрализованного реестра (decentralised ledger technology); 5) в отличие от анонимного характера криптотранзакций обладатели цифрового евро будут известны ЕЦБ или его посредникам³¹⁹. Данные аргументы могут рассматриваться как универсальные. Соответственно, цифровые валюты центральных банков, пусть и обращающиеся в рамках распределенного реестра, не могут рассматриваться в качестве традиционных криптовалют.

Дополненная Ч. Проктором государственная теория денег Манна, признающая существование помимо денег – законного средства платежа также и денег в более широком их понимании, в ключевых своих аспектах также не применима к криптовалютам³²⁰. Отсутствие возможности признания за криптовалютами статуса денег согласно рассматриваемой теории

ключевых вопросов, связанных с созданием и распространением цифровой валюты, которая станет дополнением наличным деньгам.

Разработкой национальной цифровой валюты занимается и Китай. Банк Китая в середине июля 2021 года опубликовал отчет о «Прогрессе исследований и разработок e-CNY в Китае», в котором подвел промежуточные итоги перспектив и опыта внедрения цифровой валюты (Progress of Research & Development of E-CNY in China. // URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf>).³¹⁹ Report on a digital euro, 2020. p. 50-51// URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf.

³²⁰ Так, по мнению Проктора деньги должны 1) выражаться в названии и нарицательной стоимости счетных единиц, которые признаются государством в качестве законного средства платежа; 2) служат общепризнанной мерой стоимости и средством обращения в государстве; 3) должны быть частью правовой основы, которая включает институциональные органы – такие как центральные банки – которые регулируют денежную политику и осуществляют надзор за платежными системами. При этом Ч. Проктор не указывает на необходимость связи со страной происхождения валюты: банкнота американского доллара – законное средство платежа на территории США – может таким образом быть принята в качестве денег в ЕС, даже если она не является там законным средством платежа.

заключается в следующем. Во-первых, данная теория требует, чтобы деньги были выражены в счетных единицах, относящихся к законному средству платежа, в то время как криптовалюты имеют свои собственные уникальные счетные единицы (такие как биткоин). Однако даже если допустить, что криптовалюта была бы выражена в единицах законных средств платежа (как, например, криптовалюта USDT), есть второй элемент: теория Ч. Проктора предполагает, что деньги должны служить общепринятой мерой стоимости и средством обращения³²¹, что, как было показано, не соблюдается в отношении криптовалют. Наконец, в отношении криптовалют не соблюдается и необходимость существования правовых и институциональных основ, которые регулировали бы их выпуск и обеспечивали надзор³²². В отношении ряда виртуальных валют в той или иной степени соблюдаются эти ключевые требования, но нет ни одной виртуальной валюты, которая бы соответствовала всем из них. Следовательно, согласно государственной теории денег в любой ее форме криптовалюты не являются деньгами в юридическом смысле.

Итак, большинство рассмотренных теорий допускают в той или иной степени вмешательство государства в определение того, что является деньгами. Если рассматривать деньги в юридическом смысле широко, и относить к ним также, например, денежные средства, хранящиеся на банковском счете³²³, очевидно, что их широкое использование обусловлено наличием гарантии обмена банком баланса счета на то же количество единиц законного средства платежа. Государство, в свою очередь, регулирует банки с целью гарантировать их платежеспособность, и таким образом способность банков конвертировать средства на счетах в законные средства платежа³²⁴. В

³²¹ *Vandezande N. Opt. cit. P. 158.*

³²² *Ibid. P. 158-159.*

³²³ Хотя, конечно, в российской литературе справедливо указывается на то, что в действительности объектом договора банковского счета является право требования клиента к банку (*Суханов Е.А.* Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // *Хозяйство и право.* 1996. №7. С. 21-22; *Гасников К.Д.* Условное депонирование движимого имущества как способ обеспечения исполнения обязательств // *Вестник арбитражной практики.* 2019. № 3. С. 60 – 70).

³²⁴ «Деньги укореняются на вере в то, что выпускающая их государственная власть (самостоятельно или посредством регулирования иных лиц) будет отвечать по обязательствам, которые она создала посредством эмиссии» (*Vandezande N. Opt. cit. P. 159.*)

этой связи, хотя и ведутся размышления относительно признания частных денег деньгами в широком смысле (в интерпретации общественной теории), невозможно отрицать, что они все же крайне ограничены в принятии их в оплату долгов. Это поднимает заведомо проигрышный вопрос о том, могут ли виртуальные валюты юридически служить в качестве денег без какой-либо формы государственного вмешательства. Очевидно, что в отношении криптовалют даже если частное лицо может решить принять оплату в биткоинах, отсутствуют правовые основы, обязывающие это лицо к совершению соответствующих действий, равно как и отсутствует какая-либо гарантия того, что такое лицо сможет где-либо расходовать этот биткоин. К тому же, добавим, обращение такого объекта будет происходить без применения принципа номинализма. Может ли валюта таким образом в самом деле рассматриваться в качестве денег, если ее принятие зависит исключительно от воли того, кому такая валюта предлагается в качестве оплаты?

Теперь рассмотрим вопрос о том, выполняет ли криптовалюта экономические функции денег³²⁵. Постановка вопроса именно таким образом обоснована в связи с тем, что до сих пор некоторые авторы придерживаются точки зрения, что объект, признаваемый деньгами с позиции экономической теории, должен признаваться объектом денежного обязательства³²⁶. Здесь важно отметить, что существуют объекты, которые не признаются деньгами, но выполняют ряд их функций³²⁷.

Сегодня практически не оспаривается тот факт, что криптовалюты выполняют функцию средства обращения (*medium of exchange*, *Tauschmittel*)³²⁸, в некоторых случаях это послужило критерием для

³²⁵ Об аргументах в пользу выполнения криптовалютой функций денег см.: *Vandezande N.* Opt. cit. P. 152; *Perrin A.* Opt. cit.

³²⁶ См., например, *Ефимова Л.Г.* Денежные обязательства и финансовые сделки. С. 20 и след.

³²⁷ Так, стоимость всех благ в экономике может быть выражена в любых единицах, например, в килограммах поваренной соли или сигаретах в тюрьмах, отчего ни те, ни другие не станут деньгами. (См.: *Pesch P.J.* Opt. cit. S. 96).

³²⁸ См., например: *Новоселова Л.А.* Указ. соч. О функции средства обращения см.: *Vandezande N.* Opt. cit. P. 154-155.

возможности их регулирования³²⁹, а в правовой литературе появились сторонники необходимости легализации расчетов в биткоинах³³⁰. Во многом это основывается на том, что в некоторых сферах стали использоваться обозначения цены в определенных криптовалютах. Выражение в биткоинах цена товара (услуг) на некоторых электронных ресурсах³³¹ также послужило аргументом в пользу выполнения криптовалютой биткоин функции меры стоимости³³². Тот факт, что криптовалюта может быть ассоциирована у оборота с определенной расчетной единицей³³³ дало почву для утверждения о том, что криптовалюта выполняет функцию расчетной единицы (unit of account, Recheneinheiten) и средства сбережения (store of value, Wertaufbewahrungsmittel).

Вместе с тем против выполнения криптовалютами функций денег могут быть выдвинуты следующие аргументы:

исследования показывают, что обладатели криптовалют рассматривают их скорее в качестве спекулятивного инструмента для инвестиций, а не для целей использования в качестве платежного средства³³⁴;

если исключить сомнительные с точки зрения правовой поддержки определённые операции (например, незаконные сделки, азартные игры), которые могут составлять более половины всех операций с криптовалютой,

³²⁹ В части общего согласия с наличием такого свойства у криптовалют см.: *Pesch P.J.* Opt. cit. S. 81; *Vandezande N.* Opt. cit. P. 160. В части подходов регуляторов см., например: FATF Report: Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. June 2014; FinCEN. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies; позиция органа финансового надзора Германии (Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht; далее – «BaFin»), признавшего криптовалюты как расчетную единицу (Rechnungseinheit) (см.: *Федоров Д.В.* Указ. соч.). При этом немецкое право не признает криптовалюту средством безналичного расчета, потому что безналичные расчеты предполагают наличие права требования в отношении кредитного института. В случае криптовалюты ее обладатель не имеет подобных прав (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 356; *Kaulartz M.* Opt. cit. S. 477.).

³³⁰ См.: *Новоселова Л.А.* Указ. соч.

Грибанов А. при этом полагает, что однозначная легализация биткойна, устранение законодателем всяких сомнений относительно законности его использования в обороте, сопровождающиеся принятием необходимых регуляторных мер, - вопрос в большей степени экономической, чем юридической. См.: *Грибанов А.* О правовой природе биткойна 09.10.2017 // URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/09/o_pravovoj_prirode_bitkojna).

³³¹ *Новоселова Л.А.* Указ. соч.

³³² О функции меры стоимости см.: *Vandezande N.* Opt. cit. P. 155-156.

³³³ См.: Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht. Bitcoins: Aufsichtliche Bewertung und Risiken für Nutzer. 19.12.2013 / URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/2014/fa_bj_1401_bitcoins.html

³³⁴ *Pesch P.J.* Opt. cit. S. 84-85.

можно прийти к выводу, что поиск контрагента, который согласится рассчитаться в криптовалюте, примерно равен поиску контрагента для заключения договора мены³³⁵;

в мире существуют прецеденты, которые категорически отвергают идею о том, что криптовалюта может функционировать в качестве средства расчетов³³⁶;

криптовалюта не обладает свойством выполнения функций расчетной единицы, поскольку она является индивидуализированным объектом³³⁷, в то время как функция расчетной единицы предполагает полную тождественность и однородность денежных единиц³³⁸;

функция средства обращения предполагает, что при дальнейшем обмене актива не возникнет высоких транзакционных издержек, но в случае с биткоином это условие выполняется частично ввиду его невысокой сравнительно с фиатными деньгами распространенности;

криптовалюта крайне волатильна³³⁹, поэтому ее ценность в основном оценивается в сравнении с более широко принятыми мерами стоимости³⁴⁰, что, помимо прочего, дает большинству специалистов основание утверждать, что функция средства накопления не выполняется криптовалютами³⁴¹; кроме того у виртуальных валют присутствует такой дополнительный нюанс, как

³³⁵ Ibid. S. 85-86.

³³⁶ Например, Голландский Государственный Банк выступает за ограничение круга возможных ситуаций, где могла бы приниматься виртуальная валюта (*Heller D. Do Digital Currencies Pose a Threat to Sovereign Currencies and Central Banks? / RPE Policy Brief. 2017. P. 17-13, 8*).

³³⁷ Каждая единица криптовалюты обладает индивидуализирующими параметрами – любое действие с криптовалютой представляет собой набор данных, которые бесповоротно записываются в информационные блоки. Следовательно, каждая «криптомонета» является по сути индивидуально-определенной единицей.

³³⁸ Ценность денег состоит исключительно в их количестве, что означает, что одинаковое число двух групп денежных знаков (десять рублей одними монетами и десять рублей другими монетами) должно быть взаимозаменяемым (См.: *Pesch P.J. Opt. cit. S. 83; Скловский К.И., Костко В.С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. №7. С. 115-143*).

³³⁹ Ср. со стейблкоинами: *Новоселова Л.А., Медведева Т.М. О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право, 2021, № 6 // СПС «Консультант Плюс».*

³⁴⁰ *Vandezande N. P. 160.* Так, Л.А. Новоселова отмечает, что нельзя считать криптовалюту выполняющей в полной мере функцию меры стоимости по следующим причинам: во-первых, ее курс неконтролируем; во-вторых, цены товаров по российскому законодательству должны выражаться в рублях; в-третьих, степень признания криптовалюты в обществе мерой стоимости высокая, но не всеобщая (*Новоселова Л.А. Указ. соч.*).

³⁴¹ См., например: *Новоселова Л.А. Указ. соч.; Федоров Д.В. Указ. соч. О функции средства накопления см.: Vandezande N. Opt. cit. P. 156.*

возможность установления в их отношении запланированной девальвации или срока сохранения их ценности (*expiration date imposed on it's value*), что является существенным ограничением по их использованию в качестве средства накопления.

Контрагументом против волатильности криптовалюты выступает то, что и законные средства платежа далеко не всегда стабильны, следовательно, одного лишь факта нестабильности криптовалют еще недостаточно, чтобы, например, полностью отрицать выполнения криптовалютами функции меры стоимости. Более того, практика показывает, что биткоин становится стандартной мерой стоимости для криптовалют, так как ценность иных криптовалют зачастую измеряется в биткоинах, а виртуальные валюты закрытых систем (*closed sheme*), полностью выполняют данную функцию, так как они служат в качестве основной меры стоимости в рамках их собственной виртуальной сферы³⁴².

Однако даже там, где аргументы о волатильности преодолеваются историческими примерами обвала курса государственных денег по отношению к друг другу, ответ на вопрос о том, выполняет ли криптовалюта функцию расчетной единицы, остается отрицательным, поскольку отсутствует возможность обеспечивать определенный предсказуемый курс криптовалют силами государств³⁴³.

Таким образом, проведенный анализ доказал невозможность квалифицировать криптовалюты в качестве денег с точки зрения выполняемых ими функций.

Вместе с тем, помимо классического понятия денег, возможность квалификации криптовалюты в качестве которого была только что нами рассмотрена, в российском законодательстве существует и еще одна рассматриваемая в контексте денежных обязательств категория, с которой сравнивается криптовалюта. Так, в ряде ранних судебных постановлений

³⁴² *Vandezande N.* Opt. cit. P. 162.

³⁴³ *Pesch P.J.* Opt. cit. S. 82; *Федоров Д.В.* Указ. соч.

криптовалюта была приравнена к электронным денежным средствам³⁴⁴ (п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»).

Согласно законодательному определению³⁴⁵ для признания какого-либо объекта электронным денежным средством, он должен обладать следующими признаками: во-первых, в его основе должны быть денежные средства, во-вторых, указанные денежные средства должны быть предоставлены одним лицом другому, в-третьих, цель такого предоставления состоит в исполнении обязательств владельца денежных средств перед иными лицами, в-четвертых, такие денежные средства учитываются без открытия банковского счёта, и, наконец, распоряжение ими осуществляется исключительно с использованием электронных средств платежа³⁴⁶.

Безусловно, возможно обнаружить определённые сходства между криптовалютами и электронными денежными средствами. Оборот как электронных денежных средств, так и криптовалют может осуществляться исключительно с помощью электронных средств платежа (при определенной условности данного термина, так как он предполагает использование форм безналичных расчетов) или иных компьютерных технологий. Кроме того, их объединяет дистанционный характер расчётов, а также форма проявления в физическом мире – запись в электронной форме, защищённая системой паролей и кодов³⁴⁷. Некоторые исследователи полагают, что обе эти категории являются безналичными денежными средствами³⁴⁸.

³⁴⁴ См., например: Определение Арбитражного суда Вологодской области от 15 августа 2016 г. по делу № А13-15648/2015; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 июня 2018 г. № 33а-12820/2018 по делу № 2-10119/2016; Определение Арбитражного суда Московской области от 19.12.2016 по делу № А41-94274/15; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2018 № 08АП-14834/2018 по делу № А70-7488/2018.

³⁴⁵ П. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Ср.: ст. 2 Директивы 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза.

³⁴⁶ О конструкции так называемых «электронных денег» см.: *Баикатов М.Л.* Правовая природа «электронных денег» // *Хозяйство и право.* 2003 №8

³⁴⁷ *Абрамова Е.Н.* К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // *Конкурентное право.* 2019. №3. С. 18–22 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁸ Объясняется данное положение тем, что исходя из норм ГК РФ наличные деньги являются вещами и их режим определён положениями о вещном праве, в то время как все остальные нематериальные объекты, которые выполняют денежную функцию, относятся к безналичным (См.: *Новоселова Л.А.* Указ. соч.).

Тем не менее, в доктрине Австрии и Германии полагают, что криптовалюты не могут быть признаны безналичными денежными средствами, так как обладатель криптовалюты не имеет прав требования в отношении кредитного института³⁴⁹. Существует и ряд важных отличий, касающихся, прежде всего, правовой природы электронных денежных средств и криптовалюты. Обращаясь к приведенным выше признакам электронных денежных средств, можно проследить, что криптовалюта отвечает лишь четвертому из них, а именно, она учитывается без открытия банковского счёта, однако все остальные характеристики электронных денежных средств криптовалюте не присущи. Так, в случае с последней, отсутствуют сами по себе денежные средства; криптовалюта может возникать не только посредством её покупки, а также майнинга³⁵⁰; к тому же, для передачи криптовалюты от одного лица к другому не нужны посредники³⁵¹.

В Германии и Австрии также полагают, что криптовалюту нельзя признать электронными деньгами по следующим причинам. Во-первых, законодательное определение электронных денег предполагает, что их обладатель имеет право требования к эмитенту, которое отсутствует у обладателя криптовалюты³⁵². Во-вторых, наличие криптовалютных бирж,

³⁴⁹ Логика обоснования данной точки зрения следующая. Владелец банковского счета обладает правом требования к банку в размере дебетового остатка, который так или иначе всегда формируется с привязкой к объемам эмиссии регуляторов монетарной политики. Криптовалюты же, будучи представленными в виде остатка на кошельке пользователя, не имеют контрагента-эмитента в силу их децентрализованной природы: их выпуск происходит не со стороны органов государственной власти, а балансы в распределенных реестрах не управляются централизованно – никто не обязан обменивать криптовалюты на «обычные», фиатные деньги. По этим же причинам нельзя считать контрагентами тех лиц, чьи транзакции образовали собой завершенный блок записей (См., например: *Küttik-Markendorf M.E. Rechtliche Einordnung von Internetwährungen im deutschen Rechtssystem am Beispiel von Bitcoin.* Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2016. S. 8; *Pesch P.J. Opt. cit. S. 73*).

³⁵⁰ Майнинг (от англ. mining – добыча) – это оплачиваемый технологический процесс, осуществляемый децентрализованно с использованием компьютерной техники по выработке новых блоков и сочетаний цифр, т.е. создание новых единиц криптовалюты (См.: *Лагутин И.Б., Сусликов В.Н. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) // Финансовое право. 2018. №1. С. 25-29 // СПС «Консультант Плюс»).*

³⁵¹ *Савельев А.И. Указ. соч.*

Другими авторами отмечается, что криптовалюта не является электронным денежным средством, поскольку она имеет иной механизм возникновения, её выпуск осуществляется через децентрализованную эмиссию, отсутствуют территориальные границы для перевода криптовалют, а также невозможна отмена транзакции (см.: *Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с. // СПС «Консультант Плюс»).*

³⁵² См.: *Djazayeri A. Die virtuelle Währung Bitcoin – Zivilrechtliche Fragestellungen und internationale*

осуществляющих обмен криптовалюты, в том числе на фиатные деньги, не меняет сути: на них также не лежит обязанности по обмену. В-третьих, в случае с биткоинами также не выполняется критерий предоставления эмитентом электронных денег взамен денежной суммы, под которой понимаются деньги в узком смысле как законное платежное средство. В-четвертых, биткоины впервые приобретаются посредством майнинга, а не встречного предоставления эмитенту. Наконец, в-пятых, понятие электронных денег не охватывает созданные частным образом единицы стоимости, не имеющие связи с законным средством платежа³⁵³.

Во Франции во многих публикациях криптовалюту обозначают как «виртуальные деньги» («monnaie virtuelle»)³⁵⁴.

По французскому праву криптовалюта также не является электронными деньгами³⁵⁵. Так, основным в определении электронных денег является то, что они представляют из себя требование к эмитенту и существуют в электронной форме (ст. L315-1 Валютно-финансового кодекса³⁵⁶). Безусловно, можно говорить об электронной форме «бытия» криптовалюты, однако в силу того, что никакого права требования к эмитенту она не представляет, криптовалюта не может быть признана электронными денежным средством³⁵⁷.

В основе электронных денег находится относительное правоотношение, а потому расчеты с их использованием сохраняют все риски, связанные с безналичными расчетами. Более того, в основе концепции электронных денег находится необходимое понятие «возможности погашения» (redeemability),

regulatorische Behandlung // jurisPR-BKR 6/2014 Anm. 1; Kaulartz M. Opt. cit. S. 477.

³⁵³ См.: Spindler G., Bille M. Opt. cit. S. 1361; Pesch P.J. Opt. cit. P. 74-75; Vandezande N. Opt. cit. P. 222; Федоров Д.В. Указ. соч.

³⁵⁴ Perrin A. Opt. cit.

³⁵⁵ Любопытно, однако, что во Франции во многих публикациях криптовалюту обозначают как «виртуальные деньги» (monnaie virtuelle) (Perrin A. Opt. cit.). Причём этот термин широко используется, в том числе, публичными органами. Например, в 2013 г. Европейский центральный банк подготовил довольно подробное исследование по виртуальной валюте. Однако сам термин виртуальные деньги во французском национальном праве не имеет юридического содержания.

³⁵⁶ Электронные деньги были предметом регулирования двух европейских директив. Впервые определение было дано в Директиве 2000 г., однако впоследствии оно было признано слишком ограничительным и было дополнено в 2009 г. Директивы были имплементированы во французское законодательство.

³⁵⁷ Vauplane H. de. Opt. cit.

подразумевающее возможность их обладателя потребовать выплаты стоимости электронных денег в законном средстве платежа. Как видно, криптовалюта не содержит возможности подобной конвертации.

Таким образом, в силу сказанного криптовалюту нельзя отнести к категории электронных денежных средств.

В этой связи стоит сказать несколько слов относительно соотношения криптовалюты с цифровым рублем. В докладе Банка России отмечается, что цифровой рубль станет «третьей формой российской национальной валюты и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями»³⁵⁸.

В отличие от материального характера наличных денежных средства, которые в силу ст. 128 ГК РФ признаются вещами, цифровой рубль не предполагает наличие материального носителя денежной стоимости, представляя из себя совокупность электронных данных. По сути, исходя из содержания докладов ЦБ РФ, речь должна идти о замене бумажного носителя наличных денег на электронные данные и появлении в перспективе новой формы наличных денег. Речь именно о форме наличных денег, которые призваны менять владельца исключительно в форме традиции, когда риск неплатежа связан только с фигурой должника по денежному обязательству, а не третьих лиц-банков (как при безналичных расчетах).

Сравнение цифрового рубля по его первоначальной концепции с традиционными безналичными и электронными денежными средствами демонстрирует, что, в то время как последние являются обязательствами банков и иных частных субъектов, эмитентом цифрового рубля и обязанным в отношении обладателей «электронных кошельков» лицом станет Банк России. ЦБ РФ в данном случае должен был заменить обычный коммерческий банк, что должно было привести к снижению транзакционных издержек при совершении платежных операций в связи с отсутствием дополнительных посредников и необходимостью уплаты им комиссии за обслуживание счета.

Вступление в правоотношения непосредственно с Банком России, по мнению регулятора, также призвано было защитить обладателей цифрового рубля от риска неплатежеспособности коммерческих банков, который имманентно присущ совершению операций с традиционными безналичными денежными средствами. Как представляется, однако, упомянутые выше правоотношения не должны были в оригинале носить гражданско-правового характера, аналогичного обязательствам кредитных организаций в отношении безналичных денег. Они скорее представлялись идентичными декларируемой ответственности ЦБ РФ за стабильность денежной системы государства. Тем не менее, в контексте упомянутой в п. 3 ст. 1 ФЗ «О ЦФА» в определении цифровой валюты обязанности «оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска ... электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» это правоотношение можно попытаться интерпретировать как обязательство по оказанию особых технических услуг.

В итоге, согласно концепции Банка России цифровой рубль нельзя было признать цифровой валютой по смыслу ФЗ «О ЦФА», лишь поскольку в силу ч. 3 ст. 1 этого закона конститутивным элементом последней является отсутствие воплощения денежной единицы России, остальные же признаки цифровой валюты (читай – криптовалюты по российскому праву) тут соблюдались³⁵⁹.

Как видно, позже Банк России изменил свою концепцию цифрового рубля, который, согласно двум законопроектам о его введении, представляет собой не разновидность «технологичных» наличных денежных средств (как было в начале), а вид безналичных денег и уже поэтому его нельзя сравнивать

³⁵⁹ Сравнение с зарубежными правовыми порядками также демонстрирует принципиальную разницу между криптовалютой и эмитируемой центральными банками цифровой валютой. Так, ЕЦБ также считает, что цифровое евро не является криптоактивом в смысле своей природы, так как относительное правоотношение тут отсутствует (Report on a digital euro, 2020. p. 50-51// URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf).

с криптовалютой в собственном смысле слова³⁶⁰. Не вдаваясь глубоко в обсуждение обоснованности данного подхода, следует отметить, что в отличие от классических безналичных денег цифровой рубль явно не содержит денежного требования пользователя к оператору платформы цифрового рубля (ЦБ РФ), чье обязательство по обеспечению сохранности цифрового рубля (так было в первоначальном тексте законопроекта) все-таки ближе к упомянутому выше бремени технического обеспечения работоспособности платформы как в случае с классическими цифровыми валютами по российскому праву. Собственно, именно эта обязанность оператора платформы цифрового рубля и закреплена в итоге в законодательстве³⁶¹.

В этой связи не совсем ясно, что от режима безналичных денежных средств будет воспринято режимом цифрового рубля³⁶². Так, цивилистическая догматика безналичных расчетов имеет в основе денежное требование клиента банка к кредитной организации, что как раз и отличает криптовалюту от

³⁶⁰ <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240009?index=1> (дата обращения 28.07.2023) В текстах законов о внесении изменений в ГК РФ и другие акты РФ прямо указывается в ст.128 на цифровые рубли как разновидность безналичных денежных средств, а сам одна из первоначальных версий законопроекта о цифровом рубле планировала указать в законе о цифровых финансовых активах на то, что цифровой рубль вовсе не является цифровой валютой (см. статью 10 Законопроекта) – см. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения - 28.07.2013).

³⁶¹ См. п.4.2 статьи 4 ФЗ от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в редакции Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который говорит о том, что Банк России «организует и обеспечивает функционирование» платформы цифрового рубля (использован текст из СПС «Консультант Плюс»). По сути то же самое говорится теперь в п.11 ст.30.7 ФЗ от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» в редакции упомянутого выше закона: согласно данной норме Банк России обязан обеспечить открытие и ведение счетов цифрового рубля, обеспечить доступ к платформе цифрового рубля пользователям и участникам платформы, учет и хранение информации об остатках цифровых рублей, а также бесперебойность функционирования платформы (см. текст в СПС «Консультант Плюс»).

³⁶² Как видно из новелл статьи 30.8 ФЗ от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», посвященной договору счета цифрового рубля, обязанности оператора платформы цифрового рубля сводятся к зачислению на этот счет цифровых рублей, списыванию их и выполнению распоряжений пользователей об их перечислении. При том, что текстуально этот перечень полномочий фактически идентичен обязанностям банка по договору банковского счета, весь остальной «функционал» должника-банка по договору банковского счета не соотносится с нормативным закреплением позиции оператора платформы цифрового рубля: правила об условиях и пределах ответственности оператора платформы в законе отсутствуют, а схожие нормы ГК РФ применяются к счету цифрового рубля в субсидиарном порядке, после закона о платежной системе, который в этом вопросе сохраняет интригу. См. п.7 статьи 845 ГК РФ в редакции Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (использован текст из СПС «Консультант Плюс»).

безналичных денег³⁶³. Природа этого требования объясняет, почему ответственность банка перед клиентом «привязывается» к размеру ключевой ставки Банка России (ст. 395, 856 ГК РФ), равно как и потенциальную возможность начисления на безналичные деньги процентов годовых (ст. 852 ГК), а также зачет денежных требований банка и клиента (ст. 853 ГК РФ). При отсутствии денежного требования в цифровом рубле, применение большинства гражданско-правовых норм о безналичных деньгах к цифровому рублю выглядит малообоснованным с точки зрения рисков, которые эти нормы традиционно предотвращают в гражданском праве. Ведь коль скоро цифровой рубль призван передаваться через систему распределенного реестра, судя по формулировкам законопроекта, сценарий применения упомянутых выше норм к отношениям оператора платформы цифрового рубля и его пользователя просто невозможен, несмотря на декларированную ответственность Банка России за «сохранность» таких активов. В итоге, цифровой рубль выглядит как разновидность безналичных денежных средств, большинство положений о которых к нему не применяются³⁶⁴.

Итак, возвращаясь к классическим криптовалютам, в целом проведенный нами краткий анализ показал, что по крайней мере пока криптовалюты не выполняют всех функций денег и далеко не все теории денег позволяют отнести виртуальные валюты к деньгам. Очевидная связь криптовалют с деньгами и отсутствие возможности признать их таковыми в условиях всеобщего настороженного отношения к ним большинства правопорядков³⁶⁵

³⁶³ Kütük M.E. Sorge C. Bitcoin im deutschen Vollstreckungsrecht - Von der „Tulpenmanie“ zur „Bitcoinmanie“ // MMR 2014, 643. S. 644.

³⁶⁴ Напрашивается аналогия: при вызове такси через приложение агрегатора «Яндекс Такси», почему-то ни у кого не вызывает сомнения что перевозчиком является конкретный перевозчик, принявший через данную платформу заказ, а не агрегатор, ни разработчик программного обеспечения, которое положено в основу приложения на смартфоне и т.д. Однако законы о цифровом рубле упорно стараются найти относительное правоотношение между пользователем и оператором платформы цифрового рубля, которое если и есть, то, с теоретической точки зрения, такое же как в цифровых валютах по ФЗ «О ЦФА», а не в безналичных денежных средствах.

³⁶⁵ В 2013 г. Банк Франции вместе с иными правительственными организациями (например, l'Autorité de contrôle prudentiel et de résolution, l'Autorité des marchés financiers) высказывал своё настороженное отношение к новому финансовому инструменту, отказываясь от введения тотального запрета на его использование (Les dangers liés au développement des monnaies virtuelles: l'exemple du bitcoin / Banque de France. Focus. № 10. 5 décembre 2013 // URL: https://publications.banque-france.fr/sites/default/files/medias/documents/focus-10_2013-12-05_fr.pdf). В отчете 2018 г. Банк Франции

по крайней мере на первых этапах побудили компетентные органы, суды и доктрину признать криптовалюты денежным суррогатом или во всяком случае рассмотреть данный вопрос.

Так, например, в недавнем циркуляре Народного банка Китая утверждается, что «в последнее время активизировалась деятельность по торговле виртуальной валютой, нарушающая экономический и финансовый порядок, порождающая незаконную и преступную деятельность, такую как азартные игры, мошенничество, финансовые пирамиды и отмывание денег, создающая угрозу безопасности и собственности населения». В преамбуле сказано, что запрет на использование криптовалюты объясняется «целями дальнейшего предотвращения и устранения рисков спекулятивных операций с виртуальной валютой и эффективного поддержания национальной безопасности и социальной стабильности». В акте мегарегулятора прямо не сказано, что криптовалюта является денежным суррогатом, однако отмечается, что она «не является законным платежным средством и не должна и не может

высказался о том, что криптовалюта не выполняет (или выполняет лишь частично) функции денег, не является законным платежным средством или средством платежа, а также подробно остановился на рисках цифровой валюты – на ее высокой волатильности, рисках спекуляции, отсутствии гарантированной возможности конвертации криптовалюты в фиатные деньги, опасности финансовых потерь для инвесторов, использовании в качестве средства финансирования терроризма и отмывания денег и т. д. (Ibid.). Тем не менее, в целом настороженное отношение Банка Франции к криптовалюте не привело к ужесточению режима ее использования и ее объявлению вне закона, а напротив, в 2019 г. появилось регулирование криптоактивов. Несмотря на это, Председатель Банка Франции высказался за жесткое нормативное регулирование, направленное на воспрепятствование широкому использованию криптовалюты, с целью защиты законного платежного средства (Prêt à tout pour arrêter bitcoin? Panique à la banque de franceurl / Rémy R. 02 juillet 2021 // URL: <https://journalducoin.com/actualites/arreter-bitcoin-panique-banque-de-france/>).

Министерство финансов США в лице Агентства по борьбе с финансовыми преступлениями в 2013 и 2019 г. указало, что виртуальная валюта, которая имеет эквивалентную стоимость в реальной валюте либо выступает в качестве ее заменителя (так называемая, конвертируемая цифровая валюта) является субституттом законного платежного средства. Вероятно, отнесение виртуальной валюты к заменителям денег связано с тем, что она является «средством обмена, которое может функционировать как валюта (Fincen Guidance: Application of FinCEN's Regulations to Certain Business Models Involving Convertible Virtual Currencies. May 9, 2019. FIN-2019-G001 // URL: <https://www.coinfirm.com/wp-content/uploads/2021/01/FinCEN-CVC-Guidance-FINAL.pdf> . P. 7.). Однако из того факта, что криптовалюта является денежным субституттом, не следует, что ее использование находится вне закона, речь лишь идет о возложении на лиц, предоставляющих услуги по переводу денег («money transmitters»), определенных обязательств, связанных с получением лицензии и выполнением иных публично-правовых требований.

По итогам разъяснений FinCEN был возбужден ряд дел за отмывание денег и ведение деятельности по переводу денег без лицензии в нарушении раздела 1960. Похожие обвинения предъявлялись в 2014 г. по факту использования криптовалюты для приобретения наркотиков (обвиняемые ссылались на то, что криптовалюта не относится к деньгам, однако суд не принял их доводы) (Stephen T. Middlebrook and Sarah Jane Hughes. Substitutes for Legal Tender: Lessons from History for the Regulation of Virtual Currencies. P. 20–23 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2605847>).

использоваться в качестве валюты на рынке». Деятельность, связанная с использованием и обращением виртуальной валюты, является незаконной финансовой деятельностью и влечет уголовную ответственность, установленную законом, недействительными также объявляются сделки, предметом которых выступает виртуальная валюта³⁶⁶.

Возвращаясь к российской доктрине, Л.А. Новоселова полагает, что биткоин (разновидность криптовалюты) с точки зрения публичного регулирования является денежным суррогатом (заменителем легальных денег, законных платежных средств), что, в первую очередь, требует разрешения вопроса о возможности его легального использования для расчетов на территории России, учитывая положения законодательства о недопустимости использования денежных суррогатов³⁶⁷.

Как уже было показано ранее, из производного характера денежного суррогата по отношению к любым денежным единицам следует, что запрет на выпуск денежных суррогатов не может распространяться на то, что в них не выражено³⁶⁸. А.И. Савельев также полагает некорректным квалифицировать криптовалюту в качестве денежного суррогата в частноправовых отношениях и приводит следующие, иные, аргументы в защиту своей позиции³⁶⁹. Во-первых, денежный суррогат – это объект, выполняющий все или часть функций денег (он ведет речь об экономических функциях), но понятие денег и их функций весьма спорное и неопределенное. Во-вторых, понятие

³⁶⁶Notice on Further Preventing and Disposing of the Risk of Hype in Virtual Currency Trading 24.09.2021.

Следует отметить, что это не первое сообщение Банк Китая, в котором он высказывал свое негативное отношение к криптовалюте. Ранее в 2013 и 2017 гг. Банк Китая публиковал похожие циркуляры, которые позволяют отследить, как менялось отношение мегарегулятора к цифровой валюте. Если ранее запрет Банка Китая распространялся на проведение ICO, а также на участие финансовых организаций и платформ в деятельности по обмену и торговле виртуальной валютой, то в настоящее время речь, судя по всему, идет о тотальном запрете на использование криптовалюты в обороте (Global Legal Insights – Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2019. First Edition // URL: https://www.acc.com/sites/default/files/resources/vl/membersonly/Article/1489775_1.pdf P. 262-264.).

³⁶⁷ Новоселова Л.А. Указ. соч.

³⁶⁸ Такое толкование можно вывести из ст. 27 ФЗ «О ЦБ РФ», которая использует термины «денежная единица» и «денежный суррогат» в одном ряду. Строго говоря, так как эта норма говорит лишь о запрете на выпуск денежных суррогатов, можно помыслить и такое ее толкование, что не будет препятствовать собственно их обращению. Между тем, мы отдаем себе отчет в том, что подобное толкование является слишком романтизированным. Законодатель вряд ли стал бы запрещать выпуск суррогатов, если бы хотел допустить их обращение, далеко не менее вредоносное явление для экономики.

³⁶⁹ Савельев А.И. Указ. соч. С ним солидарен и Грибанов А. (Грибанов А. Указ. соч.).

денежного суррогата имеет правовое значение только в сфере публичного права, т.к. в гражданском праве стороны сами определяют встречные предоставления по договору³⁷⁰. В-третьих, криптовалюта не может являться денежным суррогатом, т.к. она используется в гражданско-правовых договорах – криптовалюта может использоваться в качестве встречного предоставления по договору, если стороны об этом прямо договорились, в том числе посредством заключения договора новации³⁷¹. Сделанный исследователем вывод может быть частично поддержан, за исключением важного аспекта. Во-первых, возможность выступления в качестве встречного предоставления не должна нарушать императивные требования закона. Таковым, как будет указано далее, может считаться запрет на прием цифровых валют в качестве встречного предоставления в ч. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА», а потому и «договориться» о встречном предоставлении стороны не смогут. Во-вторых, нельзя согласиться с позицией об исключительно публично-правовом значении конструкции денежного суррогата. Как было указано ранее, сделка с денежным суррогатом должна признаваться ничтожной, а это классическое гражданско-правовое последствие.

При этом существует точка зрения, согласно которой криптовалюты могут быть отнесены к денежным суррогатам только в том случае, если у них появится устойчивый курс к официальной валюте, однако при рассмотрении принципа номинализма было установлено, что данный аргумент может быть подвергнут критике на том основании, что устойчивость курса валюты является весьма неопределенным критерием – исторический анализ доказывает, что все существующие валюты так или иначе подвергались значительным колебаниям. Как видится, в случае если речь будет идти о принудительном курсе к официальной валюте, который элиминирует возможность использования криптовалюты по иной ценности, то тогда она

³⁷⁰ См. также: Новоселова Л.А. «Цифровые деньги» в системе объектов гражданского права // Проблемы современного гражданского права : сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2021. С. 217 и далее.

³⁷¹ Постановление Шестого ААС от 01.04.2016 по делу № 06АП-552/2016. Стоит однако

будет отвечать признакам денежного суррогата. В этой связи уместно упомянуть, что так называемые стейблкоины, криптовалюты с привязкой ценности к курсу какой-либо официальной валюты, денежными суррогатами станут в том случае, когда их обращение или же прием будут привязаны исключительно к номинальному курсу соответствующей валюты: как видно, например, участникам оборота не возбраняется приобрести криптовалюту USDT, привязанную к доллару США, по курсу ниже номинала.

Таким образом, криптовалюта не может быть в настоящее время отнесена к категории денежных суррогатов ни с точки зрения формально-логических, ни экономических аргументов, тем более, если она номинирована в иностранной валюте, валютных ценностях или имеет собственную ценность (см. § 2 главы 1 настоящего исследования).

Определенный интерес вызывает также вопрос о том, может ли принцип номинализма, на первый взгляд действующий лишь в отношении денег (или по крайней мере обсуждаемый в научной литературе преимущественно в контексте денежных обязательств) быть применен по аналогии к криптовалютам.

В судебной практике Англии отсутствуют дела, в которых суды подтверждали бы действие принципа номинализма в криптообязательствах.

Э. Авгоулеас и У. Блэйр, прогнозируя распространение английскими судами принципа номинализма на обязательства по передаче криптовалюты, выражают в этой связи определенную долю сожаления: «Сложно себе представить, как стороны согласятся использовать в своих контрактах в качестве нового способа оплаты инструмент, который подвержен серьезному риску обесценения, с полным осознанием того, что английские суды не осуществят никакую переоценку»³⁷².

С. Глисон в свою очередь высказывает сомнения относительно разумности самой постановки вопроса о применении принципа номинализма

³⁷² *Avgouleas E., Blair W.* The concept of money in the 4th industrial revolution – a legal and economic analysis. // *Singapore Journal of Legal Studies (Sing JLS)*, vol. 2020, no. 1, pp. 4-34. P. 26.

к криптовалюте. Как было упомянуто ранее, автор смотрит на принцип номинализма под несколько иным углом. Так, принцип номинализма понимается ученым как часть *lex monetae*, который позволяет государству определять, каким образом валюта, выпущенная им, будет измеряться (внутренний аспект), а также налагать ограничения на операции с ней (внешний аспект)³⁷³. Поскольку криптовалюта не имеет необходимой степени связи с государством, она находится вне *lex monetae*, а следовательно, и принципа номинализма³⁷⁴.

Любопытно, что польский исследователь А. Гольдишевич уже применительно к польскому праву приходит к выводу о том, что принцип номинализма в порядке аналогии закона может быть применен к криптообязательствам³⁷⁵. Автор признает, что криптовалюта не является деньгами *stricto sensu*, однако в практике оборота она действует аналогично деньгам. В судебной практике польских судов биткоин иногда относят к категории частных денег, выделяемых наряду с национальной и иностранной валютами. Автор приводит позитивистский аргумент о том, что в силу принципа свободы договора (п. 2 ст. 385.1 ГК Польши), сумма платежа может определяться в соответствии с неденежной мерой стоимости. При этом А. Гольдишевич говорит о принципе номинализма лишь в отношении обязательств, в которых криптовалюта является валютой долга.

Канадский исследователь А. Коннат также поддерживает идею о том, что принцип номинализма может найти свое применение в отношении обязательств по передаче криптовалюты³⁷⁶. В обоснование своей позиции исследователь ссылается на рассмотренное Судом города Квебек дело *Forget c. Joly* (1995), в котором суд распространил принципы исполнения денежных обязательств на платежи частными деньгами TROC, используемыми членами

³⁷³ Gleeson S. Opt. cit. P. 171.

³⁷⁴ Ibid.

³⁷⁵ Goldiszewicz A. Bitcoin versus money: civil-law analysis of the concept // *Ius novum*. Vol. 13, № 3, 2019. P. 202.

³⁷⁶ Connat A. Les enjeux juridiques liés à l'usage de la cryptomonnaie: Bitcoin, une opportunité d'affaire pour les entrepreneurs québécois? P. 22.

Коммерческого экономического общества TROC Canada Inc. Несмотря на то, что в указанном деле речь не шла о криптовалюте, по мнению А. Коннат, данная правовая позиция в порядке аналогии может быть распространена и на криптообязательства. Помимо традиционных аргументов о сходстве функций денег и криптовалюты, *a fortiori* – это единственный аргумент автора – раз уж к частным деньгам применяются нормы о денежных обязательствах, то к криптовалюте они должны применяться и подавно.

Прецедент Gilbert and Brett 1604 г. показал, что принцип номинализма в своей сущности сводится к следующей презумпции: волеизъявление сторон денежного обязательства толкуется ограничительно – считается, что стороны договариваются об определенном и неизменном количестве денежного предоставления, обладающего объективным и внешним относительно правоотношений сторон качеством законного средства платежа, которое может быть изменено актом государственной власти. Иными словами, игнорируется субъективная оценка ценности предоставления стороной спора (и объективная покупательная способность с точки зрения оборота). При этом ранее была приведена разделяемая нами точка зрения о том, что принцип номинализма вполне может применяться и при следовании общественной теории денег, что уже при первом приближении позволяет утверждать, что рассматриваемый принцип может применяться к криптовалютам, если, конечно, допустить их квалификацию в качестве денег в соответствии с данной теорией, что, как было показано ранее, является спорным.

Проведенный ранее анализ принципа номинализма, используемого судами как один из инструментов балансирования в целях повышения общей привлекательности юрисдикции, дает все основания утверждать, что он может быть применен к криптовалютам, поскольку сам он является произрастающим из правила *pacta sunt servanda* нормативным закреплением стабилизации договоренностей сторон. При этом как одно из возможных диспозитивных решений для толкования волеизъявления сторон номиналистический принцип вполне может быть проигнорирован судом, которому иное решение о дате или

вообще о самой возможности конвертации криптовалюты может показаться более или менее справедливым в том или ином конкретном деле, или же стороны криптовалютного обязательства могут решить использовать имеющиеся гражданско-правовые механизмы, направленные на сохранение той платежной силы, которую они имели в виду, заключая договор, то есть отступить от действия принципа номинализма.

Итак, криптовалюту невозможно без каких-либо оговорок квалифицировать ни в качестве денег, ни в качестве денежного суррогата, не исключая при этом вероятности по аналогии распространить принцип номинализма на обязательства по уплате криптовалюты. Теперь мы рассмотрим иные возможные правовые квалификации криптовалюты.

§ 3. Криптовалюта и иные объекты гражданских прав

От правовой квалификации криптовалюты зависит решение множества вопросов, в числе которых, в частности, следующие: во-первых, правовая природа соглашений, которые могут использоваться для регулирования правоотношений по поводу криптовалют, а также правовые нормы, применимые к подобному роду договоров, во-вторых, проблемы выбора соответствующего режима налогообложения для сделок, совершаемых в отношении криптовалют, в-третьих, судьба криптовалюты, при конфискации таковой государством или при инициировании процедуры банкротства³⁷⁷ и многие другие³⁷⁸.

Однако, прежде чем обсуждать названные вопросы в начале мы все же остановимся на существующих сегодня в российской доктрине взглядах относительно возможной квалификации криптовалюты в качестве объекта

³⁷⁷ Савельев А.И. Указ. соч.

³⁷⁸ Дать подходящую квалификацию позволяет решение следующих вопросов: как объект может быть передан, какие средства правовой защиты имеются в случае его незаконного присвоения, и как будут решаться иные вопросы, связанные с этим объектом (*Gleeson S. Opt. cit. P. 163-164.*).

гражданского права³⁷⁹. Как известно, в доктрине сложилось два основных подхода к определению объекта гражданского права: монистическая, которая сводится к тому, что объектом обязательства является вещь, объект материального мира, с точки зрения одних авторов³⁸⁰ («вещная» теория), или рассматривающая в качестве объекта правоотношения поведение субъектов, с точки зрения других³⁸¹ («поведенческая» теория), а также плюралистическая, согласно которой объектами гражданских правоотношений являются вещи, действия, материальные блага³⁸². По справедливому замечанию В.С. Ема, «объектом гражданских правоотношений, а следовательно, и субъективных прав и обязанностей, входящих в его содержание, является деятельность (поведение) субъектов правоотношения. Однако в законодательстве и литературе в силу сложившихся традиций (см., например, ст. 128 ГК РФ) объектом правоотношения обычно именуется и признается предмет деятельности субъектов гражданского правоотношения.»³⁸³. Следует согласиться и с мнением Б.Л. Хаскельберга и В.В. Ровного, согласно которому судьба обязательства, возможность его сохранения оказываются зависящими от свойств объекта³⁸⁴. Напомним, что чаще всего, под объектом гражданских прав понимаются различные материальные (в том числе вещественные) и нематериальные (идеальные) блага либо процесс их создания, составляющие

³⁷⁹ Об объектах гражданского права в условиях цифровой экономики см.: *Синицын С.А.* Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Синицын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 77 – 91.

³⁸⁰ См., например: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22-28; *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 213; *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. С. 111; *Курбатов А.* Существенные условия и незаключенность договоров: проблемы теории и практики // *Хозяйство и право.* 2012. №6. С. 36; *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. С. 62; *Чеговадзе Л.А.* К дискуссии о природе имущественного права // *Законодательство.* 2003. №11. С. 30.

³⁸¹ См., например: *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / Отв. ред. С.И. Аскназий // *Иоффе О.С.* Избранные труды. В 4 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 82; *Магазинер Я.М.* Объект права // *Правоведение.* 2000. №6 (233). С. 202 – 213; *Советское гражданское право / Под ред. Д. М. Генкина.* М., 1950. Т. 1. С. 110.

³⁸² См., например: *Советское гражданское право: Учеб. / Под ред. О. А. Красавчикова.* М., 1968. Т. 1. С. 83; *Российское гражданское право / Отв. ред. Е.А. Суханов.* М.: Статут, 2011. Т. 1 (автор главы – Е. А. Суханов) / СПС «КонсультантПлюс»; *Хвостов В. М.* Система римского права: Учеб. М., 1996. С. 123.

³⁸³ *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* - 2-е изд перераб. и доп. – Москва: Статут, 2019. Т. 1 (автор главы – В. С. Ем) / СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁴ *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М.: Статут, 2004. С. 139.

предмет деятельности субъектов гражданского права³⁸⁵. ГК РФ к объектам гражданского права относит, в частности, следующее: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага (ст. 128 ГК РФ).

По мнению Л.А. Новоселовой, биткоин является объектом гражданского права, поскольку, во-первых, он является предметом сделок; во-вторых, в законе нет и не может быть исчерпывающего перечня объектов гражданского права; в-третьих, текущий перечень объектов логически не выстроен и содержит пересекающиеся позиции³⁸⁶. Немецкая доктрина также признает, что криптовалюта может быть квалифицирована как «предмет» по смыслу ГГУ (понятие в целом соответствует понятию объекта прав), который является родовым понятием для вещей, прав на нематериальные блага, прав требования, а также иных имущественных прав³⁸⁷. Заметим, однако, что по крайней мере на начальных этапах, не все российские суды признавали биткоин объектом гражданских прав³⁸⁸.

³⁸⁵ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с. // СПС «Консультант Плюс». Автор главы – Суханов Е.А.

³⁸⁶ Например, бездокументарные ценные бумаги – это имущественные права, но они поименованы отдельно, у них особый правовой режим; некоторые объекты имеют двойственную природу – «в течение длительного времени бумажные деньги рассматривались правом одновременно и как деньги, и как ценные бумаги. При признании за ними свойства законного платежного средства они утратили свойства ценной бумаги, хотя «следы» такого регулирования остались». См.: Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 3-16.

³⁸⁷ Федоров Д.В. Указ. соч.

³⁸⁸ См.: Успенский М. Легитимный биткоин. 13.12.2017 // URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/13/legitimnyj_bitkoin.

Автор указал на то, что суды продолжают отказывать в защите прав лицам, совершающим операции с криптовалютами, в первую очередь с биткоином. Некоторые судьи прямо указывают, что биткоин не является «объектом гражданских прав», то есть попросту не существует с юридической точки зрения. К такому выводу, например, пришел рязанский суд в деле обманутого пользователя онлайн крипто-обменника.

Однако по мнению Успенского М., биткоин легитимен как объект гражданских прав: даже для противников «договорного» подхода очевидно, что обязательства могут возникать вследствие «иных действий граждан и юридических лиц» (пп. 8 п. 1 ст. 8 ГК РФ).

В отношении токенов и криптовалют возможны два варианта решения вопроса правовой квалификации: распространение на данные объекты правового режима уже существующего, наиболее близкого по существу объекта (в данном случае речь будет идти об аналогии закона), а вместе с ним и наиболее применимого к нему типа прав, либо создание принципиально нового (*sui generis*) правового режима с новым типом прав на соответствующий объект.

Здесь уместно упомянуть о формировании унифицированного и дифференцированного подходов к правовой квалификации токенов. Рассмотренные ранее различные категории токенов показывают, что найти унифицированное регулирование для них довольно проблематично. В этой связи в иностранной доктрине зависимости от вида прав, предоставляемых инвесторам, отстаивается необходимость дифференцированного регулирования ICO: инвестиционные токены должны рассматриваться как ценные бумаги; приобретение утилитарных токенов скорее является договором о купле-продаже товара или договором об оказании услуг, и к ним применимо потребительское законодательство (хотя в одном немецком источнике – могут быть эмиссионными ценными бумагами); криптовалюта является платежным средством и должна регулироваться не законодательством о ценных бумагах, а банковским законодательством и законодательством о платежах³⁸⁹. При этом существует и унифицированный подход, из которого исходит и Республика Беларусь, и ряд редакций отечественного законопроекта о цифровых финансовых активах³⁹⁰. В российской литературе проанализированы как минусы³⁹¹, так и плюсы³⁹²

³⁸⁹ Федоров Д.В. Указ. соч.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же.

Недостаток дифференцированного подхода: 1) сложно определить, к какой группе относится конкретный токен (гибридные токены); 2) при выпуске криптовалюты или утилитарных токенов также могут поддерживаться ожидания получения прибыли, причем не только посредством спекулятивных сделок.

Недостаток унифицированного подхода: может привести к тому, что утилитарные токены будут урегулированы сверх необходимого, а выпуск инвестиционных токенов, напротив, будет предоставлять стимулы для предпочтения ICO более строгому IPO, несмотря на их существенную схожесть.

³⁹² Достоинство унифицированного подхода: освобождает эмитентов от необходимости каждый раз исследовать правовую природу своих токенов.

каждого из этих подходов, поэтому перейдем к предлагаемым правовым квалификациям.

Согласно одному из подходов, криптовалюту следует относить к категории вещи. Так, с позиции А.В. Саженова криптовалюты представляют собой новый вид бестелесных вещей, поскольку «отсутствие материи в криптовалютах не должно нас убеждать в невозможности квалификации их как вещей»³⁹³. Свою позицию автор аргументирует текстуальными положениями старого законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», согласно которому *право собственности* (выделено мной – М.Б.) на цифровые финансовые активы (к которым законопроектом относится и криптовалюта) удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций (абз. 2 ст. 2)³⁹⁴. Указание в приведённом законопроекте на наличие права собственности в отношении криптовалют, убеждает А. В. Саженова в том, что последние фактически признаются вещами, так как объектом права собственности, по его мнению, может быть только вещь³⁹⁵.

Несмотря на то, что в соответствии с общепринятой в Германии точкой зрения криптовалюта не является вещью³⁹⁶, в доктрине все же можно найти

³⁹³ Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 157 – 180 // «СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁴ Проект Федерального закона №419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «Консультант Плюс».

³⁹⁵ Саженов А.В. Указ. соч.

Подобный подход разделяется и некоторыми судами (См. например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 по делу № 33-3487/2017).

Примерно та же логика в недавней коллективной монографии, где авторы предлагают квалифицировать криптовалюты как некий «цифровой объект», к которому должны применяться (вероятно, по аналогии) правила о вещных правах (см. подробнее: Правовое регулирование цифровых денег: монография / под ред. Е.Н. Абрамовой. – М.: Юстицинформ, 2022. (автор соответствующего раздела – Е.Н. Абрамова) С. 80-90). Каковы практические последствия распространения на криптовалюты вещно-правового режима, авторы монографии, к сожалению, не указывают. Скрупулезный догматический анализ о бесперспективности такого подхода см. в статье: Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021 № 6.

³⁹⁶ Криптовалюта существует исключительно виртуально, а по смыслу § 90 ГГУ вещи имеют телесный характер (см.: Kaulartz M. Die Blockchain-Technologie. Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains // CR. 2016.. 477; Djazayeri A. Die virtuelle Währung Bitcoin – Zivilrechtliche Fragestellungen und internationale regulatorische Behandlung // jurisPR-BKR 6/2014). Соответственно на криптовалюту не могут быть установлены право собственности и другие вещные права (См.: Spindler G., Bille M. Opt. cit. S. 1359). Соответственно на криптовалюту не могут быть установлены право собственности и другие вещные права). Похожий аргумент против признания криптовалюты вещью выдвигается и в российской доктрине: криптовалюта не имеет материального, физически осязаемого выражения, представляя собой определенный код, а по сути – информацию, которая с 2008 г. не является отдельным объектом гражданских прав (Савельев

редкие высказывания в пользу такой квалификации: с точки зрения *de lege ferenda* частью немецкой доктрины высказывается мнение, что законодатель мог бы использовать криптовалюту как повод, чтобы обеспечить правообладателям новых форм виртуальных благ (данных) абсолютную защиту и сделать их объектами права собственности (в широком понимании). Среди аргументов приводятся следующие последствия квалификации криптовалюты как вещей: во-первых, распоряжение ими осуществлялось бы с помощью обязательственной и распорядительной сделок с перспективой добросовестного приобретения; во-вторых, в случае деликта они бы защищались по абз. 1 § 823 ГГУ; в-третьих, стало бы возможным говорить о «качестве» криптовалюты, что послужило бы дальнейшему развитию этой идеи доктриной и судебной практикой³⁹⁷; и др.³⁹⁸. Наиболее практически важными являются первые два.

De lege lata невозможно добросовестно приобрести криптовалюту по вещным правилам от неуправомоченного лица (§ 932 ГГУ)³⁹⁹. Относительно возможности применения к криптовалюте § 413 ГГУ о переводе обязательственного права требования ведутся споры⁴⁰⁰. В любом случае

А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. №8 // СПС «Консультант Плюс»). Новоселова Л.А. также полагает, что возврат к данной категории в целях создания регулирования криптовалют не оправдан, так как категория информации слишком расплывчата, и не интересует гражданский оборот как таковая, ибо значение имеет лишь ее содержание (*Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // *Хозяйство и право.* 2017. № 12. С. 29-44.).

³⁹⁷ См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 359–360. См. также: *Schroeder M.* Bitcoin: Virtuelle Wahrung – reelle Problemstellungen // *JurPC Web-Dok.* 104/2014, Abs. 1–142.

³⁹⁸ В качестве радикальной идеи предлагается закрепить § 90b ГГУ (в § 90 ГГУ приводится определение вещи; § 90a ГГУ определяет правовой режим животных: животные не признаются вещами, однако на них распространяется вещно-правовой режим, если законом не установлено иное), который бы дал абсолютную защиту всем нематериальным благам, имеющим имущественную ценность. Простым, но инновационным решением авторы видят опору таких нематериальных благ на вещно-правовой режим, подобно правовому режиму животных. Через ослабление принципа *numerus clausus* абсолютной защиты прав законодатель сделал бы одолжение инновационному потенциалу ГГУ в обращении с новыми формами благ. Конкретизация тех нематериальных благ, которые заслуживают защиты, стала бы задачей судебной практики (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 360.).

³⁹⁹ Отчуждение вещей в немецком правовом порядке происходит с помощью обязательственной и абстрактной распорядительной сделок (§ 929 ГГУ). Так как криптовалюта не является вещью, это правило к ней неприменимо (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357.).

⁴⁰⁰ По мнению доктрины, по действующему регулированию к криптовалюте будет применим § 413 BGB, в соответствии с которым нормы о переводе обязательственного права требования применимы также к иным правам, если иное не предусмотрено законом. Даже если сложно определить место криптовалюты в системе объектов гражданских прав, всегда должно существовать какое-то «право» в отношении криптовалюты, чтобы его можно было перевести (См.: *Spindler G., Bille M.* Opt. cit. S. 1362–1363.). С другой стороны, также есть мнение, что правила о переводе права к криптовалюте неприменимы, так как

неприменимость к криптовалюте норм о распоряжении вещными правами означает невозможность ее добросовестного приобретения, что часть немецких авторов считает недостатком. Для перевода криптовалюты, в частности биткойна, необходимо обладание приватным ключом (можно сказать, паролем), и наличие такого ключа создает видимость права, подобно владению вещью⁴⁰¹. Это напоминает господствующий в вещном праве принцип публичности, что, по мнению некоторых авторов, может быть основанием для применения § 929 ГГУ по аналогии⁴⁰². В австрийской доктрине аналогично высказывается предположение о вещно-правовом режиме отчуждения права на криптовалюту, где обладание приватным ключом схоже с владением вещью⁴⁰³.

В то же время есть точка зрения, согласно которой вопрос о видимости права через обладание приватным ключом в контексте добросовестного приобретения не имеет значения, так как адресат транзакции получает удовлетворение независимо от того, является он добросовестным или недобросовестным⁴⁰⁴. Однако без конструкции добросовестного приобретения даже добросовестный приобретатель криптовалюты не имеет «правового титула». Невозможность внесения изменения в блокчейн – технический, а не правовой аспект, и при необходимости «виндикация» криптовалюты может осуществляться через совершение новой транзакции, а не через отмену предыдущей. Кроме того, в блокчейне потенциально может быть предусмотрена фигура «арбитра», вносящего изменения, а в одиозных случаях также возможно разделение реестра на «старый» и «новый», как в

криптовалюта не является правом. Сам перевод криптовалюты в этом случае признается реальным актом (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357; *Kuhlmann N.* Bitcoins – Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen Wahrung // CR. 2014. S. 696.).

⁴⁰¹ См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357.

⁴⁰² См.: *Spindler G., Bille M.* Opt. cit. S. 1363. См. также: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357. Авторы пишут о невозможности добросовестного приобретения криптовалюты как о недостатке, однако также указывают, что применение § 929 ГГУ невозможно, так как отсутствует пробел в регулировании.

Относительно виртуальных предметов (игровых предметов) доктрина ранее уже предлагала применять правила об отчуждении вещей по аналогии (См.: *Geis I., Geis E.* Rechtsaspekte des virtuellen Lebens – Erste Ansatze des Rechts zur Konfliktlosung in Second Life // CR. 2007. S. 721–725.).

⁴⁰³ См.: *Volkel O.* Privatrechtliche Einordnung virtueller Wahrungen // OBA. 2017. S. 388.

⁴⁰⁴ Блокчейн отражает факты, которые изменить нельзя. Обязан ли приобретатель вернуть криптовалюту с обязательственной точки зрения – другой вопрос (См.: *Kaulartz M.* Opt. cit. S. 479.).

случае с инвестиционными токенами «The DAO»⁴⁰⁵.

Возвращаясь ко второму аргументу в пользу признания криптовалюты вещью, отметим, что рассматриваемые немецкой доктриной проблемные вопросы в контексте защиты обладателя криптовалюты от деликтов, являются скорее следствием отсутствия в германском правопорядке принципа генерального деликта, что вынуждает искать защиту в конкретных законодательных положениях, предусматривающих деликтную ответственность. В связи с этим в правопорядках, где закреплен принцип генерального деликта, в частности в России, проблемы внедоговорной защиты обладателя криптовалюты, в принципе, быть не должно. По крайней мере это касается самого наличия правового основания для возникновения обязательства по возмещению причиненных убытков. Несмотря на проблемность классификации криптовалюты в действующей системе объектов прав, они, как признает немецкая доктрина, являются имущественной ценностью. Вторжение в имущественную сферу, согласно принципу генерального деликта, является основанием для возникновения требования о возмещении вреда. Исходя из специфики немецкого регулирования ответственности за причинение вреда, доктрина выработала два возможных пути защиты обладателей биткоинов: через абз. 1 § 823 ГГУ, устанавливающий ответственность за причинение вреда в отношении лишь абсолютных прав, которого в отношении криптовалюты не существует⁴⁰⁶;

⁴⁰⁵ Подробнее о деле см.: *Heckmann J.* DAO-Hack: smart contracts auf dem rechtlichen Prüfstand // CR. 2016. R99-R100.

⁴⁰⁶ Тем не менее возможен обходной путь через защиту вещного права на материальный носитель данных. Верховный суд ФРГ подтвердил возможность такого подхода в отношении компьютерных программ, если они находятся на материальном носителе. В случае повреждения материального носителя возмещается также стоимость программы (или данных) (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357.). Такая позиция является дискуссионной и принимается далеко не всеми (См., например: *Kaulartz M.* Opt. cit. S. 478.). И в любом случае, даже если не признавать вещного характера за компьютерной программой или данными, при причинении вреда материальному носителю его стоимость будет исчисляться с учетом установленных программ (См.: *Engelhardt C., Klein S.* Opt. cit. S. 357.). К тому же такой обход не достигает цели в случае, если деликт в отношении криптовалюты будет совершен онлайн, без причинения вреда непосредственно материальному носителю (См.: *Seitz J.* Distributed Ledger Technology & Bitcoin – Zur rechtlichen Stellung eines Bitcoin-«Inhabers» // K&R. 2017. S. 766.). Кроме того, что более релевантно, данные могут храниться на чужих виртуальных носителях. Для реализации же обходного пути через деликт в отношении устройства необходимо, чтобы собственник устройства и обладатель данных совпадали (См.: *Ibid.* S. 767.). Подробный разбор различных позиций в доктрине и судебной практике мы не приводим, так как этот аспект для российского права не столь важен (См.: *Kütük-Markendorf M.E.* Opt. cit. S. 153–158. Там же про деликтную

через абз. 2 § 823 ГГУ, в соответствии с которым возмещается вред, причиненный объектам защиты других законов⁴⁰⁷.

Альтернативной линией аргументации (вместо фикции вещно-правового режима) является конструирование иного абсолютного права на криптовалюту, которое будет разновидностью общего абсолютного права на данные. В доктрине сопоставляются между собой преимущества и недостатки закрепления абсолютного права на данные, в частности криптовалюту.

В качестве достоинств указывается на: создание правовой определенности в отношении криптовалюты; укрепление доверия к данным, а также распределенным системам; законодательное стимулирование, а не ограничение новых технологий; упрощение деликтной защиты обладателя криптовалюты (как и при вещно-правовом регулировании)⁴⁰⁸.

Против абсолютного права на данные говорит то, что тем самым будет нарушена существующая законодательная систематика и лишится смысла принцип *numerus clausus*⁴⁰⁹. Далее указывается, что абсолютные права существуют преимущественно в отношении вещей, а абсолютное право на данные было бы абсолютным правом на нематериальные объекты. Вещное право в свою очередь не рассчитано на нематериальные объекты. Отсюда усматриваются проблемы в правоприменении (при полном распространении вещно-правового режима на криптовалюту, а не «точечном»)⁴¹⁰.

Наконец, высказывается мнение, что аргументы против абсолютного права на данные, в частности криптовалюту, перевешивают. Основной довод

защиту данных через «рамочные» составы, например конституционного права на информационное самоопределение или налаженное и рабочее предприятие: S. 117–138.).

⁴⁰⁷ Для криптовалюты актуален, в частности, § 303а Уголовного кодекса ФРГ (Strafgesetzbuch), запрещающий неправомерное изменение данных (См.: Engelhardt C., Klein S. Opt. cit. S. 358.). Тем не менее возмещение убытков через эту статью предполагает, что деликт должен быть уголовно наказуемым деянием (См.: Seitz J. Opt. cit. S. 767.). Также криптовалюта может быть защищена через § 826 ГГУ, который предусматривает по сути генеральную защиту имущества, однако только в тех случаях, когда имело место умышленное нарушение (См.: Kütük-Markendorf M.E. Opt. cit. S. 157.). Таким образом, данные, в частности криптовалюта, по действующему немецкому праву защищаются через взаимосвязь абз. 1 и 2 § 823 и § 826 ГГУ (См.: Ibid. S. 200–205.). Единой нормы, которая бы защищала обладателя данных, в частности криптовалюты, нет (См.: Engelhardt C., Klein S. Opt. cit. S. 358.).

⁴⁰⁸ См.: Kütük-Markendorf M.E. Opt. cit. S. 208.

⁴⁰⁹ См.: Ibid. S. 209.

⁴¹⁰ См.: Ibid.

состоит в том, что действительной потребности в этом нет, так как существующие механизмы деликтной защиты данных, в частности криптовалюты (а именно в надежной деликтной защите многие немецкие авторы усматривает основной смысл закрепления абсолютного права на данные), в целом достаточны⁴¹¹. В то же время такая позиция не учитывает отсутствие возможности добросовестного приобретения криптовалюты в этом случае.

Как известно, английское вещное право (property law) охватывает более широкий круг отношений за счет уникальных, отсутствующих на континенте институтов (например, траста), а также в связи с особенностью объектов, включающими в себя не только материальные вещи – бинарная концепция движимого имущества (personal property), состоящего из вещей во владении (choses in possession) и прав требования (choses in action)⁴¹².

Криптовалюта, как «идейная сущность», строго говоря не может быть отнесена ни к одной из названных категорий: к вещам во владении, поскольку криптовалюта нематериальна и не может быть объектом физического господства⁴¹³; к правам требования, поскольку она «не воплощает никакого права, которое может быть принудительно реализовано посредством иска»⁴¹⁴ против третьего лица.

Однако, в доктрине отмечается, что несмотря на трудности отнесения криптовалюты к числу объектов вещного права⁴¹⁵ такая квалификация необходима для нормального функционирования оборота⁴¹⁶, поскольку право собственности как таковое следует понимать шире – как пример такого же государственного вмешательства, как и финансовое регулирование и

⁴¹¹ См.: Ibid. S. 210–211.

⁴¹² Colonial Bank v Whinney in 1886, *Smith R. J.* Property law. 8th edition, 2014. p. 8-9.

⁴¹³ AA v Persons Unknown & Ors [2019] EWHC 3556 (Comm).

⁴¹⁴ Ibid.

⁴¹⁵ Эти трудности обусловлены не столько тем, что оно изначально была связано с иного рода явлениями, сколько с существованием «автономных мотивов пользователей и техническим дизайном криптовалютных систем» (*Fox D., Green S.* Opt. cit. P. 140).

⁴¹⁶ Если криптовалюта сначала не будет признана объектом собственности, она никогда не сможет стать предметом траста или залога, не станет она и активом в наследстве умершего человека.

регулирование ценных бумаг⁴¹⁷. Поэтому правоприменительная практика признает криптовалюту имуществом (property)⁴¹⁸.

Конечно, приводятся и другие аргументы, а именно: специфичность составляющих криптокоины единиц информации, которые, при правильном понимании, являются подходящими объектами собственности⁴¹⁹; отсутствие политико-правовых причин для квалификации объекта, который выполняет в обороте функции средства платежа и выражения номинальной стоимости, аналогичные деньгам, которые правоприменительная практика признает собственностью⁴²⁰.

Однако подлинные мотивы отнесения криптовалюты к объектам вещного права связаны с отсутствием специального регулирования и необходимостью восполнения пробелов, возникающих при решении вопросов, относящихся к фиксации прав, отчуждению актива, защиты правообладателя и добросовестного приобретателя и т. д. Кроме того, в силу нематериального характера к криптовалюте могут применяться только некоторые нормы вещного права. Так, например, держатель криптовалюты является ее собственником, но не владельцем, поскольку категория владения применима

⁴¹⁷ Системы, созданные для «затушевания» претензий посторонних лиц к операциям в них, устранением необходимости судебного разбирательства и сокрытием реальной личности субъектов, стоящих за ними, свидетельствуют о том, что такие системы близки к тому, чтобы быть саморегулируемыми. В мотивах пользователей в свою очередь можно увидеть стремление избежать внешнего, исходящего от государства вмешательства (*Fox D., Green S. Opt. cit. P. 140-141, 176*).

⁴¹⁸ В деле *AA v Persons Unknown & Ors* [2019] суд указал, что криптовалюта соответствует 4 признакам имущества, сформулированных в решении *National Provincial Bank v Ainsworth* [1965] 1 AC 1175, а именно: 1) поддается определению (definable); 2) доступна для идентификации третьими лицами (identifiable by third parties); 3) способна по своей природе быть предметом присвоения третьих лиц (capable in their nature of assumption by third parties); 4) обладает определенной степенью постоянства (having some degree of permanence).

⁴¹⁹ Если определенный предмет может быть охарактеризован как объект собственности (*object of property*), то нормы *property law* применяются к нему в той степени, в какой это допускает существо такого объекта. Так, права на криптовалюту могут передаваться по обычным правилам производного приобретения. Бывший владелец криптоактивов сохраняет права на них, если сделка будет признана недействительной. Правила трейсинга позволяют обосновать переход титула посредством сделок в блокчейн системе, а также при смешении активов. Нормы *property law* также позволяют вернуть правообладателю неправомерно списанную криптовалюту или ее стоимость в случае, если с технической точки зрения блокчейн-транзакция необратима (*Fox D. Cryptocurrencies in the Common Law of Property // URL: <https://ssrn.com/abstract=3232501>* 1). Дэвид Фокс отмечает, что «каждый криптокоин поддается определению собственной уникальной транзакционной историей, сведения о которой содержится в записи блокчейна. Само назначение криптокоинов заключается в том, что их можно передавать третьим лицам. (...) Они настолько же постоянны и стабильны в своем существовании, как и создающий их протокол» (*Fox D., Green S. Opt. cit. P. 153*).

⁴²⁰ *Fox D. Opt. cit.*

только в отношении материальных объектов, ограниченных в пространстве – вещей во владении⁴²¹.

Квалификация криптовалюты в качестве имущества приводит следующим юридическим последствиям: отчуждение криптовалюты подчиняется правилам о передаче собственности (*derivative transfers of title*)⁴²² и защита добросовестного приобретателя⁴²³. Обладателям криптовалюты доступны некоторые средства деликтной⁴²⁴ защиты, а также защита по праву справедливости⁴²⁵.

Как и в Англии, во Франции также возникают трудности по отнесению криптовалюты к традиционной система прав. Для Франции таковым является деление прав на личные (*droit personnel*) и вещные (*droit reel*). Отмечается, что

⁴²¹ *Fox D., Green S. Op. cit. P. 155;*

⁴²² Так, приобретатель получает титул в силу производного характера приобретения права только на основании действительной сделки, если при этом отчуждатель обладал таким же титулом (или был управомочен действительным обладателем титула). При этом необходимо иметь в виду, что фиксация в блокчейн-системе перехода криптовалюты от одного пользователя к другому не является бесспорным и неопровержимым доказательством перехода титула – она не имеет такого же эффекта как регистрация приобретения титула на землю. Когда блокчейн фиксирует, что определенный криптокоин связан с конкретным открытым ключом, это является лишь доказательственной презумпцией того, что владелец открытого ключа является правообладателем криптокоина. Такой подход представляет из себя частное следствие более общего правила – владение презюмирует собственность, – которое, в первую очередь, влияет на распределение бремени доказывания (*Ibid. P. 156-158*). Тем не менее, против распространения на криптовалюту правил о производном приобретении титула приводится следующий аргумент: в отличие от денег, существующих в физической форме, которые переходят от отчуждателя к приобретателю как вещь в неизменном виде с сохранением собственной идентичности, технология распределенного реестра устроена таким образом, что криптовалюта не является одним и тем же объектом на каждой стороне платежной операции. Похожим образом устроены и безналичные расчеты. Тем не менее, отмечается, что данный аргумент не опровергает производный характер приобретения права (*Ibid.*).

⁴²³ Английское правило устанавливает довольно сложную систему правил, направленных на обеспечение интересов добросовестного приобретателя, которые включают в себя защиту по общему праву (*common law*) и по праву справедливости (*law of equity*). Защита по праву справедливости сводится к опровержению любого основанного на праве справедливости титула (*equitable title*), если неправомерное отчуждение было совершено возмездно в отсутствие осведомленности приобретателя о конкурирующем титуле, основанном на праве справедливости (*without notice of the competing equitable title*). Иски по праву справедливости широко применяются при защите имущества в случае его кражи или получения мошенническим путем. В свою очередь общее право предоставляет защиту только в отношении добросовестного приобретения денежных средств и оборотных инструментов (*negotiable instruments*). По мнению Д. Фокса, защита по общему праву, в отличие от права справедливости, будет распространяться на криптовалюту, если правопорядок признает функциональное сходство с деньгами, выпущенными государством, уравнивая их статус, и если в конкретной сделке стороны будут использовать криптовалюту для целей платежа (*Ibid. P. 159-162*).

⁴²⁴ Нематериальная природа криптовалюты препятствует использованию исков, направленных на защиту владения (*actions in conversion and trespass*) в силу правовой позиции, выраженной в деле *OBG Ltd v Allen*. Традиционное понимание владения в английском праве требует физического контроля над осязаемыми объектами (*Fox. D. Op. cit.*). Остальные средства деликтной защиты с некоторыми модификациями доступны правообладателю криптовалюты (*Fox D., Green S. Op. cit. P.174-175.*).

⁴²⁵ Д. Фокс отмечает, что наилучшие перспективы для защиты криптоактивов видятся в праве справедливости, поскольку оно в равной степени направлено на защиту как материальных, так и нематериальных благ (*Ibid. P.175.*).

право на криптовалюту не относится к личным правам, поскольку отсутствует конкретный обязанный субъект, противостоящий управомоченному лицу⁴²⁶. Признание за правом на криптовалюту вещного характера также сопряжено с определенными сложностями, поскольку криптовалюта является нематериальным активом, непоименованным в законе в качестве объекта вещного права (вещи или имущества)⁴²⁷.

Французскую доктрину не обошли и попытки обоснования отнесения криптовалюты к категории вещей: через, по сути, трансформацию понятия объектов вещного права путем отнесения к таковым так называемых «новых вещей» («*nouveaux biens*» (Zenati, 1999)), включающих в себя и нематериальные активы (в частности, криптовалюту)⁴²⁸; и через поиск материального носителя, на котором отражаются данные о криптоактиве (жесткий диск, USB-носитель и т. д.)⁴²⁹.

Практическая потребность в применении к криптоактивам правил о вещах вызвана, как и в германском праве, отсутствием во французском

⁴²⁶ *Vauplane H. de. Opt. cit.*

⁴²⁷ *Terre F., Simler P. Droit civil. Les biens, 2014.*

⁴²⁸ *Vauplane H. de. Opt. cit.*

При таком ревизионистском подходе происходит трансформация самой идеи собственности, которая отныне не ограничена материальными объектами (вещами). Сторонники данной концепции, приводя аргументы против традиционных воззрений на ст. 544 ФГК (Ст. 544 ФГК – право собственности есть право пользоваться и распоряжаться вещами без всякого ограничения, с тем, однако, чтобы не делать из них употребления, законами или особыми правилами воспрещенного.), рассматривают собственность как «возможность извлечения полезных свойств из благ и изменения юридической структуры имущества (путем отчуждения, временной передачи третьим лицам и т. д.)» (*Normand S. Les nouveaux biens // La revue du notariat. Volume 106, Numéro 2, Septembre 2004, p. 177–204 // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/notariat/2004-v106-n2-notariat03666/1045800ar>*). Неудивительно, что при подобном понимании криптовалюта без особых затруднений включается в число объектов права собственности.

В целом, сама идея трансформации ключевого понятия права собственности не поддерживается традиционной школой (о классическом понимании права собственности, которое не включает в число своих объектов нематериальные блага см.: *Dabin J. Une nouvelle définition du droit réel // Rev. trim. dr. civ. 20, 1962; Chabas F., Mazeaud H. et autres. Leçons de droit civil, 8 éd., t. 2, vol. 2, Biens: Droit de propriété et ses démembrements, 8 éd., Montchrestien, 1994. P. 18 et 114.*).

⁴²⁹ В этом прослеживается явная аналогия с документарными ценными бумагами – право на материальный носитель приходит на смену правам на бумагу, право на криптовалюту в свою очередь заменяет права из бумаги (*Vauplane H. de. Opt. cit.*). Вместе с тем неясно, каким образом перманентный поиск материального носителя, необходимого для «вещной» квалификации криптовалюты, согласуется с технологией распределенного реестра блокчейн, который как раз-таки и был направлен на разрыв с физическими источниками хранения информации. Кроме того, последовательно придерживаясь ценно-бумажной логики, следует прийти к выводу о том, что оборот криптовалюты возможен лишь посредством обращения материальных носителей, на которых содержится информация о ней. Это, в свою очередь, не только не согласуется с существующей практикой совершения криптоопераций в системе блокчейн, но также противоречит здравому смыслу и воззрениям оборота.

законодательстве релевантных правил, регламентирующих вопросы принадлежности криптовалюты определенному лицу, защиты и перехода прав на нее и т. д. «Вещная» квалификация криптовалюты или применение к ней правил о вещах *mutatis mutandis* по аналогии также способствуют единообразному регулированию материальных и нематериальных объектов, связанного с необходимостью соблюдения принципа равенства.

Вероятно, впервые на практике вопрос о квалификации криптовалюты в качестве вещи был поставлен перед Государственным советом, который высказал мнение о том, что биткоин имеет природу нематериального движимого имущества (*bien meuble incorporeal*)⁴³⁰. Однако главное, что квалификация биткоина в качестве нематериального движимого имущества была необходима для определения правил налогообложения⁴³¹.

Следовательно, несмотря на обращение административного органа к известному дихотомическому делению объектов на движимое и недвижимое имущество, которое традиционно относится к вещам и иным поименованным в законе объектам, Государственный совет под «*bien*», имел в виду именно «имущество» в широком смысле, охватывающее различные категории благ, в

⁴³⁰ Décision 26 avril 2018 N°417809, 418030, 418031, 418032, 418033 // URL: <https://www.revuegeneraledudroit.eu/blog/decisions/conseil-detat-26-avril-2018-requete-numero-417809-requete-numero-418030-requete-numero-418031-requete-numero-418032-requete-numero-418033/>

Prima facie пассаж Государственного совета выглядит неоднозначным и не лишен определенного противоречия. С одной стороны, административный орган использует термин «*bien*», который допустимо понимать не только как вещь, но и как имущество, то есть как категорию, включающую в себя более широкий перечень объектов. С другой стороны, постановка вопроса о движимом и недвижимом характере криптовалюты («*meuble – immeuble*») свидетельствует, скорее, о том, что под «*biens*» понимаются именно объекты, поименованные в законе, к которым эта дихотомия традиционно применима. В своих рассуждениях Государственный совет опирается на ст. 516 ФГК, согласно которой «все имущество является либо движимым, либо недвижимым». Поскольку биткоин не подпадает под категорию недвижимости по смыслу данной статьи, из этого логически следует, что он относится к движимому имуществу. В свою очередь нематериальный характер криптовалюты не смущает Государственный совет.

⁴³¹ Позиция, занятая Государственным советом в отношении налогового режима, примененного к биткоином, является следствием, с налоговой точки зрения, их юридической квалификации. Дело в том, что французское право устанавливает различные правила налогообложения выручки с продажи активов, в зависимости от того являются ли они движимым или недвижимым имуществом. Так, ст. 150 UA Общего налогового кодекса устанавливает налог в отношении «прироста капитала, реализованного при передаче за ценное вознаграждение движимого имущества или прав, относящихся к такому имуществу». Представляется, что категория «*biens*» в налоговом и гражданском праве имеют различное наполнение. Таким образом, для налоговых целей сфера применения данной статьи не ограничивается поименованными в ФГК объектами, а включает в себя и нематериальные активы. На это, в частности, указано в сообщении общественного докладчика, материалы которого стали основой для решения Государственного совета (*Ledun P. Le bitcoin: une monnaie virtuelle à l'imposition bien réelle* // URL: <https://association-idpa.com/blog-articles/2018/9/26/le-bitcoin-une-monnaie-virtuelle-limposition-bien-relle-zke5a>).

частности нематериальные криптоактивы. Можно предположить, что Государственный совет был мало обеспокоен проблемой догматической квалификации криптовалюты. Решение административного органа было обусловлено конкретным практическим вопросом, относящимся к сфере публичного права, от ответа на который зависело, подлежит ли криптовалюта налогообложению как движимое или как недвижимое имущество⁴³².

Таким образом, если даже и есть правопорядки, где обсуждается вероятность квалификации криптовалюты в качестве вещей (принятое в Республике Беларусь регулирование здесь скорее является маргинальным исключением⁴³³), такие обсуждения следует рассматривать в качестве внутренней доктринальной дискуссии, связанной в большей степени со спецификой отдельного правопорядка, выражающейся в исторически сформированных традиционных подходах к тем или иным институтам гражданского права (вещное право, деликтное право и проч.), а потому соответствующие выводы и аргументы следует воспринимать критически. С точки зрения российского правопорядка криптовалюты не могут являться вещами как минимум из-за отсутствия указанных выше национальных прагматических предпосылок, равно как и в силу устоявшейся в догматике и судебной практике траектории применения норм вещного права⁴³⁴. Кроме того,

⁴³² Тем не менее, в судебной практике применение к криптовалюте правил о вещах постепенно завоевывает себе признание. Примером служит знаменитое решение Апелляционного суда г. Нантера. В отличие от Государственного совета суд избегает называть криптовалюту имуществом (*bien*), вместо этого он использует нейтральный термин «*actif*». Несмотря на то, что криптовалюта прямо не названа вещью, суд рассматривает ее через оптику, применяемую к вещам в соответствии с классическими воззрениями. В судебном решении указано, что криптовалюта – это «взаимозаменяемый и потребляемый нематериальный актив» («*un actif incorporel fongible et consommable*») (Tribunal de commerce de Nanterre, 26 février 2020, n° 2018F00466). Первое свойство относится к разделению вещей на заменимые и незаменимые, практическое значение которого заключается в правиле «род не гибнет» (Francois Terre, Philippe Simler. *Opt. cit.* p. 16). Потребляемость в свою очередь, относясь к делению вещей на потребляемые и непотребляемые, служит цели правильной квалификации некоторых договорных типов (*Terre F., Simler P. Opt. cit.* p.15.). Признание взаимозаменяемого и потребляемого характера криптовалюты позволили Апелляционному суду г. Нантера квалифицировать договор о предоставлении криптовалюты на возвратной основе в качестве договора займа.

⁴³³ В Республике Беларусь предусмотрена возможность иметь цифровой знак (токен) на праве собственности или ином вещном праве. О критике этого подхода см. Федоров Д.В. Указ. соч.

⁴³⁴ К примеру, отечественному праву вполне знакома конструкция генерального деликта (см. например: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2020. С. 480 и далее), существует открытый перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК), а случаи невозможности истребования (виндикации) объекта решаются не через адаптацию виндикации как таковой, а через конструирование средств защиты в каждом конкретном случае (как, например, в п.1 ст.

вопреки мнению некоторых отечественных исследователей⁴³⁵ признание иностранными судами криптовалюты в качестве договорного средства платежа не означает признания ее деньгами в юридическом смысле, то есть обусловлено публично-правовыми, а не частноправовыми целями.

Криптовалюту также можно сравнивать с обязательством, однако обязательственная составляющая в отношениях, связанных с использованием криптовалюты, отсутствует, поэтому, например, квалифицировать ее в качестве результата работ или оказания услуг невозможно.

Однако, по мнению Л.А. Новосёловой, присоединение к технической системе, обеспечивающей возможность осуществления расчетов, является сделкой; параметры взаимодействия участников заданы программным кодом, но сама система фактически функционирует на основании многостороннего соглашения; поэтому криптовалюта представляет собой особый вид обязательственного права требования, в котором праву каждого владельца криптовалюты корреспондируют обязанности всех остальных участников системы, закрепленные правилами функционирования такой системы⁴³⁶.

Однако идея о том, что криптовалюта является своеобразным правом требования, разделяется далеко не всеми. Как справедливо отмечается, участие третьих лиц, необходимое для полноценного господства лица в отношении токена, функционирующего на базе публичного блокчейна, носит

149.3 ГК). Мы полностью поддерживаем аргументацию Е.А. Суханова по данному поводу (Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права, 2021 № 6).

⁴³⁵ См., например: Новоселова Л.А. «Цифровые деньги» в системе объектов гражданского права // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2021. С. 223 и далее.

⁴³⁶ В этом состоит одно из отличий от классических безналичных денежных средств, где платежи обеспечиваются посредством передачи прав требования к банку и при его посредничестве.

Автором в поддержку выдвинутой теории приводятся следующие аргументы: 1) каждый владелец «биткойн-кошелек» как кредитор связан с конкретным кругом должников; 2) обязательство является многосторонним: каждый из участников в отношении других выступает в качестве должника и кредитора одновременно; 3) предмет требования каждого из участников – действия других участников, связанные с принятием биткойна как средства расчетов; 4) это не препятствует возможности признания абсолютных прав на биткойн (пример с ценной бумагой, средствами на банковском счете); 5) правовая квалификация результата передачи биткойна в оплату за товар: а) мена; б) замена исполнения; в) предоставление с целью получения платежа (где окончательный расчет связан с обменом биткойна на фиатные деньги) (автор при этом склоняется к окончательному средству расчета); 6) особенностью обязательства в биткойнах является то, что государство в случае неисполнения обязательства не может обеспечить передачу биткойна (См.: Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. №9. С. 3-16.).

Данная точка зрения разделяется и иными исследователями (см., например: Успенский М. Указ. соч.).

специфический характер: соответствующие действия третьих лиц подчинены действию программного кода⁴³⁷, а не заранее обозначенным и принятым на себя традиционным договорным обязательствам⁴³⁸. Кроме того, право требования подразумевает наличие определённой обязательственной связи между сторонами, однако владелец криптовалюты «не имеет права требовать от кого-либо какого-либо положительного действия (передать имущество, совершить перевод или т.п.), даже если он осуществляет перевод криптовалюты другому лицу, поскольку при этом он осуществляет правомочие распоряжения, а не право требования (в этом случае он имеет право «на собственные действия», а не на действия какого-либо лица, которое могло бы удовлетворить интерес владельца биткоина)», из чего следует, что владелец криптовалюты не может быть признан кредитором⁴³⁹. Другими авторами указывается на то, что в данном случае речь идёт не о многостороннем характере обязательства, а о множественности лиц на стороне кредитора или должника (или же одновременно и на стороне кредитора, и на стороне должника)⁴⁴⁰. Помимо этого, предложенная Л.А. Новоселовой концепция не учитывает тот факт, что определить конкретный круг обязанных лиц практически невозможно, в виду того, что он постоянно и динамически изменяется. Возникает резонный вопрос – какой юридический смысл в признании за всеми участниками блокчейна многостороннего договора при том, что каждый конкретный правопорядок признает де факто

⁴³⁷ Отсюда размышления о категориях «rule of code» в сравнении с «rule of law», *Lex cryptographica* и проч. (*Primavera De F., Wright. A. Opt. cit. P. 193 etc.*).

⁴³⁸ *Савельев А.И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. №2 // СПС «Консультант Плюс».

⁴³⁹ *Абрамова Е.Н.* Указ. соч. См. также: *Грибанов А.* Указ. соч..

Автор отмечает следующее: «Когда новый участник присоединяется к биткойн-системе (открывает биткойн-кошелек), он вступает в обязательственные отношения с другими участниками системы, но не приобретает биткойны вследствие одного лишь присоединения к системе. Его новый кошелек может оставаться пустым. Когда биткойны все-таки поступают в этот кошелек, у его владельца не появляется ни новых прав требования к другим участникам системы, ни новых обязанностей перед ними, то есть таких прав и обязанностей, которых бы у него не было сразу после открытия биткойн-кошелька. Таким образом, поскольку наличие или отсутствие биткойнов у владельца биткойн-кошелька само по себе не влияет на его права и обязанности по отношению к другим участникам системы, биткойны не являются обязательственными правами их владельцев.»

⁴⁴⁰ Аргументируется это тем, что в подобном случае всё равно присутствуют всего лишь две стороны – кредитор и должник – которые в процессе могут поменяться местами. См.: *Савельев А.И.* Указ. соч.

лишь результаты их двусторонних отношений по передаче конкретного криптоактива. Иной аргумент против признания криптовалюты правом требования заключается в следующем: само присоединение к виртуальной платформе и открытие цифрового кошелька еще не означает возникновение обязанностей участников системы по покупке криптовалюты, однако и в момент её осуществления, лицо, по существу, приобретает лишь право на использование криптовалюты, а не права требования и обязанности по отношению к другим участникам системы⁴⁴¹.

С позиции доктрины Германии и Австрии, криптовалюта в традиционном ее понимании (биткоин, эфириум) также не дает прав требования к эмитенту, и отсутствие такого права является конститутивным условием понятия криптовалюты; отсутствуют также централизованный эмитент, на который можно было бы возложить обязанности, и договор, в связи с чем отрицается наличие относительных правоотношений между участниками блокчейна – обладателями криптовалюты⁴⁴².

Для российской доктрины очевидно, что криптовалюту нельзя квалифицировать ни как результат интеллектуальной деятельности, поскольку она создается в результате функционирования программных протоколов, а не творческой деятельности человека, ни как нематериальное благо из-за отсутствия тесной связи с личностью человека.

С точки зрения доктрины Германии и Австрии, криптовалюта является нематериальным объектом⁴⁴³ и имеет имущественную ценность, но это еще не означает, что с таким нематериальным благом будут связаны соответствующие права ее обладателя. Криптовалюта не может быть признана объектом авторского права, так как ее создание не имеет творческого

⁴⁴¹ Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с. // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁴² Федоров Д.В. Указ. соч.

⁴⁴³ Необходимо отметить, что в немецкой доктрине существует и противоположная точка зрения, согласно которой на криптовалюты не может распространяться режим нематериальных благ, поскольку, например, авторское право предполагает элемент творчества, отсутствующий у информационной записи. См. подробнее: *Pesch P.J.* *Op. cit.* S. 97 ff.

характера, спорно также, может ли быть предоставлено право на нематериальное благо, прямо не предусмотренное в законе (ибо в Германии действует принцип *numerus clausus* нематериальных благ)⁴⁴⁴.

Более интересным представляется вопрос о квалификации криптовалюты в качестве ценной бумаги, который также достаточно подробно рассматривается в российской правовой литературе. Например, Л.А. Новоселова полагает, что токены (а криптовалюта с технической точки зрения является одной из их разновидностей) имеют достаточно много сходств с ценными бумагами, хотя и не могут быть признаны таковыми, однако причины тому исключительно формальные. Так, и токены, и ценные бумаги фиксируют наличие и содержание права (причем часто, но не всегда, аналогичного по содержанию тому, которое может быть закреплено в ценной бумаге) и обеспечивают его передачу в привязке к носителю, на котором оно закреплено⁴⁴⁵. Отличие токена и документарной ценной бумаги состоит в формальном отсутствии бумаги, а токена и бездокументарной ценной бумаги – в формальной неурегулированности законом выпуска и учет прав, привязанных к токену⁴⁴⁶. В иностранной литературе также предлагаются следующие аргументы в пользу признания большинства токенов ценной бумагой: во-первых, токены являются отражением существующих правовых притязаний; во-вторых, токены стандартизированы и могут передаваться от одного лица к другому; в-третьих, токены выполняют функцию правовой легитимации⁴⁴⁷. Таким образом, если мы смогли бы найти в криптовалюте право требования, то признать ее своеобразной ценной бумагой стало бы проще.

⁴⁴⁴ Кроме того, подчеркивается разница криптовалюты с таким неcodифицированным объектом гражданского права, как виртуальные предметы: правовая позиция в отношении виртуальных предметов зависит от относительных правоотношений между игроком и оператором игры, а потому в доктрине отвергается потенциальная возможность признания за обладателем виртуальных предметов абсолютного права – вывод, который не может быть безусловно распространен на криптовалюту. См: Федоров Д.В. Указ. соч.

⁴⁴⁵ Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. №12. С. 29-44.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Федоров Д.В. Указ. соч.

В поддержку квалификации криптовалюты (которую автор рассматривает в качестве разновидности криптоактивов, включающих также и токены) в качестве документарных ценных бумаг выступает и Ю.В. Кузнецов, хотя надо отметить, что его аргументация не лишена недостатков. Так, например, вызывает некоторое недоумение ссылка автора на выдержку из лишенной, с нашей точки зрения, научной ценности, но по мнению автора «основополагающей» статьи С. Накамото⁴⁴⁸. Так или иначе, Ю.В. Кузнецов делает довольно умозрительный вывод о схожести упомянутых в ней «цепочек цифровых подписей»⁴⁴⁹ и последовательность передаточных надписей на документарной ценной бумаге (индоссаментов на ордерной или цессий на именной)⁴⁵⁰. Необоснованно игнорируя содержание ст. 128 ГК РФ, Ю.В. Кузнецов полагает, что отсутствие в ст. 142 ГК РФ повторного указания на то, что документарная ценная бумага является вещью, позволяет сказать, что «с содержательной точки зрения документ – это не обязательно вещь». Далее на основе того, что в российском законодательстве есть определение электронного документа⁴⁵¹ автор задается вопросом «Раз на уровне законов признается принципиальная возможность существования документов в электронной форме, то почему бы не признать возможность существования документарных ценных бумаг, облеченных в электронную

⁴⁴⁸ Кстати, С. Накамото считается создателем криптовалюты биткойн. В то же время личность его, до сих пор не установлена, как не известно, действительно ли он существует (есть версия о том, что это псевдоним) (*Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System.* // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>. P. 2.).

⁴⁴⁹ Автор приводит следующую цитату из статьи С. Накамото: «Мы определяем электронную монету ... как цепочку цифровых подписей. Каждый собственник передает монету следующему собственнику, ставя цифровую подпись под значением хеш-функции предыдущей транзакции и публичным ключом следующего собственника, а затем присоединяя это к концу цепочки. Для подтверждения подлинности цепочки владения монетой получатель платежа может проверить все подписи [в цепочке]».

⁴⁵⁰ Кузнецов Ю.В. Указ. соч.

При этом автор делает оговорку о том, что речь идет о криптоактивах («монетах»), реализованных в виде отдельных цифровых сущностей или единиц, передаваемым от одного владельца к другому (Биткойн), – в блокчейне хранится информация о последовательной смене владельцев каждой единицы, но не существует никаких счетов владельцев; а есть системы, где фиксируется не последовательность перехода прав на отдельную единицу криптовалюты или токена, а количество этих единиц на счетах пользователей системы (Эфириум) – последние аналогичны бездокументарным ценным бумагам и не рассматриваются в данной статье.

⁴⁵¹ Ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

форму, а значит, не являющихся вещами?»⁴⁵². Преимуществом документарных ценных бумаг перед бездокументарными автор называет отсутствие требования ведения реестра счетов неким доверенным посредником (подобно криптоактивам), что защищает от злоупотреблений со стороны этого посредника. Таким образом, Ю.В. Кузнецов приходит к выводу о возможности существования документарных ценных бумаг в электронной форме, разновидностью которых предлагает считать криптовалюту⁴⁵³. Эти рассуждения, к сожалению, имеют мало смысла, так как традиционные криптовалюты не имеют обязанного к некоему имущественному предоставлению лица, которое бы могло удовлетворить кредитора некоего субъективного права, а потому считать криптовалюту ценной бумагой не получится. Однако, если обратиться к определению цифровых валют в российском законодательстве, то стоит обратить внимание на то, что, строго говоря, оно не отрицает возможность относительного требования от держателя криптовалюты к ее эмитенту.

Так, закон определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (ч. 3 ст.1 ФЗ «О ЦФА»).

⁴⁵² Кузнецов Ю.В. Указ. соч.

⁴⁵³ Там же.

Таким образом, законодатель выделяет два признака цифровой валюты (криптовалюты): 1) цифровая валюта не номинируется в рублях или иностранной валюте, то есть не является деньгами с точки зрения государственной теории денег; 2) цифровая валюта не предоставляет их обладателю права требования, в отличие от цифровых прав.

Однако можно ли говорить о праве требования в случае, когда разработчики/эмитенты криптовалюты обещают дополнительный технический функционал, сопряженный с криптовалютой, или планирует создать новые сервисы на ее основе?⁴⁵⁴

Буквальное прочтение нормы закона означает, что обладатель криптовалюты может иметь некое право требования к оператору или узлам информационной системы, выражающееся в том, что эти обязанные лица должны обеспечить нормальное функционирование правил этой информационной системы. Соответственно, если речь идет о системе распределенного реестра, то очевидно, что такой функционал видится в меньшей степени, чем если бы мы говорили о цифровой валюте, выпущенной в информационных системах другого типа. Между тем, содержание данной «обязанности» остается неясным и при большом желании под нее можно попытаться подвести обязанности, аналогичные обязанности кредитной организации по договору банковского счета (ст. 845 ГК РФ). Также можно попытаться прочесть эту «обязанность» и еще шире – в том смысле, что если система допускает некий дополнительный функционал, то пользователи криптовалюты получают право требования некоего иного предоставления, которое должен будет обеспечить оператор системы.

Против таких толкований, а значит против поиска обязательственного правоотношения в российском понятии криптовалюты, может

⁴⁵⁴ Так, например, криптовалюта Waves может использоваться также структурирования смарт-контрактов, а не только для платежей. См., <https://currency.com/ru/chto-takoe-kriptovalyuta-waves>. В равной же степени разработчики криптовалюты Gram обещали наделить ее неким дополнительным, по отношению к платежному, функционалом. См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Gram>

свидетельствовать лишь телеологическое толкование нормы. Если бы законодатель хотел допустить (пусть и не в качестве общего правила, а как альтернативу) классическое право требования как элемент содержания понятия криптовалюты, он бы прямо атрибутировал такую криптовалюту как вид цифровых финансовых активов, где такое право требования уместно. В нашем же случае формулировка явно предполагает, что «требовательская» часть понятия криптовалюты носит вспомогательный характер. Тем не менее, ни степень такой вспомогательности, ни гипотетическая возможность применения к таким криптовалютам положений о цифровых финансовых активах не помогают ответить однозначно на вопрос о том, допустимо или нет существование в российском правовом поле криптовалюты с каким-либо правом требования внутри. Мы вынуждены лишь посетовать на неоднозначность формулировки нормы и подчеркнуть, что по смыслу закона если это право и есть, то только в тех криптовалютах, информационные системы которых имеют оператора, которого можно попытаться квалифицировать как лицо, обязанное к конкретным действиям в отношении управомоченного субъекта (так называемые централизованные системы). В традиционных криптовалютных системах (типа протокола биткойна) такого обязанного лица нет, а потому ни правом требования, ни особой ценной бумагой такие криптовалюты признать нельзя, особенно в связи с тем, что реализация правовых возможностей присвоения управомоченным лицом в нашем случае осуществляется им исключительно в результате собственных действий.

Мы согласны с общим мнением Л.А. Новоселовой, справедливо отметившей, что необходимость в квалификации токенов в качестве ценных бумаг отсутствует⁴⁵⁵, однако это не исключает возможности распространения

⁴⁵⁵ Нормы ГК РФ устанавливают положения, касающиеся: 1) формы ценных бумаг; 2) ограничения возражений обязанного лица по ним; 3) особенностей передачи прав, защиты добросовестного приобретателя ценной бумаги; 4) определяют способы легитимации обладателя права. «Эти правила не имеют смысла применительно к системе учета на базе блокчейн, где их исполнение обеспечивается технологически, с помощью правил программного кода и криптографического подтверждения владения и передачи». См.: Новоселова Л.А. Указ. соч.

на токены Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» как на производные финансовые инструменты⁴⁵⁶. В целом же токен, по ее мнению, может быть признан самостоятельным объектом (по аналогии с ценной бумагой), но сейчас сложно об этом говорить, так как токены из-за различий в целях и функциях систем блокчейна не могут быть объединены в одну категорию⁴⁵⁷.

Против точки зрения о распространении на криптовалюту положений о бездокументарных ценных бумагах⁴⁵⁸ могут быть выдвинуты вполне формальные аргументы. Бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ (п. 1 ст. 142 ГК РФ). Во-первых, безусловным аргументом против такого распространения свидетельствует тот факт, что согласно п. 2 ст. 142 ГК РФ ценными бумагами могут являться лишь такие объекты, которые прямо поименованы законом или признаны таковыми в установленном законом порядке. Во-вторых, как было указано выше, передача криптовалюты другому лицу не влечёт возникновения никаких обязательственных прав в отношении третьего лица. В-третьих, при выпуске и обороте криптовалют никакие формальности, связанные с эмиссией и распространением бездокументарных ценных бумаг, предусмотренные законом, не соблюдаются⁴⁵⁹. В-четвёртых, поскольку нельзя узнать конкретного эмитента традиционной криптовалюты,

⁴⁵⁶ «Юридический анализ правоотношений, возникающих при выпуске (приобретении) токенов некоторых систем, даже при действующем регулировании позволяет квалифицировать их в ряде случаев в качестве производного финансового инструмента (ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг)». См.: Там же.

⁴⁵⁷ 1) Платежные токены не содержат ограничений по лицам и товарам, а токены, закрепляющие имущественные права, предоставляют владельцу возможность получить конкретный и точно определенный актив; 2) Отличаются токены, закрепляющие права на внешний актив (иные самостоятельные объекты, существующие независимо от самой системы со своим собственным правовым режимом) и токены, фиксирующие права, реализуемые исключительно в самой сети, не соотносимые с другими объектами. См.: Там же.

⁴⁵⁸ Арнаутков Д.Р., Ерохина М.Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. №4. С. 148-157 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁵⁹ Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. №8. С. 136 – 153 // СПС «Консультант Плюс».

не представляется возможным определить ответственное лицо за возможные нарушения⁴⁶⁰.

А.И. Савельев также выступает против того, чтобы считать криптовалюту бездокументарной ценной бумагой или распространять на нее положения о них, и приводит дополнительные аргументы в подтверждение своей позиции. Так, он отмечает, что в текущем законодательстве отсутствуют формальности, связанные с эмиссией и распространением криптовалюты, что делает их непохожими на бездокументарные ценные бумаги. Кроме того, ценная бумага в отличие от криптовалюты не может бесконечно делиться⁴⁶¹. Более того, криптовалюты можно фактически уничтожить (например, отправив на несуществующий кошелек), а бездокументарную ценную бумагу – ни при каких обстоятельствах нельзя⁴⁶².

Все вышесказанное свидетельствует, что традиционные понятия объектов гражданских прав малопригодны для объяснения природы криптовалюты. В этой связи ожидается, что одним из самых первых предложений было квалифицировать криптовалюту в качестве иного имущества⁴⁶³, что позволяет хотя бы каким-то образом легитимировать криптовалюты и сделки с ними. Порой и судебной практикой криптовалюта признаётся иным имуществом по смыслу ст. 128 ГК РФ⁴⁶⁴, несмотря на то, что данная квалификация поддерживается не всеми исследователями⁴⁶⁵.

Д.В. Федоров приводит следующие аргументы в пользу квалификации криптовалюты в качестве иного имущества: во-первых, этого достаточно для

⁴⁶⁰ Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. №1. С. 81 – 91 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶¹ См.: Янковский Р. Почему юристы никак не договорятся о криптовалютах // Geektimes. 2017. 10 июля // URL: <https://geektimes.ru/post/290953/>

⁴⁶² Там же. К слову, учитывая вышеприведенные аргументы, сомнительным выглядит тезис о том, что криптовалюты и ценные бумаги сходны по своим свойствам и способны «менять окрас» в зависимости от запросов оборота. См. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Там же.

⁴⁶³ Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. №8. С. 136-153 // СПС «Консультант Плюс»; Губин Е.П. Теория и практика правового регулирования предпринимательской деятельности: соотношение и взаимосвязь // Предпринимательское право. 2018. №1. С. 3-9 // СПС «Консультант Плюс»; Грибанов А. Указ. соч.

⁴⁶⁴ См. например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.

⁴⁶⁵ Так, например, Успенский М. полагает, что в целом категория «иное имущество» является рудиментом советского права. См.: Успенский М. Указ. соч.

констатации того, что криптовалюта может выступать объектом относительных правоотношений; во-вторых, она может быть предметом договорных обязательств и обязательств из неосновательного обогащения, а также объектом защиты деликтного права; в-третьих, ввиду наличия в российском праве принципа генерального деликта с формальной точки зрения у нас существует меньшая необходимость, чем в Германии, признавать наличие самостоятельного права на криптовалюту (защита от внедоговорного причинения вреда осуществляется на основании ст. 1064 ГК РФ); в-четвертых, криптовалюта принципиально может выступать объектом абсолютных прав, так как ее обладатель получает над ней исключительное господство с помощью приватного ключа («владение»), отстраняя тем самым третьих лиц. С возможностью признания криптовалюту иным имуществом согласна и Л.Г. Ефимова⁴⁶⁶.

Французское и германское право также делают акцент на имущественной ценности криптовалюты, которая представляет собой нематериальное благо, однако делает вывод о невозможности ее подведения ни под один существующий объект гражданских прав⁴⁶⁷. Таким образом, она является объектом *sui generis*.

Судебная практика арбитражных судов последние несколько лет в целом стала благосклоннее относиться к сделкам с криптовалютой. Судей перестало смущать отсутствие упоминания криптовалюты в ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта гражданских права. В судебных актах указывается, что криптовалюта относится к «иному имуществу».

Вместе с тем суды общей юрисдикции по-прежнему признают сделки с криптовалютой недействительными⁴⁶⁸. Так, например суд признал, что договор мены, который предполагает обмен криптовалюты на вещь, не может

⁴⁶⁶ Автор также говорит о возможности введения нового объекта гражданского права «цифровое имущество». Подробнее см.: Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право, 2019, № 4 // СПС «Консультант Плюс».

⁴⁶⁷ *Vauplane H. de*. *Op. cit.*; Федоров Д.В. Указ. соч.

⁴⁶⁸ Решение Промышленного районного суда города Самары от 15.02.2021 по делу № 2-1317/2021.

быть заключен по российскому праву, поскольку криптовалюта не упомянута в ст. 128 ГК РФ⁴⁶⁹. В другом деле суд, признавая криптовалюту иным имуществом, указал, что она не может быть предметом договора займа, поскольку не упомянута в ст. 807 ГК РФ (хотя что мешало суду расширительно истолковать ст. 807 ГК РФ или хотя бы признать такой договор непоименованным, к которому по аналогии применяются нормы о договоре займа?). Тем не менее встречается и противоположная практика, где такие договоры признаются, а права займодавца защищаются, в том числе и право на получение процентов по ст. 809 ГК РФ⁴⁷⁰.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что криптовалюты представляют собой особый объект, не сводимый к деньгам в юридическом смысле. Криптовалюты не могут быть квалифицированы в качестве денежного суррогата, так как не выполняют в полной мере функции денег. При этом в отечественной системе гражданского права, будучи объектом *sui generis*, они должны быть квалифицированы в качестве «иного имущества», что в свою очередь не снимает проблему в определении того, какие именно положения гражданского законодательства могут быть применены к этим особым объектам.

Вместе с тем, функциональная близость криптовалют с деньгами позволяет ставить следующий логически вопрос о том, могут ли к отношениям по поводу криптовалют напрямую или по аналогии быть применены нормы, касающиеся денежных обязательств. Это отмечается и в немецкой литературе: так, П.Й. Пеш указывает, что режим денежного обязательства в Германии требует от должника уплаты «любого платежного средства, удостоверенного государствами или уполномоченными организациями в качестве носителя стоимости для публичного оборота безотносительно общего обязательства

⁴⁶⁹ Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 19.01.2021 по делу № 33-173/2021, 2-4939/2020.

⁴⁷⁰ Решение Преображенского районного суда города Москвы от 25.11.2019 по делу № 2-6378/2019; Решение Зюзинского районного суда города Москвы от 29.05.2020 по делу № 2-1040/2020.

государств принимать такие носители стоимости»⁴⁷¹. Следовательно, даже если криптовалюты не обладают указанными общими свойствами денег, во всяком случае целесообразно проанализировать вопрос о том, могут ли криптовалюты рассматриваться в качестве эквивалента денег в тех отношениях, где имеются на то намерения сторон⁴⁷².

Так, например, французское право, которому знакомо деление обязательств на денежные (*obligations pecuniaires / monétaires/ obligations de somme d'argent*) и неденежные (*obligations en nature*), относит обязательство по передаче криптовалюты к последней категории. Это означает, что в отношении них не действует специальное регулирование, присущее денежным обязательствам⁴⁷³: принцип номинализма; специальное регулирование порядка исполнения денежных обязательств (ст. 1343–1343.5 ГК Франции); начисление процентов за неисполнение денежных обязательств; невозможность начисления астрента при присуждении денежных средств; специальные условия реституции и т. д.

Именно поэтому соответствующие теории рассматриваются в разделе, связанном с обязательством о передаче криптовалют.

Так, Б. Бек говорит, что содержание денежного обязательства обычно характеризуют как предоставление абстрактной имущественной власти (*abstrakter, unkörperlicher Vermögensmacht*), под которой понимается создание возможности обменять полученную «величину стоимости» на иные товары или услуги. Хотя часть доктрины утверждает, что понятие денежного обязательства должно быть связано с деньгами в юридическом смысле (государственная теория денег), есть точка зрения, что режим законного платежного средства и других юридически признанных форм денег не является обязательным условием. Из этого следует, что криптовалюта также может передавать достаточное количество имущественной власти

⁴⁷¹ *Pesch P.J.* Opt. cit. S. 78, с указ. ссылками.

⁴⁷² *Ibid.* S. 81.

⁴⁷³ *Terre F., Simler P., Lequette Y., Chenede F.* Opt. cit. P. 394.

(Vermögensmacht) и быть предметом денежного обязательства⁴⁷⁴. Это тем вероятнее, чем охотнее оборот принимает криптовалюту как средство обмена и чем меньше информационные издержки, связанные с определением ее стоимости⁴⁷⁵. Другие авторы обосновывают применимость к обязательству по уплате криптовалюты (которое не является денежным обязательством) норм о денежных обязательствах посредством применения принципа свободы договора⁴⁷⁶.

В любом случае, по итогам проведенного анализа возможно констатировать наличие пробела в праве, так как попытка отнести криптовалюты к иному имуществу не дает ответ на вопрос, какие правила применяются к обороту такого нового объекта⁴⁷⁷, а потому очевиден вопрос о

⁴⁷⁴ Обязательство по уплате криптовалюты следует понимать именно как денежное обязательство и применять к ним соответствующие нормы (за исключением норм, связанных с законным платежным средством), поскольку при решении вопроса стоит ориентироваться на цель денежного обязательства: абстрактную передачу имущественной ценности (*Weiss A. Zivilrechtliche Grundlagenprobleme von Blockchain und Kryptowährungen // JuS 2019, 1050. S. 1055-1056*).

⁴⁷⁵ См.: *Beck B. Opt. cit. S. 581*.

⁴⁷⁶ *Omlor S. Opt. cit. S. 318-322*.

⁴⁷⁷ См.: *Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе // Вестник гражданского права. 2006. №№ 1, 2 // СПС «Консультант Плюс»*.

Относительно статуса криптовалюты и ее позиционирования в качестве денег, типичной для судебной практики является следующая аргументация: «Поскольку в настоящее время понятие криптовалюты действующим законодательством не определено, не установлены специальные требования к порядку ее обращения, правовой статус криптовалют не определен, существо отношений, связанных с оборотом криптовалют не позволяет применить к криптовалютам по аналогии нормы регулирующие сходные отношения» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019). Основной причиной, по которой суды отказывались применять к криптовалюте какую-либо аналогию, в том числе, о деньгах и денежных обязательствах, было отсутствие специального регулирования. Интересно посмотреть, как изменилась практика в связи с принятием ФЗ «О ЦФА». В подобных делах «спасительным кругом» для судей, который позволяет им придерживаться прежней позиции, стали нормы о действии закона во времени: «Поскольку гражданско-правовые отношения между истцом и ответчиком возникли до принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ, судом применяются положения действующего на тот момент законодательства. Поскольку в спорный период понятие криптовалюты действующим законодательством не было определено, не были установлены специальные требования к порядку ее обращения, правовой статус криптовалют не был определен, существо отношений, связанных с оборотом криптовалют, не позволяет применить к криптовалютам по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения» (Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2021 № 12АП-5040/2021 по делу № А57-15876/2020; Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2021 по делу № А57-15876/2020).

В судебной практике пока отсутствуют дела, в которых предметом рассмотрения являются отношения по поводу использования криптовалюты, возникшие после принятия ФЗ «О ЦФА» (возможно из-за содержания п. 5 ст. 14 ФЗ «О ЦФА»). Поскольку судебная практика еще «не настоялась», делать вывод о неденежном характере криптовалюты и криптообязательств преждевременно, особенно учитывая то, что прежде отказ судов в применении «денежной» аналогии обосновывался лишь отсутствием позитивного регулирования статуса цифровой валюты, в отношении которой в настоящий момент признано, что она «может быть принята в качестве средства платежа», пусть и в довольно ограниченном числе случаев.

том, можно ли применять к криптовалютным обязательствам правила о денежных обязательствах по аналогии закона⁴⁷⁸.

При этом аналогия как таковая основана не только на пробелах (они в западном праве неизбежны), но главное – на сходстве существа регулируемых отношений. К примеру, если «криптовалюта» не деньги, а эквивалент товара (услуг) по условиям договора, тогда к ней применимы общие положения о надлежащем исполнении договора, а не о денежных обязательствах.

Существует множество различных подходов в вопросе об условиях и применении аналогии, однако это является отдельной проблемой за рамками диссертационного исследования. Мы останавливаемся на следующей позиции: при применении аналогии прежде всего требуется установить намерение законодателя урегулировать разные отношения схожим образом⁴⁷⁹. Учитывая сказанное выше, а именно тот факт, что законодатель явно стремится установить для криптовалют ограничительное регулирование в специальном законе, следует признать, что возможность распространения на криптовалютные обязательства правил об обязательствах по передаче денег в юридическом смысле следует доказывать в каждом конкретном случае⁴⁸⁰.

Ярким примером вопроса о применимости норм о денежных обязательствах к криптообязательствам являются проценты по ст. 395 ГК РФ, подлежащие уплате за неисполнение денежных обязательств. Интерес

⁴⁷⁸ Ср. с указанным выше решением Коммерческого суда Нантера (Франция) от 26 февраля 2020 г. (*Capdeville J. L. De quelques précisions intéressant le bitcoin et le prêt de bitcoins / T. com. Nanterre, 26 février 2020, n° 2018F00466 // URL: <https://www.lexbase.fr/revues-juridiques/57260658-jurisprudence-de-quelques-precisions-interessant-le-ibitcoin-i-et-le-pret-de-ibitcoins-i>).*

⁴⁷⁹ См., *Быдлински Ф.* Указ. соч.

⁴⁸⁰ Следует признать, что суды не справляются с задачей гражданско-правовой квалификации отношений, связанных с криптовалютами. Так, со ссылкой на отсутствие позитивного регулирования, неясность содержания термина «иное имущество» они, к примеру, отказываются применять к передаче криптовалюты положения ГК о задатке (см., Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 № Ф05-7100/2021 по делу № А41-4212/2020; Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020), займе (см., Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2022 по делу N 33-4714/2022), коллективном привлечении инвестиций (Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.11.2019 по делу № А40-164942/19-27-1380, а также Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165), доверительным управлением (Решение Савеловского районного суда города Москвы от 09.11.2021 по делу № 2-2888/2021). Более того, те же аргументы послужили основанием для отказа во взыскании убытков в виде упущенной выгоды майнеру, который не мог в течение определенного времени «генерировать» криптовалюту из-за нарушения своих обязательств энергоснабжающей организацией (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.10.2021 № Ф06-9272/2021 по делу № А57-15876/2020).

участников оборота в применении правил о процентах по ст. 395 ГК РФ понятен: кредитору довольно сложно доказать убытки от нарушения должником обязательства по передаче такого волатильного объекта, как цифровая валюта. Безусловно, стороны в договоре могут установить неустойку за неисполнение криптообязательств. Однако если договор не содержит такого условия, встает вопрос о действии дефолтного правила. Нормы об охранительных процентах не могут применяться в порядке аналогии в связи с отсутствием идентичности цели законодателя. Размер процентов, подлежащих уплате, привязан к ключевой ставке Банка России. Очевидно, ключевая ставка Банка России не имеет никакого отношения к котировке криптовалют. Таким образом, законодатель явно не хотел урегулировать ответственность за нарушение криптообязательств, а по сути – вопрос о дефолтной ценности долга в данном случае, привязав размер подлежащих уплате процентов к ключевой ставке Банка России⁴⁸¹.

Основания для применения в порядке аналогии закона нормы о месте исполнения денежного обязательства (п. 1 ст. 316 ГК РФ) к обязательствам по передаче криптовалюты также отсутствуют, поскольку в таких обязательствах финансовые учреждения не являются основными кредиторами и необходимость защиты их интересов отсутствует.

Отсутствуют основания применения к криптообязательствам по аналогии специальных правил об уступке денежных требований, поскольку указанные правила оправданы скорее спецификой субъектного состава отношений (кредитные организации, секьюритизирующие долговые требования), а не их особой структурой.

Единственным исключением о применении к криптообязательствам в порядке аналогии закона норм о денежных обязательствах является

⁴⁸¹ Как видно, порой указанную методологию аналогии пытаются обходить через прямое отнесение криптовалюты к известным объектам прав (например, движимым вещам) и исключения аналогии как таковой вовсе. Кроме аргументации против таких приемов, изложенной выше, стоит также не согласиться и с огульным распространением норм о денежных требованиях. Ср., например, *Никитин Д.В.* Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование. Автореф. диссертации на соискание степени канд. юрид. наук. – Казань, 2023 С. 15.

презумпция валютной оговорки, в соответствии с которой денежное обязательство исполняется в национальной валюте, если оно не может быть исполнено в иностранной валюте. Смысл этого правила состоит в упрощении процессуального порядка исполнительного производства, которое не предполагает возможности принудительного взыскания иностранной валюты. Представляется, что, если криптообязательства в силу публично-правовых ограничений на использование цифровой валюты не могут быть исполнены посредством ее предоставления кредитору, то в соответствии с презумпцией валютной оговорки долг по передаче криптовалюты должен подлежать перерасчету и быть погашен в национальной валюте. Возможность применения валютной оговорки к криптообязательствам также была обоснована в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴⁸².

Определение природы обязательств по передаче криптовалюты и обоснованности применения к ним норм о денежных обязательствах заметно усложняется в отношении сделок с цифровой валютой, которая конвертируется в права требования. Например, по договору кредитор принимает криптовалюту, которая по условиям ее обращения трансформируется в утилитарный токен. Можно ли в этом случае говорить об обязательстве по предоставлению отступного? Не вдаваясь в пространные рассуждения, можно отметить следующее. Как представляется, тут стоит говорить не о применении норм о денежных обязательствах по аналогии, а попытаться применить по аналогии нормы об альтернативном обязательстве, выбор по которому был бы осуществлен по заранее данному согласию стороны сделки. При таком толковании воля законодателя на «аналогичность» применения правовых норм представляется вполне явственной.

⁴⁸² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс».

Заключение

Государственная теория денег была воспринята большинством правопорядков, так как именно благодаря ей догматика правового регулирования оборота смогла адаптировать к своим собственным нуждам такое многогранное и противоречивое явление экономики, как деньги. Эта прагматическая цель позволила наделить деньги уникальными свойствами объекта права, которые отделяли их от других объектов – в частности, именно благодаря государственной теории получил обоснование принцип номинализма, а сам объект был признан делимым по своей сути.

Гражданский оборот неоднократно подвергал господство государственной теории денег сомнению, что становилось и становится очевидным в периоды финансовых кризисов, приводящих к девальвации национальной валюты. Однако догматическая система неизменно находит ответ на подобные нападки, задействуя свои классические инструменты балансировки правоотношений – к примеру, доктрину инфляционных убытков, «отпадения основания сделки» (в праве России – существенного изменения обстоятельств), оставляя принцип номинализма и саму концепцию денег неизменной.

Последнее яркое свидетельство данного подхода – попытка номинировать криптовалюты в качестве новой юридической формы денег. Как видно из анализа литературных источников и нормативного материала, данные попытки не увенчались успехом в том смысле, что гражданское право не смогло выработать однозначного ответа на вопрос о том, можно ли применить к криптовалюте традиционные положения о деньгах. Во всех случаях право развитых правопорядков допускает максимум применение к криптовалюте этих положений по аналогии.

В основе попыток признания за криптовалютой юридического «денежного» статуса лежит не только и не столько объективное стремление к

улучшению механизма расчетов, сколько психологическое желание участников рынка использовать в своей текущей деятельности актив, в меньшей степени подверженный экономическим рискам, детерминированным национальным аппаратом государственного принуждения. Дело, таким образом, не столько в недостатках догматической модели, сколько в свойствах права как такового, а потому анализ криптовалюты как явления права со стороны многих авторов априори выступает неблагоприятным занятием. Главная проблема правового статуса криптовалют заключается не в признании или же, наоборот, непризнании их правопорядком, а в пределах, которые классическая догматическая система допускает для применения к ней норм о денежных обязательствах по аналогии права. Свидетельством верности этой мысли является тот факт, что в тех случаях, когда правопорядок хочет минимизировать препоны для применения этих норм, он говорит о цифровых валютах центральных банков, а не о криптовалюте в классическом ее понимании.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021);
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ;
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ;
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ;
5. Декрет президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики»;
6. Директивы 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза;
7. Единообразный торговый кодекс США / Пер. с англ. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996;
8. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
9. Информация Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)»;
10. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок "виртуальных валют", в частности, Биткойн» // «Вестник Банка России», № 11, 05.02.2014 // СПС «Консультант Плюс»;
11. Информация Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 06.02.2017 «В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось совещание по вопросу правомерности использования анонимных платежных систем и криптовалют». URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-86432/>;

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021);

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);

14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) (СПС «КонсультантПлюс»);

15. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 3. // СПС «КонсультантПлюс»;

16. Концепция цифрового рубля. М., 2021 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf;

17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021);

18. Письмо Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996;

19. Письмо Минфина России от 29.04.2014 № 03-01-РЗ/20100;

20. План-график Минфина России // URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=64998;

21. Поручение первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова от 02.07.2014 № ИШ-П13-4046 об установлении ответственности за использование денежных суррогатов и запрета на обращение криптовалют;

22. Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 25.03.2014 № Пр-604;

23. Постановление СТО от 29.02.1924;

24. Постановление ЦИК и СНК СССР от 31.05.1935 (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. №30. Ст. 234);

25. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс»;

26. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»// СПС «Консультант Плюс»;

27. Пресс-релиз Банка России от 04.09.2017 «Об использовании частных "виртуальных валют (криптовалют)»». URL: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm);

28. Проект изменений в разделы I, II, III, VI, VII Гражданского кодекса Российской Федерации, подготовленный Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на основании и во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»);

29. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.04.2016) // СПС «Консультант Плюс»;

30. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «Консультант Плюс»;

31. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) // СПС «Консультант Плюс»;

32. Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р (ред. от 20.06.2020) «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года»;
33. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ;
34. Уголовный кодекс Франции;
35. Федеральный закон от 10.05.1995 № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации»;
36. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»;
37. Федеральный закон от 10.12.2003 № 73-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021);
38. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021);
39. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»;
40. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
41. Федеральный закон от 27.06.2011 №161-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.10.2023);
42. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021);
43. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023);

44. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23.04.2018 №175-2/2018) // СПС «Консультант Плюс»;

45. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht. Bitcoins: Aufsichtliche Bewertung und Risiken für Nutzer. 19.12.2013 / URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/2014/fa_bj_1401_bitcoins.html;

46. Code civil des français // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070721/>;

47. FATF Report: Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks. June 2014;

48. FinCEN. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencie;

49. Les dangers liés au développement des monnaies virtuelles: l'exemple du bitcoin / Banque de France. Focus. № 10. 5 décembre 2013 // URL: https://publications.banque-france.fr/sites/default/files/medias/documents/focus-10_2013-12-05_fr.pdf;

50. Loi n° 2019-486 du 22 mai 2019 relative à la croissance et la transformation des entreprises// URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038496102/>;

51. Notice on Further Preventing and Disposing of the Risk of Hype in Virtual Currency Trading 24.09.2021.

II. Судебная практика

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 по делу № 33-3487/2017;

2. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 19.01.2021 по делу № 33-173/2021, 2-4939/2020;
3. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18.08.2015 по делу № 33-8156/2015;
4. Апелляционное определение Самарского областного суда от 15.01.2014 № 33-587/2014;
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 июня 2018 г. № 33а-12820/2018 по делу № 2-10119/2016;
6. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31.07.2018 по делу № 33-3142/2018;
7. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1971. № 3;
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2002 г. № 69 // Вестник ВАС РФ. 2003. №1;
9. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 ноября 2002 г. № 70 «О применении арбитражными судами статей 140 и 317 Гражданского кодекса Российской Федерации»;
10. Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены. П. 3;
11. Определение Арбитражного суда Вологодской области от 15 августа 2016 г. по делу №А13-15648/2015;
12. Определение Арбитражного суда Московской области от 19.12.2016 по делу №А41-94274/15 // СПС «Консультант Плюс»;
13. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020;
14. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165;
15. Определение КГД ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-151;
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.05.2021 № Ф05-7100/2021 по делу № А41-4212/2020;

17. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.10.2021 № Ф06-9272/2021 по делу № А57-15876/2020;
18. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.10.2018 № Ф06-38270/2018 по делу № А57-21957/2017;
19. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2018 № 08АП-14834/2018 по делу № А70-7488/2018;
20. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2021 № 12АП-5040/2021 по делу № А57-15876/2020;
21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09АП-76537/2019 по делу № А40-164942/2019;
22. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017;
23. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2018 № 09АП-3325/2018 по делу № А40-114742/17 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2018 № Ф05-9327/2018 данное постановление оставлено без изменения);
24. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2016 № 09АП-8243/2016-ГК по делу № А40-83845/15;
25. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2016 № 10АП-15386/2015 по делу № А41-53872/15 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2016 № Ф05-5464/2016 данное постановление оставлено без изменения);
26. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 02.03.2016 № 10АП-16874/2015 по делу № А41-83342/14;
27. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2017 № 10АП-5908/2017 по делу № А41-15698/16 (Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2017 № Ф05-12223/2017 данное постановление оставлено без изменения);
28. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2016 № 10АП-3409/2016 по делу N А41-86940/15;

29. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2016 № 10АП-8683/2016 по делу № А41-10813/16;

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Глория"»;

31. Постановление Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации»;

32. Постановление Президиума ВАС РФ от 25 ноября 1997 г. № 4516/96;

33. Постановление Шестого ААС от 01.04.2016 по делу № 06АП-552/2016;

34. Постановление ФАС МО от 25 декабря 2002 г. по делу № КГ-А41/8335-02;

35. Постановление ФАС МО от 31 октября 2002 г. по делу № КГ-А40/7346-02;

36. Постановление ФАС СЗО от 26 июля 2002 г. по делу № А52/2755/01/1;

37. Постановление ФАС СЗО от 5 декабря 2001 г. по делу № А26-1864/01-01-12/86;

38. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.02.2016 по делу № А40-83845/15-54-532;

39. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.11.2019 по делу № А40-164942/19-27-1380;

40. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21.04.2021 по делу № А57-15876/2020;

41. Решение Зюзинского районного суда города Москвы от 29.05.2020 по делу № 2-1040/2020;

42. Решение Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга от 14.07.2021 по делу № 2-2582/2021;
43. Решение Преображенского районного суда города Москвы от 25.11.2019 по делу № 2-6378/2019;
44. Решение Промышленного районного суда города Самары от 15.02.2021 по делу № 2-1317/2021;
45. Решение Промышленного районного суда города Самары от 18.04.2018 по делу № 2-1919/2018~М-1219/2018;
46. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 09.11.2021 по делу № 2-2888/2021;
47. Décision 26 avril 2018 N°417809, 418030, 418031, 418032, 418033 // URL: <https://www.revuegeneraledudroit.eu/blog/decisions/conseil-detat-26-avril-2018-requete-numero-417809-requete-numero-418030-requete-numero-418031-requete-numero-418032-requete-numero-418033/>;
48. Tribunal de commerce de Nanterre, 26 février 2020, n° 2018F00466.

III. Научная литература

1. *Абрамова Е.Н.* К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. №3. С. 18–22 // СПС «Консультант Плюс»;
2. *Агарков М.М.* Гражданское и торговое право: источники, категории, институты, конструкции (педагогическое наследие): В 3 кн.: Учеб. пособ. для бакалавриата и магистратуры. Кн. 1. М.: Юрайт, 2018;
3. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. I. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002;
4. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940;

5. *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. 1. Спб., 1910;
6. *Анциферов О.Д.* Денежные средства на банковских счетах (о проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации) // *Хозяйство и право.* 2009. № 9;
7. *Анциферов О.Д.* Залог денежных средств на банковском счете. М.: Волтерс Клувер, 2011;
8. *Анциферов О.Д.* О гражданско-правовой природе безналичных расчетов // *Адвокат.* 2008. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»;
9. *Арнаутов Д.Р., Ерохина М.Г.* Цифровые активы в системе российского права // *Российский юридический журнал.* 2019. №4. С. 148-157 // СПС «Консультант Плюс»;
10. *Багаев В.* Большинство судов еще не пользуются теми возможностями, которые дает современное российское гражданское право [Интервью с А.С. Комаровым] // *Закон.* 2016. N 3. С. 6 - 15. // СПС «Консультант Плюс»;
11. *Бархатова Е.Ю.* Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. 256 с. // СПС «КонсультантПлюс»;
12. *Баикатов М.Л.* Криптовалюта с точки зрения юридической теории денег: попытка анализа // *Законодательство.* 2023. № 3. С. 6 – 17;
13. *Баикатов М.Л.* Принцип номинализма в денежных обязательствах (по английскому праву) // *Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова.* Статут, г. Москва, 2020. С. 373-404;
14. *Баикатов М.Л.* Современная теория денег с точки зрения классической германской догматики: генезис и современные вызовы // *Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики.* Сборник статей к юбилею Е.А. Суханова. Статут, г. Москва, 2018. С. 42–81;

15. *Башкатов М.Л.* Адаптация оригинальных теорий денег в цивилистике XX века / М.Л. Башкатов // Законодательство. 2017. № 1. С. 31 – 41;
16. *Башкатов М.Л.* Генезис юридических теорий денег и денежных обязательств в классической германской догматике / М.Л. Башкатов // Законодательство. 2016. № 6. С. 59 – 68;
17. *Башкатов М.Л.* «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с. // СПС «Консультант Плюс»;
18. *Башкатов М.Л.* Догматическая конструкция законного средства платежа // Вестник гражданского права. 2006. Т. 6. № 2;
19. *Башкатов М.Л.* Деньги как объект обязательственных правоотношений // Законодательство. 2003. № 4;
20. *Бевзенко Р.С.* Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. 80 с. Пункты 146-151 // СПС «Консультант Плюс»;
21. *Бевзенко Р.С., Егоров А.В.* Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах: Сб. статей к юбилею В.В. Витрянского. М., 2017;
22. *Белов В.А.* Денежные обязательства. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001;
23. *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. №5. С. 3 – 6 // СПС «Консультант Плюс»;
24. *Бельский К.С.* О юридической природе денег // Государство и право. 2005. № 12. С. 23 - 29;
25. Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности / А.Ю. Иванов (рук. авт. кол.), М.Л. Башкатов, Е.В. Галкова [и др.]; Нац. исслед. ун-т

«Высшая школа экономики», Ин-т права и развития ВШЭ – Сколково. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 237 с.;

26. *Богданова Е.Е.* Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108 – 118 // СПС «Консультант Плюс»;

27. *Боди Зви, Мертон Роберт.* Финансы / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000;

28. *Быдлински Ф.* Основные положения учения о юридическом методе // *Вестник гражданского права*. 2006. №№ 1, 2 // СПС «Консультант Плюс»;

29. *Василевская Л.Ю.* Гражданско-правовой режим цифровых денег: проблемы определения и толкования // *Хозяйство и право*, 2021, № 4. С. 3-18 // СПС «Консультант Плюс»;

30. *Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование). В 5-ти томах. Том 1 /отв. ред. Л.Ю. Василевская. Проспект. М., 2021. 288 с.;

31. *Васильев Е.А., Зайцева В.В., Костин А.А. и др.* Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Е.А. Васильева. М., 1993;

32. *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.; Л., 1948;

33. *Венкштерн М.* Основы вещного права // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / Пер. с нем. М., 2001. Кн. 2;

34. *Вильнянский С.И.* Кредитно-расчетные правоотношения. Учебное пособие. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1955;

35. *Винницкий А.В.* Публичная собственность. М., 2013 // СПС «Консультант Плюс»;

36. *Витрянский В.В.* Кредитный договор: понятие, порядок заключения и исполнения. М., 2005;

37. *Витрянский В.В.* Понятие и квалификация кредитного договора // Гражданское право. 2004. № 1;
38. *Вишневский А.А.* Банковское право Англии. М., 2000;
39. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 412 с. // СПС «КонсультантПлюс»;
40. *Габов А.В.* Ценная бумага в российском праве: некоторые страницы истории появления ее современного определения // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 46 – 52 // СПС «Консультант Плюс»;
41. *Гасников К.Д.* Условное депонирование движимого имущества как способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник арбитражной практики. 2019. № 3;
42. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6 - 8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 208 с. // СПС «Консультант Плюс»;
43. Гражданское право: учебник: в 4 т. /отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019;
44. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. I / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Изд-во БЕК, 1998;
45. *Грибанов А.* О правовой природе биткойна 09.10.2017 // URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/09/o_pravovoj_prirode_bitkojna;
46. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000;
47. *Громов А, Егоров А.* Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М., 2014;

48. *Губин Е.П.* Теория и практика правового регулирования предпринимательской деятельности: соотношение и взаимосвязь // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 3-9 // СПС «Консультант Плюс»;
49. *Гузов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018, № 5 // СПС «Консультант Плюс»;
50. *Дернбург Г.* Обязательственное право. М., 1911;
51. *Дернбург Г.* Пандекты. Т. I. Общая часть / под ред. П. Соколовского. М., 1906;
52. *Добрачев Д.В.* Взыскание основного денежного долга и убытков в гражданском праве России // 2009. СПС «Консультант Плюс»;
53. *Добрачев Д.В.* Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 168 с.;
54. *Добрачев Д.В.* Принцип формализации права требования о взыскании убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 156 - 167. // СПС «КонсультантПлюс»;
55. *Добрачев Д.В.* Развитие института возмещения убытков в свете модернизации Российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. 224 с. // СПС «КонсультантПлюс»;
56. *Егоров Ю.П.* Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск, 2004;
57. *Егорова М.А.* Биткоин как особый вид криптовалюты: понятие, значение и перспективы правового регулирования в предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. №6. С. 83-89 // СПС «Консультант Плюс»;
58. *Егорова М.А., Белых С.В., Решетникова С.Б.* Правовая природа криптовалюты, частноправовые проблемы регулирования // Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография / под

общ. ред. доктора юридических наук, профессора М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2021;

59. *Егорова М.А., Ефимова Л.Г.* Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 130 – 140 // СПС «Консультант Плюс»;

60. *Егорова М.А., Кожевина О.В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. №1. С. 81 – 91 // СПС «Консультант Плюс»;

61. *Ем В.С.* О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // *Вестник гражданского права*. 2014. №6. С. 140 -165 // СПС «Консультант Плюс»;

62. *Ем В.С.* О новом законодательном взгляде на ничтожность и оспоримость сделок / *Кодификация российского частного права 2015* / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 447 с. // СПС «Консультант Плюс»;

63. *Ерохова М.А.* Влияние девальвации рубля на договор аренды // *О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского*. М.: Статут, 2017;

64. *Ерошенко А.А.* Личная собственность в гражданском праве. М., 1973;

65. *Ефимова Л.Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право*, 2019, № 4 // СПС «Консультант Плюс»;

66. *Ефимова Л.Г.* Безналичные деньги – законное средство платежа // *Закон*. 2000. № 3;

67. *Ефимова Л.Г.* Правовые проблемы безналичных денег // *Хозяйство и право*. 1997. № 2;

68. *Ефимова Л.Г.* Банковские сделки: право и практика. М.: Издательство «НИМП», 2001;

69. *Ефимова Л.Г.* Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // *Юрист*. 2019. №3. С. 12 – 19 // СПС «Консультант Плюс»;

70. *Зейц А. Г.* Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (*clausula rebus sic stantibus*) // «Вестник гражданского права», 2013, № 5;
71. *Зинченко С., Газарьян Б.* Ничтожные и оспоримые сделки в практике предпринимательства // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 121 // СПС «Консультант Плюс»;
72. *Зом Р.* Институты: Учебник истории и системы римского гражданского права. Спб., 1910;
73. *Иванов А.А.* Правовые проблемы действия валютной оговорки в договорах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 5. С. 70 - 79. // СПС «КонсультантПлюс»;
74. *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003;
75. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975;
76. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / Отв. ред. С.И. Аскназий // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. СПб., 2003. Т. 1;
77. *Каранетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода договора и ее пределы. В 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 59 – 60 // СПС «Консультант Плюс»;
78. *Каранетов А.Г., Тузов Д.О.* Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. №5. С. 14 – 67 // СПС «Консультант Плюс»;
79. *Каримуллин Р.И.* Возврат кредита // Право и экономика, 2000. № 10, 11 // СПС «КонсультантПлюс»;
80. *Катков В.Д.* Общее учение о векселе. Харьков, 1903;
81. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Отв. ред. проф. О.Н. Садилов. М.: Юр. фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1997. С. 292 – 293;

82. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая / Под ред. проф. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат; Право и закон, 2002;

83. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Глав. ред. Л.А. Окуньков. М.: Изд-во БЕК, 1996;

84. *Крылов О.М.* Правовое регулирование действия закона Грешема в Российской Федерации // Финансовое право. 2015. № 10. С. 3-7 // СПС «Консультант Плюс»;

85. *Крылов О.М.* Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: монография / отв. ред. С.В. Запольский. С. 85 // СПС «Консультант Плюс»;

86. *Кузнецов Ю.В.* Криптоактивы как документарные ценные бумаги // «Закон», 2018, № 9 // СПС «Консультант Плюс»;

87. *Курбатов А.* Существенные условия и незаключенность договоров: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. 2012. № 6;

88. *Кучеров И.И.* Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. №2. С. 2-5 // СПС «Консультант Плюс»;

89. *Лавров Д.Г.* Денежные обязательства в российском гражданском праве: Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.03: Спб., 2000;

90. *Лагутин И.Б., Сусликов В.Н.* Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) // Финансовое право. 2018. №1. С. 25-29 // СПС «Консультант Плюс»;

91. *Лаптева А.М.* Правовой режим токенов // Гражданское право. 2019. №2. С. 29-32 // СПС «Консультант Плюс»;

92. *Литовченко М.* Деньги в гражданском праве. Киев, Типо-Литография И.Н. Кушнерева и К°, 1887;

93. *Луниц Л.А.* Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран. // Луниц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999;

94. *Луниц Л.А.* Денежное обязательство в иностранном гражданском и международном частном праве: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1946;
95. *Луниц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. - М.: Статут, 2004. - 350 с. (Классика российской цивилистики) // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/13/page_3.html#2;
96. *Магазинер Я.М.* Объект права // Правоведение. 2000. №6 (233). С. 202 – 213;
97. *Мансуров Г.З.* К проблеме пределов применения денежных суррогатов // Банковское право. 2004. № 4 // СПС «Консультант Плюс»;
98. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М. 2000;
99. *Нам К.* Правовая природа договора банковского счета // Хозяйство и право. 1996. № 7;
100. *Нам К.В.* Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна // Судья. 2019. № 2;
101. *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. 278 с. // СПС «Консультант Плюс»;
102. *Нам К.В.* Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 137 – 154 // СПС «Консультант Плюс»;
103. Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1997;
104. *Нерсесов Н.* Римское вещное право. М., 1894;
105. *Нерсесов Н.О.* О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. М., 1889;
106. *Никитин Д.В.* Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование. Автореф. диссертации на соискание степени канд. юрид. наук. – Казань, 2023

107. *Новоселова Л.А., Медведева Т.М.* О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право, 2021, № 6 // СПС «Консультант Плюс»;

108. *Новоселова Л.А.* О запрете использования криптовалют в законе о цифровых финансовых активах // Хозяйство и право, 2021. № 3. С. 3-8;

109. *Новоселова Л.А.* «Токенизация» объектов гражданского права // «Хозяйство и право», 2017, № 12;

110. *Новоселова Л.А.* «Цифровые деньги» в системе объектов гражданского права // Проблемы современного гражданского права : сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Москва : Статут, 2021;

111. *Новоселова Л.А.* О правовой природе биткойна // «Хозяйство и право». 2017. № 9;

112. *Новоселова Л.А.* Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. 192 с. // СПС «Консультант Плюс»;

113. *Новоселова Л.А.* Проценты по денежным обязательствам. М.: Статут, 2000;

114. *Новоселова Л.Г.* О понятии и правовой природе безналичных расчетов // Законодательство. 1999. № 1;

115. *Очхаев Т.Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М.: Статут, 2017. 208 с. // СПС «Консультант Плюс»;

116. *Плотников В.С., Плотникова О.В.* Свойства договорных обязательств, обеспечивающие признание выручки в бухгалтерском учете // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 24. С. 17 - 21. // СПС «КонсультантПлюс»;

117. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. М., 2002;

118. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998;

119. Правовое регулирование цифровых денег: монография /под ред. Е.Н. Абрамовой. – М.: Юстицинформ, 2022;

120. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с. // СПС «Консультант Плюс»;

121. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с. // СПС «Консультант Плюс»;

122. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010;

123. *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск, 2009;

124. *Ротко С.В.* Вексель, деньги и денежные обязательства: правовая регламентация в процессе развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 7 // СПС «Консультант Плюс»;

125. *Ротко С.В.* Чек как торговая ценная бумага // Юрист. 2010. № 8 // СПС «Консультант Плюс»;

126. *Савельев А.И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // «Закон». 2017. №8 // СПС «Консультант Плюс»;

127. *Савельев А.И.* Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36-51 // СПС «Консультант Плюс»;

128. *Савиньи Ф.К. фон.* Обязательственное право. М.: Типография А.В. Кудрявцевой, 1876;

129. *Савиньи Ф.К. фон.* Обязательственное право. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004;

130. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. Т.I / пер. с нем. Г.Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011;

131. *Саженов А.В.* Криптовалюты и денежные суррогаты: аспекты соприкосновения и разъединения понятий // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 57 – 60 // СПС «Консультант Плюс»8

132. *Саженов А.В.* Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 157 – 180 // «СПС «Консультант Плюс»;

133. *Сайфуллин Р.И.* Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10;

134. *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Цифровые активы: правовой анализ. – М.: 4 Принт, 2020 // СПС «Консультант Плюс»;

135. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права: Учеб. / Под ред. Д.В. Дождева. М.: НОРМА, 2007. 464 с.;

136. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2000;

137. *Сарбаш С.В.* Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебной практики. М.: Статут, 1999;

138. *Сарбаш С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с. // СПС «Консультант Плюс»;

139. *Сбежнев В.А.* Цифровые инвестиции в Российской Федерации // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2019. №12. С. 10-25 // СПС «Консультант Плюс»;

140. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.:

М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с. // СПС «Консультант Плюс»;

141. *Сеглин Б.С.* Дискриминация иностранной валюты // СПС «Консультант Плюс»;

142. *Сергеев А.П.* Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву: Сборник научных трудов. Вып. 11 / Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2004;

143. *Силантьев Д.Н., Хребет Н.С.* Противодействие выпуску и обращению денежных суррогатов // Законность. 2016. № 8. С. 16 – 17 // СПС «Консультант Плюс»;

144. *Синицын С.А.* Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография / С.А. Синицын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – М.: Инфотропик Медиа, 2020;

145. *Скловский К.И.* Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 7;

146. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М., 2001;

147. *Скловский К.И., Костко В.С.* О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7;

148. Советское гражданское право / Под ред. Д. М. Генкина. М., 1950. Т. 1;

149. Советское гражданское право: Учеб. / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1968. Т. 1;

150. *Соколов А.А.* Теория налогов. М., 2003;

151. *Степанченко А.В.* Валютная оговорка в договорах как способ преодоления инфляционных потерь // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18 - 19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / В.В.

Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 592 с. // СПС «Консультант Плюс»;

152. *Степанченко А.В.* Валютная оговорка и иные способы преодоления инфляционных потерь // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 167 – 172. // СПС «КонсультантПлюс»;

153. *Степанченко А.В.* Особенности оборота иностранной валюты в Российской Федерации. Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; отв. Ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем. М.: Статут, 2014. 272 с. // СПС «КонсультантПлюс»;

154. *Суханов Е.А.* Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. 1996. № 7;

155. *Суханов Е.А.* О частных и публичных интересах в развитии корпоративного права // Журнал российского права. 2013. №1 // СПС «Консультант Плюс»;

156. *Суханов Е.А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021 № 6;

157. *Суханов Е.А.* Право собственности и иные вещные права в России // Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999;

158. *Сухаренко А.* Суррогаты вредные? // ЭЖ-Юрист. 2015. №41. С. 2 // СПС «Консультант Плюс»;

159. *Тарасов И.* Кредит и бумажные деньги // Врем-к Демид. юр. лица. Ярославль, 1881;

160. *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997;

161. *Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б.* Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135 // СПС «Консультант Плюс»;
162. *Трофимов К.* Безналичные деньги. Есть ли они в природе? // Хозяйство и право. 1997. № 3;
163. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1998;
164. *Тузов Д.О.* Ничтожность и оспоримость сделок: классическая доктрина и проблемы российской цивилистики // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. М.; Екатеринбург, 2002;
165. *Тузов Д.О.* Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М., 2006;
166. *Тузов Д.О.* Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК) // Сборник научных статей памяти Е.А. Крашенинникова / Отв. ред. А.П. Сергеев. Ярославль, 2014;
167. *Тузов Д.О.* Общие вопросы недействительности сделок в проекте Концепции совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6;
168. *Тузов Д.О.* Общие учения теории недействительности сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2006;
169. *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007;
170. *Тузов Д.О.* Lex "quasi" perfecta? О новой редакции ст. 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9. С. 34 – 48 // СПС «Консультант Плюс»;
171. *Узойкин Д.А.* Гражданско-правовой режим иностранной валюты во внутреннем обороте Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 4 // СПС «Гарант-Максимум»;

172. *Усачева К.А.* Единая модель реституционных отношений в проектах реформирования французского и швейцарского обязательственного права (часть вторая: основные прикладные вопросы реституции) // Вестник гражданского права. 2016. № 1. С. 47 - 142. // СПС «КонсультантПлюс»;

173. *Усачева К.А.* Расчет компенсации в случае невозможности возврата полученного в натуре при расторжении нарушенного договора // Закон. 2017. № 6. С. 118 – 134 // СПС «Консультант Плюс»;

174. *Успенский М.* Легитимный биткоин. 13.12.2017 // URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/13/legitimnyj_bitcoin;

175. *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // «Вестник гражданского права», 2018, № 2;

176. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография / К.Т. Анисина, Б.Г. Бадмаев, И.В. Бит-Шабо и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с. // СПС «Консультант Плюс»;

177. *Флейшиц Е.А.* Расчетные и кредитные правоотношения. М., 1956;

178. *Хайек Ф.А. фон.* Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996 (глава X Определение денег – Отступление) // URL: <http://www.finansy.ru/book/macro/003hayek>;

179. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 213;

180. *Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В.* Индивидуальное и родовое в гражданском праве. М.: Статут, 2004;

181. *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996;

182. *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015;

183. *Цинделиани И.А.* Частно-правовой аспект цифровых финансовых активов // Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2021;

184. *Цитович П.* Обязательства по русскому гражданскому праву. Киев, 1914;
185. *Чеговадзе Л.А.* К дискуссии о природе имущественного права // Законодательство. 2003. № 11;
186. *Черепяхин Б.Б.* К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001;
187. *Шерстобитов. А.Е.* Гражданско-правовое регулирование «цифровых прав» // Проблемы современного гражданского права: сборник статей памяти В. С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2021;
188. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001;
189. *Шкаринов И.А.* Теория денег: проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 1997. № 4;
190. *Щербаков Н.Б.* Основные подходы к определению юридической природы «алеаторных сделок» // Вестник гражданского права. 2006. № 1 // СПС «Консультант Плюс»;
191. *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1, полут. 2;
192. *Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М.* Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 1. Введение и общая часть. М., 1949;
193. *Янковский Р.* Почему юристы никак не договорятся о криптовалютах // Geektimes. 2017. 10 июля // URL: <https://geektimes.ru/post/290953/>;
194. *Янковский Р.М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. 2020. № 4;
195. *Янковский Р.М., Ильин С.В.* Судебная практика по делам с использованием криптоактивов // Закон. 2019. № 4. С. 120 – 129 // СПС «Консультант Плюс».

196. *Яценко Т.С.* Механизм противодействия антисоциальному поведению участников оборота в действующем гражданском законодательстве // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011;

197. *Avgouleas E., Blair W.* The concept of money in the 4th industrial revolution – a legal and economic analysis // Singapore Journal of Legal Studies (Sing JLS), vol. 2020, no. 1, pp. 4-34.

198. *Bamford C.* Principles of international financial law. Oxford University Press, 2011;

199. *Black V.* Foreign Currency Claims in the Conflict of Laws / London: Hart Publishing, 2010. 14–66. Bloomsbury Collections. Web. 3 Apr. 2020;

200. Black's Law Dictionary. Henry Campbell Black. USA: West Publishing Co, 1999;

201. *Breckinridge S. P.* Legal tender: A study in English and American monetary history. Greenwood Press (reprint of the 1903 University of Chicago Press), 1969;

202. *Capdeville J. L.* De quelques précisions intéressant le bitcoin et le prêt de bitcoins / T. com. Nanterre, 26 février 2020, n° 2018F00466 // URL: <https://www.lexbase.fr/revues-juridiques/57260658-jurisprudence-de-quelques-precisions-interessant-le-ibitcoin-i-et-le-pret-de-ibitcoins-i> ;

203. *Chabas F., Mazeaud H. et autres.* Leçons de droit civil, 8 éd., t. 2, vol. 2, Biens: Droit de propriété et ses démembrements, 8 éd., Montchrestien, 1994;

204. *Connat A.* Les enjeux juridiques liés à l'usage de la cryptomonnaie: Bitcoin, une opportunité d'affaire pour les entrepreneurs québécois? ;

205. *Dabin J.* Une nouvelle définition du droit réel // Rev. trim. dr. civ. 20, 1962;

206. *Djazayeri A.* Die virtuelle Währung Bitcoin – Zivilrechtliche Fragestellungen und internationale regulatorische Behandlung // jurisPR-BKR 6/2014 Anm. 1;

207. *Dorn F.* Geldschuld // Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Bd. 2. Teilband 1, Allgemeiner Teil / R. Zimmermann (Hg.); Bearb. von F. Dorn. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007;
208. *Duden K.* Der Gestaltwandel des Geldes und seine rechtlichen Folgen. Karlsruhe: C.F. Mueller, 1968;
209. *Duden K.* Mann F.A., The Legal Aspect of Money, with special reference to Comparative Private and Public International Law, 3. Aufl. // *Rabels Zeitschrift fuer auslaendisches und internationales Privatrecht*, 37. Jahrgang 1973. Tuebingen.: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1973;
210. *Eder P.J.* Legal Theories of Money // *Cornell Law Review*. 1934. № 20;
211. *Ellinger E.P., Lomnicka E., Hooley R.* Modern banking law. N.Y., 2002;
212. *Engelhardt C., Klein S.* Bitcoins – Geschäfte mit Geld, das keines ist: Technische Grundlagen und zivilrechtliche Betrachtung // *MMR*. 2014;
213. *Foegen H.* Geld- und Waerungsrecht. Muenchen.: Beck, 1969;
214. *Fox D.* Cryptocurrencies in the Common Law of Property // URL: <https://ssrn.com/abstract=3232501>;
215. *Fox D.* Property Rights in Money. OUP, 2008;
216. *Fox D., Green S.* Cryptocurrencies in public and private law. Oxford, 2019;
217. *Frauenfelder M.* Das Geld als allgemeiner Rechtsbegriff: eine Untersuchung über das Verhältnis des rechtlichen zum wirtschaftlichen Begriff des Geldes («Abhandlungen zum schweizerischen Recht», H. 136). Bern.: Stämpfli, 1938;
218. *Fuelster H.* Das Buergerliche Recht in Frage und Antwort. Bd III. Sachenrecht. Gissen, 1926;
219. *Geis I., Geis E.* Rechtsaspekte des virtuellen Lebens – Erste Ansätze des Rechts zur Konfliktlösung in Second Life // *CR*. 2007;

220. *Geva B.* The Concept of Payment Mechanism // Osgoode Hall Law Journal. 1986. Vol. 24. № 1;
221. *Gleeson S.* The Legal Concept of Money. Oxford University Press, 2018;
222. Global Legal Insights – Blockchain & Cryptocurrency Regulation 2019. First Edition // URL: https://www.acc.com/sites/default/files/resources/vl/membersonly/Article/1489775_1.pdf ;
223. *Goldiszewicz A.* Bitcoin versus money: civil-law analysis of the concept // Ius novum. Vol. 13, № 3, 2019;
224. *Goldman Arnold J., Sigismund William D.* Business Law: Principles and Practices. Second edition. Boston, Houghton Mifflin Company, 1988;
225. *Goldschmidt L.* Handbuch des Handelsrechts. Erste Band, Zweite Abtheilung. Erlangen.: Verlag von Ferdinand Enke, 1968;
226. *Goode R.* Commercial Law. – third ed. – London: Penguin Books, 2004;
227. *Goode R.M.* Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions. London: Sweet and Maxwell, 1983;
228. *Greco T. H., Jr.* Money: Understanding and Creating Alternatives to Legal Tender. Foreword by Vicki Robin. White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing Company, 2001;
229. *Hartmann G.* Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden. Braunschweig.: Verlag der Hofbuchhandlung von Eduard Leibrock, 1868;
230. *Heckmann J.* DAO-Hack: smart contracts auf dem rechtlichen Prüfstand // CR. 2016. R99-R100;
231. *Hedemann J.* Sachenrecht des buergerlichen Gesetzbuches. Berlin; Leipzig, 1924;
232. *Heermann P.W.* Geld und Geldgeschaefte. Tuebingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2003;

233. *Heller D.* Do Digital Currencies Pose a Threat to Sovereign Currencies and Central Banks? / PIIE Policy Brief. 2017;
234. *Hirshberg E.* The impact of inflation and devaluation on private legal obligations. Legal aspects of contemporary monetary problems. Bar-Ilan University, Ramat-Gan, Israel;
235. *Hoesch U.* Eigentum und Freiheit. Tuebingen, 2000;
236. *Horn N.* Geldwertveränderungen, Privatrecht und Wirtschaftsordnung. Karlsruhe: C.F. Muller Juristischer Verlag, 1975;
237. *Judge S.* Business Law. L., 1999;
238. *Jung E.* Das privatrechtliche Wesen des Geldes. Untersuchungen zur Lehre vom Gelde (sowie vom Gewohnheitsrecht, vom ursächlichen Zusammenhang und von der Auslegung). Marburg.: N.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, G. Braun, 1926;
239. *Karsten S.* Geldrecht: Geld, Zins und Waerung im deutschen Recht; Kommentar – Berlin: Schweitzer de Gruyter, 1983;
240. *Kaulartz M.* Die Blockchain-Technologie. Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains // CR. 2016;
241. *Kelly D., Holmes A., Hayward R.* Business Law. 5th Edition. London: Cavendish Publishing Limited, 2005;
242. *Kiefner H.* Geld und Geldschuld in der Privatrechtsdogmatik des 19. Jahrhunderts // Wissenschaft und Kodifikation des Privatrechts im 19. Jahrhundert. / hrsg. von Helmut Coing u. Walter Wilhelm. Band 5: Geld und Banken. – Frankfurt am Main: Klostermann, 1980;
243. *Kinnaird P.* The Legal Tender Problem. Chicago: Ainsworth & Company, 1904;
244. *Kuhlmann N.* Bitcoins – Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen Währung // CR. 2014;
245. Kurzkomentar zum Buergerliches Gesetzbuch. Muenchen, 2002;

246. *Kütük-Markendorf M.E.* Rechtliche Einordnung von Internetwährungen im deutschen Rechtssystem am Beispiel von Bitcoin. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2016;

247. *Kwaw E.M.A.* Towards the Creation of an International Legal Regime for the Operation of Eurocurrency Deposits // *International and Comparative Law Quarterly*. 1994. Vol. 43. № 2;

248. La nature juridique de la monnaie électronique / *Bulletin de La Banque de France* № 70. Octobre 1999 // URL: https://www.banque-france.fr/fileadmin/user_upload/banque_de_france/archipel/publications/bdf_bm/etudes_bdf_bm/bdf_bm_70_etu_1.pdf;

249. *Larenz K.* Lehrbuch des Schuldrechts. Erster Band. Allgemeiner Teil. – 14., neubearb. Aufl. Muenchen.: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1987;

250. *Ledun P.* Le bitcoin: une monnaie virtuelle à l'imposition bien réelle // URL: <https://association-idpa.com/blog-articles/2018/9/26/le-bitcoin-une-monnaie-virtuelle-limposition-bien-reelle-zke5a> ;

251. *Lorenz S., Riehm T.* Lehrbuch zum neuen Schuldrecht. Muenchen, 2002;

252. *Magnen J.-P., Fourel C., Meunier N.* D'autres monnaies pour une nouvelle prospérité, 2015 // URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/154000250.pdf> ;

253. *Mann F.A.* The legal aspect of money with special reference to comparative private and public international law. Oxford, 1971;

254. *Mann F.A.* The Legal Aspect of Money: With Special Reference to Comparative Private and Public International Law. OUP, 1992;

255. *Mann F.A.* The legal aspects of money. Second edition. New York: Oxford University Press, 1954;

256. *Margaret S.* Non-Cash Alternatives and Money Laundering: An American Model for Canadian Consumer's Protection // *American Business Law Journal*. 1992. Vol. 30/2;

257. *Maydell B. von.* Geldschuld und Geldwert: Die Bedeutung von Änderungen des Geldwertes für die Geldschulden. München.: Beck, 1974;
258. *McKendrick E.* Contract Law. Sixth ed. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005;
259. Merriam-Webster's Dictionary of Law. Springfield; Massachusetts, 1996;
260. *Michèle Saint Marc.* Tests sur les definitions de la monnaie et de la quasi-monnaie en France (1810-1970) // Revue d'économie politique Vol. 85, № 4 // URL: <https://www.jstor.org/stable/24696415>;
261. *Moschel W.* Dogmatische Strukturen des bargeldlosen Zahlungsverkehrs // Archiv für die civilistische Praxis. 1986 (186) 187 Tübingen: J.C. Mohr, 1986;
262. *Nakamoto S.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> ;
263. *Normand S.* Les nouveaux biens // La revue du notariat. Volume 106, Numéro 2, Septembre 2004, p. 177–204 // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/notariat/2004-v106-n2-notariat03666/1045800ar>;
264. *Nussbaum A.* Das Geld in Theorie und Praxis des Deutschen and ausländisches Rechts. – Tübingen.: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1925;
265. *Nussbaum A.* Money in the Law National and International. A comparative study in the borderline of law and economics. Brooklyn: The Foundation Press, Inc. 1950;
266. *Omlor S.* Geldprivatrecht: Entmaterialisierung, Europäisierung, Entwertung. Tübingen.: Mohr Siebeck, 2014;
267. *Omlor S.* Kryptowährungen im Geldrecht // ZHR 2019, 294;
268. *Palandt O.* Gesetz zur Modernisierung des Schuldrechts. München, 2002;
269. *Perrin A.* Le bitcoin et le droit : problématiques de qualification, enjeux de régulation // URL: <https://www.village-justice.com/articles/bitcoin-droit->

[proble%C3%8C%C2%81matiques-qualification-enjeux-re%C3%8C%C2%81gulation-par-amaury,28856.html](#) ;

270. *Pesch P.J.* Cryptocoin-Schulden. Verlag CH Beck, 2017;

271. *Primavera De F., Wright. A.* Blockchain and the Law: The Rule of Code, Harvard University Press, 2018;

272. *Proctor C.* Goode on Payment Obligations in Commercial and Financial Transactions. Sweet&Maxwell, 2009;

273. *Proctor C.* Mann on the Legal Aspect of Money / Oxford University Press. 7th edition. 2012;

274. *Redish A.* Legal tender // The New Palgrave Dictionary of Money and Finance. Volume II / Edited by P. Newman, M. Milgate, J. Eatwell in three volumes. London: Macmillan Press LTD, 1994;

275. *Rosenn K. S.* Law and Inflation. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1982;

276. *Samuel M.* Non-Cash Alternatives and Money Laundering: An American Model for Canadian Consumer's Protection // American Business Law Journal. Volume 30/2, September 1992;

277. *Schmidt K.* Geld und Geldschuld im Privatrecht. Eine Einführung in ihre Grundlagen // Juristische Schulung. 1984. Oct. Heft 10;

278. *Schroeder M.* Bitcoin: Virtuelle Wahrung – reelle Problemstellungen // JurPC Web-Dok. 104/2014, Abs. 1–142;

279. *Seitz J.* Distributed Ledger Technology & Bitcoin – Zur rechtlichen Stellung eines Bitcoin-«Inhabers» // K&R. 2017;

280. *Simitis S.* Bemerkungen zur rechtlichen Sonderstellung des Geldes // Archiv fur die civilistische Praxis. 1960-1961. № 159;

281. *Smith R. J.* Property law. 8th edition, 2014;

282. *Sorge C., Krohn-Grimberghe A.* Bitcoin: Eine erste Einordnung // DuD. 2012;

283. *Spindler G., Bille M.* Rechtsprobleme von Bitcoins als virtuelle Wahrung // WM. 2014;

284. *Stephen T. Middlebrook and Sarah Jane Hughes. Substitutes for Legal Tender: Lessons from History for the Regulation of Virtual Currencies // URL: <https://ssrn.com/abstract=2605847>;*

285. *Summers R.S. Instrumentalism and American Legal Theory. UK.: Cornell University Press Ltd., 19828*

286. *Terre F., Simler P. Droit civil. Les biens, 2014;*

287. *Terre F., Simler P., Lequette Y., Chenede F. Droit civil. Les obligations, 2019;*

288. *Vandezande N. Virtual Currencies: A Legal Framework // Intersentia. 2018;*

289. *Vardi N. The Integration of European Financial Markets: The Regulation of Monetary Obligations. Routledge-Cavendish, 2011;*

290. *Vauplane H. de. L'analyse juridique du bitcoin // URL: <https://www.aef.asso.fr/publications/rapport-moral-sur-l-argent-dans-le-monde/rapport-moral-2014/1-146-analyse-juridique-du-bitcoin>;*

291. *Völkel O. Privatrechtliche Einordnung virtueller Währungen // ÖBA. 2017;*

292. *Weiss A. Zivilrechtliche Grundlagenprobleme von Blockchain und Kryptowährungen // JuS 2019, 1050;*

293. *Yoran A. The effect of inflation on civil and tax liability. Kluwer law and taxation publishers, 1983;*

IV. Интернет-ресурсы

1. Генпрокуратура и ЦБ разработают меры для борьбы с обращением биткойна // URL: <https://www.interfax.ru/russia/356492>;

2. Доклад Банка России для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» // https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf;

3. Официальный сайт Банка России. // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>;
4. Официальный сайт Европейского центрального банка // URL: https://www.ecb.europa.eu/paym/digital_euro/html/index.en.html;
5. Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e4014c9a7947816217cac1>;
6. Цифровой рубль. Доклад для общественный консультаций. М., 2020 // URL: http://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf;
7. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht. Bitcoins: Aufsichtliche Bewertung und Risiken für Nutzer. 19.12.2013 // URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/DE/Fachartikel/2014/fa_bj_1401_bitcoins.html;
8. Fincen Guidance: Application of FinCEN’s Regulations to Certain Business Models Involving Convertible Virtual Currencies. May 9, 2019. FIN-2019-G001 // URL: <https://www.coinfirm.com/wp-content/uploads/2021/01/FinCEN-CVC-Guidance-FINAL.pdf>.
9. Prêt à tout pour arrêter bitcoin? Panique à la banque de franceurl / Rémy R. 02 juillet 2021 // URL: <https://journalducoin.com/actualites/arreter-bitcoin-panique-banque-de-france/>;
10. Progress of Research & Development of E-CNY in China. // URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf>.
11. Report on a digital euro, 2020. p. 50-51// URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf;